

СТОЛИЩА

№30 (140) 1993г.

**Юрий ЛЮБИМОВ —
Папа Карло
или
Карабас Барабас?**

страница 54

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР BMW

**Пять причин, почему Вам
стоит обратиться к нам:**

1. Мы являемся единственным официальным представителем BMW в Москве.
2. Вам предоставляется возможность проехать за рулем последних моделей BMW. Вы получите исчерпывающую информацию о всех модификациях BMW. Гарантируется европейское качество обслуживания при покупке.

3. Вы приобретаете автомобиль по заводской цене из Германии. Ваш BMW будет изготовлен с учетом всех Ваших пожеланий.
4. Только у нас Вы получаете гарантии фирмы-производителя.
5. Если у Вас уже есть BMW, мы приглашаем Вас воспользоваться услугами нашего автосервиса.

Гевика Автосервис ГмбХ
115201, Москва, ул. Котляковская, 3А
Тел./факс (095) 113-38-48, 113-78-03

С УДОВОЛЬСТВИЕМ ЗА РУЛЕМ.

ПРАВИЛО СРЕДНЕЙ ЩЕКИ

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Поговорим о странностях любви.

Той, что, по слову Апостола Павла, «не гордится, не бесчинствует, не ищет своего». Той, которая, по формуле Блаженного Августина, есть единственный долг и вместе цель всякого человека: «Люби — и делай что хочешь».

Той, о коей нет упоминания ни в одном из проектов, ни в одном черновом наброске нашей новой, вождяленной конституции, ни в одной из десятков и сотен речей по ходу ее обсуждения.

Поговорим о странностях любви.

Ельцин — в Афинах, тамошнему репортеру, как демократ демократу: кто вам сказал, будто мы полагаем бомбежку Багдада добрым делом и торжеством справедливости? Мы просто считаем, что старины Клинтон в данном случае *прав*.

Козырев — в Вене: это мы раньше боролись за мир до победного конца, пока во всем мире камня на камне не останется; а теперь, вместе с нашими друзьями янки, выступаем за «эффективное миротворчество» — то есть готовность «к самому жесткому — на поражение — отпору тем, кто поднимает руку на миротворцев». Это *право* сильного — дать сдачи.

Некое «весьма информированное» лицо — в Москве, корреспонденту газеты «Сегодня»: реакция нашего МИДа на ракетный удар по Хусейну — компенсация за соответствующие американские услуги в случае обострения вокруг военного присутствия России в ближнем зарубежье. Как известно, *правовой* статус этих войск не определен...

«Прав»... «право»... «правовой»...

На переломе нынешнего лета мне снова страсть охота перечить публицистику Солженицына, интервью и письма Сахарова, иные тексты самиздата четвертьвековой давности. Вот и тогда, как и теперь, шел суперсериял с концом заведомо известным — а все равно всем было любопытно, какую рожу скорчит

Брежнев после очередного налета Никсона во Вьетнаме ли, на Ближнем ли Востоке. Теперь, понятно, все с точностью до наоборот, Ирак нам друг — но истина дороже, однако ж и теперь, как и тогда, под шорох, нежный шум дискуссии о зле, творимом за семью морями (неправедно иль справедливо), — право, так нехлопотно сворачивать то одну, то другую шею из тех, что постоянно под рукой.

Когда сегодня пытаются задним числом определить критическую точку в истории правления Горбачева, с которой начался «период полураспада», часто называют его телефонный звонок сосланному в Горький академику. Принимаются гадать: была ли то ошибка Горбачева? или красивая уступка? или рыцарский жест (вроде того, как Павел вернулся из Сибири впрок наказанного Радищева)? И почему-то упускают из виду, что академик, в ответ на предложение вернуться, тут же поставил условием освобождение всех политзаключенных и их полную реабилитацию. И Горбачев с готовностью кивнул (другое дело — что так до конца слова своего не сдержал; но кивнул же!)... тут все и кончилось.

Когда рассчитывают точку апогея капризной ельцинской планиды, мел сам собою на доске рисует привычный контур броневика; да, но ведь в «Белом доме» в августе 91-го был готов встретить смерть еще и не сгинувший в мерзлоте, выпущенный на волю с той подсказки Сахарова о Глебе Якунин... и так ли уж далеки от истины, ежели глядеть в глубь истории дальше 1985 года, слова: «Это была революция с лицом Ростроповича!» — кто забыл, подкажу: Ростропович был лишен гражданства, то есть приговорен к «вышке», и прилетал тогда в Москву, наскоро свернув все дела, оставив в столе завещание, под девизом: «Или пан — или пропа!».

И вот — вопрос. Чьими руками пишется история Государства Ро-

ссийского? Руками тех, кто, накинув крючок в сортире, после каждого заседания подсчитывает свой барыш, — или руками тех, кто, и встав одной ногой на эшафот, небрежно кивает: «Сдачи не надо?»

Не могу не задаваться этим вопросом, не вспоминать вновь и вновь дилемму Солженицына: «Правота силы — или сила правоты?» — на переломе нынешнего Лета Господня читая в нашей свободной, демократической прессе, как некий член парламента аттестует деятельность председателя Комитета ВС по правам человека Сергея Ковалева:

«Например, у наших людей вклады на сберкнижках обесценились... а он в ООН и всяких других местах интересы ди-син-дентов (так в стенограмме. — *М.П.*) представляет!»

А другой член — стоит кому-то из коллег напомнить, что Ковалев — бывший политзэк, семью годами лагерей заплативший за то, «чтобы мы с вами могли здесь свободно говорить», — взвизывается:

«А мы здесь *целых 70 лет* страдали!»

На воре шапка горит. Мы — страдали. Мы — пахали... В чем разница, к примеру, между Сахаровым и Горбачевым? Первый — всегда, когда надо было вступить за кого-то, неизменно заявлял от первого лица, по зову своей и только своей совести: «я считаю», «я полагаю», «мне кажется». Поддержку этой своей, личной точки зрения Сахаров искал не в стане единомышленников, не в толпе — но в общепризнанных юридических актах. Во Всеобщей Декларации Прав Человека. В резолюциях ООН. И заступался он не за «наших людей» вообще — а за конкретных, в данный момент истории страдающих, униженных и оскорбленных.

Что до Горбачева — он, во всех обстоятельствах правления своего, и в минуты, делающие ему честь, и в часы позора, по доброй больше-

В НОМЕРЕ

1 политика

С.Чупринин:

Историческая вина интеллигенции и предпринимателей очевидна: они позволили власти отнестись к себе именно так — наплевательски, без каких бы то ни было церемоний...

В.Крыжановский, посол Украины в России:

Думаю, что вы не против, чтобы мы в нашей хате, соседней с вашей избой, тоже жили богато.

В.Коротич:

В Киеве похоронены мои отец и сын. Над сыном надпись сделана по-украински, над отцом — по-русски. Эту-то, отцовскую, плиту выворотили и сломали вместе с соседними русскоязычными эпитафиями. С тех пор я в Киеве не был. Не хочу.

2 экономика

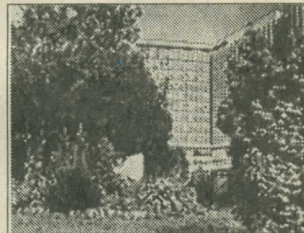
Б.Лагутенко:

Действующая налогово-бюджетная система наказывает «маяков реформы»... Покрывается иждивенчество. Поощряются регионализм и федерализм, ибо фактически система потворствует неравноправию субъектов Федерации.

20

А.Ефимова:

Не верю я, что в бывшей спецбольнице 4-го Управления (ныне Российском клиничко-диагностическом центре) доведется когда-либо лечиться «простому российскому гражданину». Из всех моих знакомых россиян лишь одна дама побывала в роли пациентки бывшей четверки, да и то потому, что она жена иностранца и может заплатить 150 долларов за консультацию...

22

3 жизнь

С.Иванов, К.Рыбак:

Итак, вы, что называется, «дошли». Вам надоело кушать свой горький мэнээсовский хлеб и считать копейки (пардон, сотни) до полочки... А чем, по большому счету, специальность челночника хуже вашей, подтвержденной красным дипломом?

30

Е.Салина:

Так и живем. Судьи делают вид, что судят, исполнители — что исполняют, а потерпевшие радуются, что вообще остались живы.

36

А.Габрилович:
ЭРОТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Я с удивлением обнаружил, что в голову стали приходить сюжеты, о которых в недалеком прошлом я и помыслить бы не посмел...

45

4 культура

П.Тодоровский:

А честно сказать, во ВГИК я пришел этаким «дубовичком», с интеллектуальным запасом неполной средней школы провинциального городка, и мне очень сильно пришлось сверстников догонять.

50

Д.Горелов:

Юрий Петрович Любимов на Таганке — царь, бог и воинский начальник... А на него, помазанника, полтруппы поперло. Почему бы?

54

Э.Бабаев:

Встретились и подружились мы во время войны, в эвакуации, в Ташкенте. Самый старшим среди нас был Георгий Эфрон, или Мур, сын Марины Цветаевой, ему тогда едва исполнилось шестнадцать.

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссветом 2 июня 1990 г.

Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.

Свидетельство о регистрации № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону:

923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 23.07.1993 г.

Тираж 92 000

Цена договорная

Над номером работали:

П.Смирнов, С.Панов, А.Остроухов

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул.1905 г., д.7. Зак. 3274

вистской традиции, оперировал исключительно местоимениями во множественном числе. И — вот парадокс — как раз нежелание (или неумение) отделить *лицо* от *массы* мешало ему понять, почувствовать боль многих людей сразу. Каждого их тех, великих и малых народов, которые, приветствуя «дней Михайловых прекрасное начало», имел сказать ему и нечто нелицеприятное.

«Без меня народ неполный» — эта святая, если хотите — слепая вера Андрея Платонова за полтора года, минувших со дня прекращения существования СССР, подтверждается сплошь и рядом.

Отчего развалилось? Оттого, что Мишка был коварный? Оттого, что Борька оказался еще коварнее? Да нет — они лишь довершили изначально в фундамент заложенное. Мало того что на песке строилось, так еще краеугольным камнем была не готовность «душу положить за други своя» (удивительные слова: не просто за друзей, но — за *других*, ставших *своими*); нет, братцы, у нас все строилось именно что «гордясь, бесчинствуя, ища своего».

И вот — пока одни из нас, гордясь, что и «наш» в Токио не лыком шит, надуваются от сознания принадлежности к цивилизованной части мирового сообщества, а другие «наши» бесчинствуют под дождем, держа в левой руке плакат «Родина-мать зовет», а в правой — Хусейна, в Верховном Совете под шумок, отключив без каких-либо объяснений трансляцию, громят Ковалева и его Комитет, как в прошлом году травили Якунина, как в горбачевском парламенте камнями побивали Сахарова.

«Формально ситуация очень простая, — объяснял накануне слушаний отчета сам Сергей Адамович Ковалев. — Разумеется, комитеты должны отчитываться... Что же касается существа ситуации, тут тоже все понятно: Верховному Совету даны лицензии на отстрел... Мы себя достаточно скомпрометировали в глазах Руслана Имановича: это и история с выселением чеченцев из гостиниц, которую мы расследовали, и еще целый ряд заявлений, расхоронившихся с решениями Верховного Совета, — и по президентскому импичменту, и по поводу решения Конституционного суда...»

Все верно; и ничего, кажется, нового не прибавляет «дело Ковалева» к отвратительной физиономии российского парламента: уж такой он у нас «уродился, бедный недоносок»*. Ну разве что некоторую пи-

кантность сообщает «делу» то, что беспредел в данном случае творится в отношении Комитета по правам человека. Сенокосилка въехала аж в Святая Святых.

Можно было бы еще раз не обратит внимания: мели, Емеля.

Можно было бы пожать плечами: нормальная фракционная возня.

Можно было бы — с подачи Ковалева — назвать учиненную ему трепку «пирровой победой» Хасбулатова.

Но «дело» это, на первый взгляд, частное и не самое скандальное, выплескивается как за стены «Белого дома», так и за временные границы.

Печаль моя — нет, не о том, что «диссидента» Ковалева пинают «коммуняки»... если бы все обстояло так просто!

Сколько угодно журите Ельцина за его кадровую политику, за его бесконечные уступки «реакции», за то, *кого* и *кем* в своем окружении он заменяет и с чем в итоге останется, напоминайте ему сколько угодно об участии Горбачева... но Ельцин уже не волен что-либо изменить в том духе, в том воздухе, в той политической атмосфере, которая пропитывает все и вся кругом в новой России.

Страшно и грустно об этом вслух — но уход с политической арены, с авансены «сахаровской плеяды», оказавшей на Ельцина такое решительное влияние, сыгравшей такую роковую роль в его карьере, — видимо, факт свершенный. Другой вопрос — мог ли этот уход состояться позже (или раньше). Но он — состоялся. Дальше — без них. Увы.

И — полагаю руку на сердце: нам страшно не оттого, что Ельцин — промежуточная фигура, а оттого, что промежуточными фигурами оказались «демороссы», «межрегиональщики». Люди с печатью боли и сомненья на челе. Для которых любовь — не звук пустой.

О, если бы ты был горяч или холоден! но ты — ни холоден и ни горяч... ты — теплохладен. Зовут тебя Аксютинцем или Бабуриным — не суть важно, разница ничтожна, контуры совмещаются до миллиметра; и сквозь эти, друг на друга наложенные очертания просвечивает еще — третье. Чье бы лицо?

А! поэт Осенева.

Мы думали: его лебединая песня пропета... «Сижу за решеткой в темнице сырой...» Но сильнее-то всего он — не в камерной, а в симфонической музыке.

И кто поручится, что за него (а вовсе не за Жириновского и Стерлигова) на новых президентских вы-

борах не проголосует «подавляющее большинство»? Он, именно он, а не эти, олицетворяет «новое политическое мышление». Он — и питомцы его школы.

Процесс по делу ГКЧП вступил в решающую, завершающую фазу. Похоже, что очередная отсрочка, очередной перенос слушаний по делу этого «комитета защиты прав нашего простого советского человека» — предвестие триумфа узников «Матросской Тишины». Верховный Совет России сделал для этого все, что мог.

«И братья меч вам отдадут»...

Вы берете меня за подбородок, заглядываете мне в глаза — и проникновенно бормочете о сбернижках, о ветеранах войны и труда, о коррупции в президентском окружении, о безвинных жертвах ракетного удара по Ираку, о сербах, о русских в Эстонии, о грядущей гражданской войне. Я вас слушаю внимательно, я киваю, со многим, да почти со всем соглашаюсь. Но я вам не верю. Потому что в словах ваших нет любви.

Вы — не о них печетесь. О себе. Не об их бедах — о своих. Эта ваша любовь — ищет своего.

Вы озираетесь — и шепчете: послушай, дурачок, политика — она изначально цинична, безнравственна, лицемерна. И любви в ней вообще места нет.

Может, и так. Даже скорее всего — так...

Воодушевляясь, вы хлопаете, поначалу легонько, потом все сильнее, меня то по правой, то по левой щеке: и ты и мы, говорите вы мне, заведомо обречены, при любом правлении, вот так подставлять поочередно щеки... со стороны — оно даже ничего, на Первое мая смахивает: здоровый румянец, утро красит нежным цветом...

Но я знаю: больше всего вам хотелось бы, чтобы у меня на месте физиономии, ровно посерединке, выросла третья щека.

* Народная песня в записи Пушкина.

Опять «никто не ожидал». Опять ни за что ни про что погубили российские парни. Пограничники России на границе... Таджикистана с Афганистаном...

Конечно, для военных начальников, а конкретно — для боевого генерала, «афганца», замминистра обороны Бориса Громова случившееся никакой неожиданностью не было. На сессии Верховного Совета, обсуждавшей трагедию на границе, он доложил, что разведданные говорили ясно: вот-вот грянет новая атака моджахедов с той стороны границы. Что надо бы делать в этом случае? Генерал говорит: нанести упреждающий удар артиллерией и авиацией. И далее генерал и замминистра спрашивает наших смельчаков-избранников:

— Кто ж примет на себя такую миссию или такое решение — нанести *упреждающие* удары по территории другого государства?

Для генерала это проблема...

А для смельчаков-избранников — никакой. Наши остроумные слуги народа кричат ему из зала:

— Клинтон! — и хохочут. Мол, ну и слабаки же вы там все, военные, не в пример нам, избранникам. Нет на вас Клинтон...

Нету. А есть всего лишь Ельцин. Президент. Да еще и Верховный Главнокомандующий. Который, однако, такого удара по другому государству не нанес. За это — ату его!..

Тут-то как раз и стало очевидным, для чего собрались на свою сессию наши смельчаки-избранники. Формально — для принятия «Заявления в связи с событиями на таджикско-афганской границе». Формально — для экстренной ратификации Договора о дружбе с Таджикистаном. Это формально. Но наши депутаты — не какие-нибудь формалисты. И фактически собрались все с той же благородной целью — заклеить собственного Президента, да еще и Верховного Главнокомандующего. Благо есть повод...

Это стало абсолютно ясно с самых первых слов избранников, прочно вцепившихся в микрофоны, как в пулеметы. Формула хорошо отлажена в этом зале: что бы в парламенте ни обсуждать, лишь бы — в пику президенту и его

Вокруг да около парламента

КЛИНТОНА НА ВАС НЕТ!...

команде. Так было и при принятии скандального постановления по статусу Севастополя, и при не менее скандальном — вторичном?! — отказе от ратификации российско-венгерского Договора. Совершенно ясно, что не гибель российских парней, не слабая боеготовность пограничных застав, не вопиющая наглость нарушителей границы и не интересы собственного государства волнуют иных народных избранников России больше всего, а ничем не прикрытое неприятие этими депутатами собственного главы государства.

Первый залп дал член Президиума ВС России, председатель Комиссии по социальной политике Михаил Захаров, который так и сказал: «Меня больше всего интересует — знают ли об этом военном конфликте президент и правительство? Я думаю, что президент даже не знает, что война идет где-то недалеко от России...» Сигнальный выстрел прозвучал — и одно за другим посыпались аналогичные обвинения в адрес находящегося в отпуске и, значит, отсутствовавшего президента со стороны «штатных» оппонентов Ельцина — депутатов Бориса Тарасова, Сергея Бабурина, Юрия Юдина, мгновенно поддержанных спикером, жалобным голосом бросившим:

— Чтобы мне вылететь в Страсбург, в Токио нашли Верховного Главнокомандующего. Важный вопрос, надо было согласовать... А это, видимо, не очень важный

вопрос...

Но больше всего усердствовал в обличении Президента и Верховного Главнокомандующего, напрочь забыв о предмете дискуссии, народный депутат, бывший радикальный демократ, ныне член блока «Российское единство» Михаил Челноков. Он пять раз выбежал к пулемё... тьфу ты, к микрофону. Строго указав Верховному Главнокомандующему, что он не имеет права на отпуск, Челноков категорически потребовал немедленно вызвать Ельцина в зал, а когда это предложение отклонили, с каким-то даже облегчением возложил на президента ответственность за все, что уже произошло на границе и что еще только произойдет там, так как Верховный Главнокомандующий, по словам отчаянного смельчака-парламентария, «трусливо боится прийти в Верховный Совет». Так прямо и сказал почти на русском — «трусливо боится»...

Члены Верховного Совета так увлеклись критикой президента, что не потрудились даже вспомнить, что *сами* же, на Верховном Совете, приняли Закон об обороне, который предписывает президенту испросить на подобные радикальные меры согласия Верховного Совета...

В конце концов, после обещанного перерыва, за время которого голодные страсти по президенту чуть поутихли, сытые избранники без особых дебатов утвердили «Заявление в связи с событиями на таджикско-

афганской границе» (в котором вполне туманно поручено правительству России «принять необходимые меры по защите жизни и безопасности наших соотечественников соответствующими обстоятельствам средствами»), а вслед за ним ратифицировали Договор между Россией и Таджикистаном и пакет двустороннему сотрудничеству.

Один из разработчиков Договора, председатель Комитета ВС РФ по межреспубликанским отношениям, региональной политике и сотрудничеству Владимир Подопригра, признал, что документ ратифицирован в спешном порядке, и сказал, что у России сейчас просто нет иного выхода, кроме как держать своих военнослужащих на границе Таджикистана с Афганистаном: собственная-то российско-таджикская граница, как известно, отсутствует. А защитить интересы России необходимо, в частности, от проникновения наркотиков на ее территорию со стороны Афганистана.

Он выразил сожаление, что своих обязательств по оказанию военной помощи Таджикистану на сегодняшний день не выполняют другие страны СНГ, подписавшие соответствующее Минское соглашение в январе этого года. — Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан. Сейчас границу защищают лишь парни из России, хотя эти три страны Содружества тоже обязались послать туда свои воинские контингенты...

— Понятно, — говорит В.Подопригра, — что у них, может быть, нет таких возможностей для этого, как у России, но, коль скоро они поставили свои подписи под соглашением, должны его выполнять. Хотя бы в меру своих сил.

И генерал Громов о том же говорил с высокой трибуны. И куда яснее выразил свою мысль, чем наши туманные смельчаки-парламентарии:

— Я с огромным уважением отношусь к этим государствам, нашим собратьям — Таджикистану, Узбекистану, Кыргызстану, Казахстану... Но все же — нехорошо руками России выполнять задачи в Таджикистане!

Ох, нехорошо, собратья...

Григорий КРОШИН

МАФИИ НЕТ, НО СТРЕЛЯЮТ...

Рядом с моим подъездом падали. Из автомата. Короткими очередями. Пришлось переждать перестрелку — не бежать же через простреливаемую улицу домой! Москва — фронтовой город? Или это очередная разборка между рэкетирами?

Естественно, что на пресс-конференцию министра внутренних дел Виктора Ерина, состоявшуюся через пару дней после вышеописанной пальбы, ваш корреспондент пошел с большой охотой. Министр же, не приняв сравнения с Чикаго 20-х годов («Не был никогда там, не знаю»), успокоил собравшихся журналистов: это, мол, типичные внутренние разборки преступных группировок, обычных мирных граждан, как правило, они не затрагивают. «Прав министр, — подумал я, — ведь и правда не затронуло. Пока...»

Но в целом же за последние полгода количество зарегистрированных преступлений, по данным МВД, выросло и составило 1 млн. 372,7 тысяч. Рост преступности продолжается. Наиболее тревожная обстановка в Карелии, Приморском крае, Калининградской, Челябинской областях, Санкт-Петербурге, Омске и, конечно же, в Москве. Не удалось стабилизировать обстановку и в экономической сфере — там тоже преступность не падает.

Количество умышленных убийств выросло аж на 47,2 процента, достигнув цифры 14,8 тысячи. Чаще стали применяться взрывные устройства, только с января по июнь был произведен 131 взрыв, жертвами которых стали 45 и ранено 84 человека.

По данным министра, мы еще не в самом худшем положении: в западноевропейских странах и США в среднем на 100 тысяч человек населения совершается 5—8 тысяч преступлений. У нас «пока» 1300 преступлений на сто тысяч жителей, а в Москве и вовсе 900. При этом Виктор Федорович несколько раз делал оговорку: я не верю, что

это реальная статистика, нужна реальная картина, а не снижение преступности на бумаге.

С этими словами министра согласны были почти все собравшиеся в Центре общественных связей МВД России. Кто по себе не знает, как тяжело заставить сотрудников отделения милиции завести дело, скажем, по поводу ограбления, не говоря уж про хулиганское нападение?

Многих, безусловно, интересует то, как действуют органы внутренних дел далеко от Москвы. Министр вполне спокойно заявил, что никаких проблем нет, все подразделения, областные, краевые, республиканские, действуют в полном единстве и контакте в рамках единого МВД России, даже и в «суверенном» Татарстане: «Мы превосходим работу с Татарстаном, проблем нет ни с его руководством, ни с правоохранительными органами республики. МВД Татарстана — составная часть МВД России. Сейчас мы даже решаем вопрос о назначении нового министра, так как прежнего мы переводим в Москву...»

Идиллии нет, естественно,

в зоне чрезвычайного положения — в районе международного конфликта между осетинами и ингушами. По словам Виктора Ерина, обстановка там крайне тревожная, не прекращаются обстрелы постов внутренних войск. Несмотря на серьезную профилактическую работу, силы МВД не в состоянии оказать серьезного воздействия на стабилизацию обстановки: «Партизанские действия мы сдержать не можем, можем лишь не допустить крупномасштабного столкновения...»

— Я не знаю, что такое мафия! — так ответил министр на вопрос британского телевидения о наличии таких структур в России.

— У меня нет данных, позволяющих утверждать, что отечественная преступность уже сумела организовать до такого высокого уровня. Да, в России действует около 150 крупных преступных сообществ, объединяющих свыше 3 тысяч группировок. Но около тысячи из них мы уже разгромили. В отношении же продолжающих действовать нет достоверных данных, которые позволили бы громко именовать их «мафией».

К этой проблеме тесно примыкал и вопрос о причинах ухода из МВД в МБР бывшего начальника управления по борьбе с организованной преступностью Александра Гурова. Как известно, он больше прославился не

борьбой с преступностью, а панегриками в его адрес журналиста Щекочихина. Виктор Ерин отказался вдаваться в подробности, сказав, что, по его мнению, неэтично выносить на публику взаимоотношения между начальником и подчиненным. Тем не менее по Гурову чуток «проехался»: устроил, мол, в печати большую шумиху об огромном количестве дел по коррупции, об организованной преступности... А когда я пришел в МВД, тогда еще союзное, и предложил ему предъявить либо реально заведенные дела, либо хотя бы материалы оперативной разработки, то мне заявили, что таковых нет! После чего пришлось дать указание о привлечении к ответственности виновных в дезинформации...

Добавим, что сейчас генерал Гуров пишет «мемуар» под интригующим названием «Красная мафия» и занимает синекуру в Министерстве безопасности.

Закончилась же пресс-конференция лишь после того, как настоячивые журналисты все-таки выпытали у министра, сколько он получает в месяц — 200 тыс...

Если бы мне платили столько, купил бы бронжилет, дабы во время следующей перестрелки под окнами выяснить у самих «разборщиков»: так есть ли у нас мафия или нет?!

Владимир ВОРОНОВ

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Один депутат, играя в «Поле чудес», никак не мог угадать две буквы, чтобы получилась фамилия известного русского поэта. А на табло было: «ПУШ..Н».

«Определенные силы мешают...» Так назовите же, наконец, фамилии, черт возьми.

Основные герои программы «600 секунд» обычно держат руки за спиной.

Фото О. Дуленина

ПЕРЕЖИВШИЕ КОММУНИЗМ

— А все-таки коммунизм сдох, — считает Алесь АДАМОВИЧ, писатель, публицист, литературовед, общественный деятель, еще недавно — народный депутат СССР и один из наиболее активных участников перестройки. В настоящее время от политики практически отошел, руководит научно-исследовательским институтом и пишет книги. О том, как он оценивает далекое и недалекое прошлое и свою роль в происшедшем, с ним беседует Виктор МАТИЗЕН.

— Какие взгляды у вас сложились к моменту прихода Горбачева к власти?

— Те же, что у многих шестидесятников. Наше поколение, за исключением ярких диссидентов, имело большие иллюзии относительно системы. Мы долгое время думали, что ее можно улучшить, усовершенствовать, но она все-таки должна существовать и осяществить страну. Мы наивно считали, что Сталина надо исправить Лениным, социализм исправить Марксом и все пойдет хорошо. Но, естественно, у меня были некоторые особенности во взглядах, связанные с моей жизнью.

Семья моей матери была раскулачена: родители, братья и сестры были высланы в Сибирь. Им страшно повезло сравнительно с теми десятками тысяч, которые там погибли, — они вернулись, но ясно, что это не могло не влиять на атмосферу в нашей семье. И хотя мои родители ничего не делали для того, чтобы мы к системе относились нелояльно, — это был инстинкт выживания, так как они чувствовали, что, если заложить в нас критическую доминанту, это нас погубит, — никакого энтузиазма по отношению к власти я не испытывал. Жили мы в рабочем поселке, там было триста рабочих-стеклодувов, из которых в 1937 году были арестованы 83 человека. Никто у нас не верил, что это враги или шпионы. Это были люди с польскими фамилиями, вернее даже, с польскими окончаниями фамилий — на «ский», на «ич»... Отец случайно не попал в эту мясорубку. Однажды я проснулся ночью, слышу — мать плачет, а отец ей говорит: «Прощай тебя, если меня возьмут, не бегай,

не ищи — я не вернусь. Говорят, там бьют, и если меня ударят, я схвачу первое, что попадет под руку, и после этого мне не жить!»

И второе. Во время оккупации, когда я уже был партизаном, исчезли все пропагандистские прикрытия реальности. Когда мы приходили в деревню за припасами, нас привечали, снабжали, но спрашивали: «Неужели, когда война кончится, снова колхозы?» — «Да что ты, тетка, какие колхозы? За Москвой их уже нету, вон церкви пооткрывали...» С одной стороны, это была ложь во спасение. Как было сказать этим людям, разоренным советской властью и превращенным в крепостных, что они должны были жертвовать всем, чтобы вернуть колхозный строй? С другой стороны, нам и самим хотелось верить, что после такого самопожертвования, которое народ проявил по отношению к этой жестокой и подлой власти, его не загонят в рабство. Вообще, разговоры в войну были очень откровенные, хотя своих стукачей и в партизанах хватало. Поэтому разоблачения сталинизма, которые были сделаны на XX съезде КПСС, лишь подтвердили то, что я уже знал.

— Партизанское движение было следствием немецкой политики на оккупированных территориях или же оно возникло бы при любом оккупационном режиме?

— Видите ли, белорусы всегда были партизанским народом. Жили по-крестьянски, изолированно, в лесах, в болотах и относились ко всем, кто приходил извне — к шведам, к французам, к полякам, даже к русским, — весьма враждебно. Так что партиза-

ны появились бы независимо от действий немцев. Другое дело — масштаб движения. В Белоруссии было 400 тысяч партизан, так что Германия фактически имела у себя в тылу, на главной снабжающей магистрали, второй фронт.

Такой размах, на мой взгляд, можно объяснить только тем, что немцы будто нарочно все делали для того, чтобы разжечь партизанскую войну. Я помню, как 7 ноября 1941 года они гнали через нашу деревню военнопленных, забывая насмерть на глазах у жителей! И вызвали такую ненависть, такую ярость, которую потом никакими репрессиями нельзя было подавить. И так было повсеместно. Ну а дальше можно говорить о том, что многие партизанские отряды формировались заброшенными агентами НКВД — из шести тысяч групп, действовавших на территории Белоруссии, таких было примерно две тысячи.

— Они сильно отличались от обычных?

— У них были свои задачи и, я бы сказал, задняя мысль, которой не было у обычных отрядов. Во-первых, они работали на фронтовую разведку, а во-вторых, были соглядатами среди других групп и среди населения. И жесточайшим образом расправлялись с «подозрительными». Был такой Каладжян, он расстрелял целую деревню, восемьдесят два человека за то, что они отказались зимой уходить в лес. Правда, это единственный случай такого рода.

Кроме того, я склонен предположить, что у них было задание провоцировать немцев на еще большую жестокость, чтобы у людей не оставалось выбора. Если мы старались воевать так, чтобы по возможности не вызывать репрессии по отношению к мирному населению, то они, напротив, стремились подтолкнуть немцев к этому. Это чисто сталинская тактика.

— Почему немцы так вели себя по отношению к белорусам?

— Это определялось их стратегическими целями. План «Ост» не сохранился, но по комментариям к нему можно установить, что Гитлер планировал выслать или уничтожить 75 процентов населения, а остальных онемечить. Он намеревался сделать это после победы, но фактически начал осуществлять его в 1942 году. И началась дьявольская гонка на уничтожение. По официальной статистике, погиб каждый четвертый белорус, а на самом деле — каждый второй. Если бы война продлилась еще два года — никого бы не осталось.

— Смерть Сталина вы встретили без сожалений?

— Никаких теплых чувств к нему я не испытывал. Единственное, чего я боялся, — что начнется война. Так вколотили в мозги, что Запад только и ждет нашего ослабления, чтобы напасть. XX съезд я воспринял как возможность открыто сказать о том, что во мне давно вызрело. И стал «ревиизионистом и ржавым нигилистом», как меня раз называли в прессе.

Ну а дальше началось преодоление Ленина, тоже характерное для многих шестидесятников. Нужно было понять, что не только сталинский социализм есть дикость, и разновидность фашизма, но что в ленинском истоке была та же грязь, та же ложь и та же кровь. Иллюзии на этот счет сохранялись довольно долго. Окончательно я расстался с ними только года четыре назад — после публикации чудовищных ленинских приказов о расстреле священников, о засылке в Литву террористических отрядов с заданием повесить сотню человек и свалить это на местные банды и так далее. Если человек способен на такое, пусть мне не говорят про его доброту, любовь к людям и тому подобное: он за пределами человечества. Разница между Лениным и Сталиным чисто количественная, качественно они суть одно и то же.

— Как у человека мыслящего, у вас наверняка было какое-то видение оптимального будущего страны. Насколько оно расходится с тем, что вышло на самом деле?

— Было желание лучшего. Когда я в пятидесятые годы смотрел «Кубанских казаков», я был уже не такой дурак, чтобы верить в то, что где-то на Кубани колхозники так богато живут, но так хотелось, чтобы такая жизнь наступила, что верилось — так будет, надо только подождать, потерпеть... А народ, между тем, погрязнул в трясины безнадежности.

Самое страшное время для деревни — с 1946 по 1955 год. В коллективизацию казалось, что не может этот абсурд продолжаться долго, при немцах казалось, что уж после войны точно этого не будет, но когда после победы начался этот кошмар... Я помню, в 1947 году был в деревне у женщины, сын которой погиб у нас в отряде, мужа расстреляли полиция, дочь угнали в Германию, и она вскоре после возвращения умерла от туберкулеза. В избе — голые кровати, горка картошки у окна и курица, привязанная за ногу. И все. Я спросил с дурацким юмором: «Что, немцы побывали?» Она страшно усмехнулась и сказала: «Фининспектор за налог все забрал... А курицу колхоз дал, чтобы я ее выкармливала». И заплакала. «Хоть бы война какая-нибудь...» Если женщина, потерявшая в войну все, говорит та-

кое — это уже предел... И когда я теперь слышу от какого-нибудь пенсионера-горожанина, что вот при Сталине жизнь была — каждый год цены снижали, мне хочется взять этого придурка за ноги и колотить не знаю обо что, пока не поумнеет. Цены ему снижали — за счет того, что вот такие бабы с голоду пухли...

— Мой вопрос относился к вашим представлениям о будущем в начале перестройки...

— Ну, тут я — особый случай и должен начать издали.

Дело в том, что где-то в начале семидесятых мной овладела навязчивая мысль о том, что ядерная война неизбежна. До такой степени овладела, что я смотрел на красивую женщину и представлял себе, что при ядерном взрыве на ней вспыхнет платье, а если она повернется, то у нее облупится лицо... На меня смотрели как на психопата. Но я был настолько поглощен этим, что, когда гонка вооружений вступила в новый виток, начал провокационные действия, за которые мне бы точно отвернули голову, если бы дело не шло к восьмидесяти пятому году. Я ставил такой воображаемый эксперимент: спрашивал разных людей, что бы они сделали на месте капитана атомной подлодки, который видит, что США ядерным ударом уничтожили СССР. И отвечал, что я бы не нажал на кнопку, потому что виновником гибели человечества в таком случае был бы я.

И еще одна идея у меня была: что если человек может пожертвовать собой ради того, чтобы жил его народ, то и народ может принести себя в жертву ради того, чтобы выжило человечество. Неприемлемая для национального самосознания идея, но мне казалось, что с точки зрения общечеловеческой она вполне уместна. И я на ней настаивал уже для того, чтобы довести до людей реальность угрозы. Чтобы они подумали: или он сумасшедший, или мы. Я и Сахарову после его возвращения из ссылки показывал свою статью с этими идеями, но он никак не отреагировал. Я хотел извлечь из него «комплекс Опленгеймера», но безуспешно — он считал, что сделать водородную бомбу было необходимо, тогда как я доказывал ему, что это было преступление...

— Вы, похоже, были первым советским пацифистом, во всяком случае, из тех, чей голос был услышан...

— Может быть. Так вот, когда теперь проклинаят Горбачева за то, что он разрушил социалистическую систему, не надо забывать, что это разрушение спасло мир от неизбежной ядерной катастрофы. Это и есть глав-

ный результат его деятельности. И у меня ломка системы вызывала не только надежду, что народ заживет лучше, что мы избавимся от ГУЛАГа, от партийных функционеров, от цензуры — это подразумевалось само собой, и я с радостью участвовал в борьбе против режима, — но и мысль о том, что человечество будет избавлено от верной гибели. Если исчезнет сумасшедшая идея всемирного коммунистического господства и мир перестанет нас бояться, то мир спасется. Ландау еще в 56—57-м годах говорил — а КГБ подслушал, и эти слова стали широко известны только сейчас, — если эта система не будет преодолена, то от атомной войны не уйти. Если Земля — космический корабль, то коммунизм на Земле — это террорист с бомбой, взявший в заложники человечество и угрожающий взорвать планету, если она не пойдет коммунистическим путем. И по глазам этих маразматиков — Брежнева, Андропова, Черненко — было видно, что взорвут... Но даже не в них дело. Борис Раушенбах, человек, который рассчитывал траектории наших космических кораблей, математически доказал, что две кибернетические системы, настроенные на подозрительность по отношению друг к другу и на упреждение действий противника, в конце концов с вероятностью единица начнут войну. И за восемь прошедших с начала перестройки лет это бы уже случилось.

Конечно, с такими представлениями я примкнул к Горбачеву и был самым последовательным его сторонником до конца, даже тогда, когда его пинали все демократы, в том числе мои друзья.

Я до сих пор считаю, что никто в истории не сделал для человечества столько, сколько этот слабый — не хочу произносить унижающие его эпитеты — человек. Ни Маркс, ни Толстой, ни Шекспир не спасли человечество. Он — спас, и неважно, благодаря положительным или отрицательным качествам, по своей воле или помимо ее. В данном случае через него действовал святой или абсолютный дух. Это и есть ответ на ваш вопрос: я участвовал в перестройке как пацифист, и ее результаты для меня совершенно оправданны.

И когда говорят, что Горбачев привел страну к разорению и к развалу, я отвечаю — этим разорением и этим развалом он спас человечество. Мне жаль, что сам он этого не понимает и пытается вернуться в политику. Это все равно как если бы средний прыгун, подхваченный какой-то силой, одолел четырехметровую высоту, а потом пришел бы на квалификацион-

ные соревнования и начал с попыток взять два метра... Во время моей недавней болезни он мне звонил и, между прочим, сказал, что пишет мемуары. Я посоветовал ему оставить мысль об аполонии, которая никому не нужна, а написать исповедь, рассказать о всех сомнениях, глупостях, иллюзиях и неверных ходах. Такой книге цены бы не было...

— Он не осмелится...

— Да, он другой человек. Лигачев год назад выпустил сочинение под названием «Загадка Горбачева». А я вам скажу, в чем загадка Горбачева. В этой стране, где что-то способны были сделать только кровопийцы, тираны, «иваны грозные», «петры великие» и прочие «владимиры ленины», именно здесь пришел наверх царь Федор Иоаннович. Со всеми изъянами и недостатками функционера и секретаря крайкома, но — неспособный к убийству и пролитию крови. Его могли к этому подтолкнуть, но назавтра он уже сам бежал от содеянного под крики «Предатель!». Этот человек держал в руках мощнейший аппарат, построенный Сталиным, аппарат, который все время его подуживал разогнать всю эту демократическую шуштуру, а он им говорил: «Сидите, я контролирую ситуацию!». И они его по привычке слушались, а когда спохватились в августе 1991-го, уже поздно было, власть из-под них уплыла. Словом, на пост палача попал пацифист. Ему дали в руки топор, он его держит, а ударить не может. И вся страна начинает это понимать. Прибалтика отделяется, строй трещит... Ему кричат — лигачевы, крючковы всякие: «Руби или дай топор, мы их сами рубанем!», а он так до конца и продержал...

— Редкий случай, когда поведение собаки на сене: «Сам не ам и другому не дам» оказывается благом...

— Действительно.

— Таким образом, наблюдая плоды перестройки, вы не испытываете сожалений о том, что во всем этом участвовали?

— В отличие от многих демократов, намеревавшихся осчастливить народ и крайне расстроенных тем, что из этого ничего не вышло, у меня нет ни малейшего комплекса вины. Я оптимист и твердо знаю, что благодаря тому, что произошло, мы избавлены от гораздо худшего — от полного уничтожения. Очень хорошо помню, как вышел после одной из конференций в Вене, где впервые видел, как наши дипломаты говорили с представителями Запада без демагогии, без лжи, нормальным человеческим языком, признавая собственную небезгрешность — я вышел из королевского

дворца в парк и сообщил птицам и деревьям: «А вы знаете, что будете жить?!»

— Выходит, оптимист радуется тому, что не случилось наихудшего, а пессимист горюет оттого, что не вышло наилучшего? Ну а люди, с которыми вы пришли в политику, вас тоже не разочаровали потому, что могли оказаться и хуже?

— Здесь я, по вашему определению, должен бы считаться пессимистом: ничто меня так невероятно не разочаровывало, как люди. Еще когда мы в конце пятидесятых в Белоруссии свергли сталинистское руководство в Союзе писателей и хотели отпраздновать победу, один из наших вдруг спросил: «А мне что с этого?». Я даже не сразу понял, что он боролся только для того, чтобы занять чей-то пост. И когда свергли коммунистическую номенклатуру, среди тех, кого я уважал и считал светочами демократии, оказалось слишком много таких, кто задавался тем же вопросом: «А мне что с этого будет?». Я думал, что изъятие у компартии здания будут отданы школам, детским домам, судебным присутствиям, наконец, которые у нас находятся в ужасных условиях. Но все это заняла новая номенклатура. Это меня прибило. Я уж не буду описывать эволюцию несчетного числа людей, которые казались демократами, но едва почувствовали, что их оттирают другие, мгновенно перевернулись на другую сторону и стали лютыми врагами демократии. Но что поделаешь — такова природа человека. Главное, что «процесс пошел» и его уже не остановить.

Когда в «Белом доме» праздновали годовщину победы над путчем, я оказался у микрофона рядом с Хасбулатовым, с которым произошла эта метаморфоза, и рассказал такую притчу, вернее, случай из жизни. Встретил я на дороге сельского священника. Молодой такой парень, похожий скорее на шабашника — с пилой, с топором, в опилках... Я спрашиваю: «Ну что, батюшка, прихожане ваши говорят?». Было это осенью 1991 года, когда ожидали холода и голода. «Боятся старики, что зиму не переживут, жалуются... А потом говорят: — А все-таки коммунизм сдох!»

— И можно сказать, что вы, как политик, свою задачу выполнили...

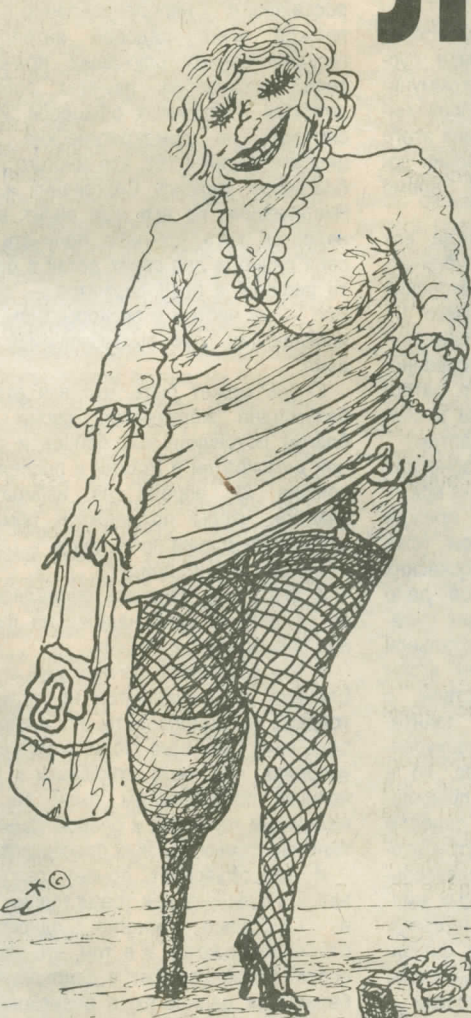
— Да. И могу уже подводить итоги жизни. И если раньше я писал книгу в среднем пять лет, то теперь — пять месяцев. Наверно, это и есть то ускорение, о котором так долго говорил Горбачев...

— Как называется книга, которую вы сейчас пишете?

— «Жизнь — пресмешная штука»...

Сергей ЧУПРИНИН

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ?

сеи * ©

Прежде чем отвечать на этот тревожащий весь мир вопрос, стоило бы спросить: а есть ли вообще либералы (в традиционном смысле слова) в стране, где имперское сознание веками передавалось из поколения в поколение, проявляя себя не только в страхе перед всемогуществом государства, всемогуществом грубой силы, но и в надежде на эту силу?

В стране, где до сих пор власть, будто средневековый сюзерен, может, конечно, с отеческой непредсказуемостью наказать раба за подлинные или мнимые провинности, и прежде всего за недостаточно пылкую любовь к самой себе, но только она же и согреет его, накормит, защитит, утешит сладкой патриотической грезой?

В стране, где школьники более полувека учат наизусть не Декларацию прав человека, но стихи «лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи»: «Единица — вздор, единица — ноль, один — даже если очень важный — не подымет простое пятивершковое бревно, тем более дом пятиэтажный?»

В стране, наконец, где слово «индивидуализм» и сейчас считается позорной кличкой, где понятие свободы стоит на шкале ценностей неизмеримо ниже понятия справедливости, где спор сословных, имущественных интересов предстает спором о праве на грошовые привилегии, а национально мыслящая интеллигенция поныне тоскует об утраченном рае «соборности», «роевого мышления», коллективистского равенства нищих?

История либерализма в России пока не написана. Очень может быть, что ее и не напишут никогда, так как отечественный либерализм ни разу еще, ни при каких обстоятельствах не заявлял о себе как о сколько-нибудь влиятельном течении общественной мысли и уж тем более как о сколько-нибудь значимом факторе социальной практики. Случались, правда, в истории России либерализаторы — на троне и у трона, — пытавшиеся смягчить государственные обычаи и общественные предрассудки. Но не успевали еще чернила высохнуть на указах, всемиловитейшие дарующих подданным законы и свободы, как с печальной неотвратимостью срабатывал механизм

отторжения.

Вот царь Федор Алексеевич (1661—1682), имя которого и у русских-то стерто из памяти. И не случайно, быть может, поскольку в замыслах у него было и либеральное законотворчество, и начатки боярского парламентаризма. кое-что он начал даже проводить в жизнь, но за шесть лет царствования успел породить только смуту, брожение умов, повсеместное сомнение в собственной августейшей богоизбранности и даже вменяемости. Пришлось его младшему брату-преемнику брать в руки кнут и плеть, вздергивать всю Россию на дыбы, чтобы усмирить смуту, восстановить тоталитаризм в полном объеме и получить у благодарных потомков прозвание Петра Великого.

Или Михаил Сперанский (1772—1839), неустанно подталкивавший Александра I Благословенного к конституции, к либеральным реформам, итогом чего явилось лишь возникновение революционного масонства в среде военных аристократов-либералов и их бессмысленный, решительно никем не поддержанный бунт против абсолютизма в декабре 1825 года. Или Александр II Освободитель (1818—1881). Он положил конец многовековому рабству в России, он ослабил колониальный гнет в Польше и Финляндии, входивших тогда в состав Российской империи, он провел судебную, военную, земскую реформы — с тем, чтобы пасть от бомбы, брошенной распоясавшимися в условиях относительной свободы террористами.

И так вплоть до Михаила Горбачева. Он, как никто в XX веке, повысил уровень свободы — и он, как опять же никто из русских правителей, презираем и часто ненавидим своими согражданами. Причем основания для столь бурной реакции несомненны — страна в руинах, межэтнические и межсословные конфликты в России вот-вот подойдут к точке закипания, в умах — раздражение, усталость, смута, готовность обменять непригодившуюся свободу, неустраиваемые демократические и либеральные ценности на привычное, патерналистское всемогущество власти. Так женщина, уйдя от постылого мужа-тирана и вволю нахлебавшись безденежья, безлюбья, остракизма со стороны соседей и сослуживцев, готова вновь вернуться под его тяжелую руку, смиряясь даже с неизбежными побоями, ибо из глубин национальной ментальности до нее доносится утешающе, мазохистское: «Бьет — значит, любит!»

В чем же дело? Заколдована, что ли, Россия, что ответом на всякую либеральную инициативу бывает сначала всеобщее приятное возбуждение (как в 1986—1991 годах), появление на общественной арене тех, кому дороги идеалы свободы и суверенитета личности, а затем массовый откат, массовое разочарование, интеллектуальное мародерство

— и возвращение на круги своя?

Вопрос, что называется, из метафизических. Поэтому спрошу сначала о том, что, кажется, поддается рациональному пониманию: почему ряды тех, кто хотел бы и мог, воспользовавшись завоеваниями демократии, задать реформам в России развитие по либеральному сценарию, не пополняются, как следовало бы ожидать, а совсем наоборот — редуют, тогда как число политических штрейкбрехеров и перебежчиков день ото дня растет и среди самых свежих приобретений в лагере оппонентов Ельцина обнаруживаются далеко не худшие имена — кинорежиссеры и актеры: Никита Михалков, Николай Губенко, Станислав Говорухин, писатели — Борис Можаев и Виктор Розов, прославленные спортсмены — Юрий Власов и Анатолий Карпов, литературный критик, редактор журнала «Иностранная литература» Владимир Лакшин, влиятельный политолог и историк Александр Ципко, такие широко известные деятели русской эмиграции, как писатели Владимир Максимова и Александр Зиновьев?

Их ведь не заподозришь ни в антисемитизме, столь неприменном спутнике русского консерватизма, ни в прокоммунистических настроениях, ни в соображениях корысти... Тогда в чем же причина этого идеологического оползня, этой эрозии поведенческих установок, долгое время считавшихся либеральными?

Опять не вдруг ответишь? Тогда вот совсем уж простой вопрос: кто публично, деятельно поддержал реформаторский курс (и Ельцина) во время недавнего апрельского референдума? Кто, следовательно, заявил о своей заинтересованности в приведении патриархального, патерналистского российского общества к современному цивилизационным стандартам?

Во-первых, так называемая творческая интеллигенция — и то, как видим, не вся.

Во-вторых, «новые русские» и, прежде всего, предприниматели — причем тоже далеко не все, так как часть российских бизнесменов, либо начавших свое дело на деньги партии, либо получающих сумасшедшие прибыли благодаря тотальной коррупции и иным неблагоприятным играм с правительством, с чиновничеством, с правоохранительными органами, заинтересована отнюдь не в свободе конкуренции и экономического творчества, но в сохранении своих монопольных привилегий, в государственной опеке, в силовом давлении на потенциального потребителя. Нет в этом смысле ничего удивительного, что учредитель клуба молодых миллионеров и владелец системы торговых домов «Алиса» Герман Стерлигов финансирует профашистский Фронт национального спасения, а глава нефтяной империи — концерна «Гермес» — Валерий Неверов заявляет о своей неплатонической симпатии к «патриотическим силам». Тень мощных финансовых группировок, причем иногда с чужеземным участием (как в случае

с газетой коммунистов «Правда», контролируемой греческой фирмой), различима и за агрессивно-шовинистической пресой, и за политическими кампаниями Владимира Жириновского, Александра Стерлигова, Виктора Анпилова, других претендентов на роль «спасителей России».

Срежем, впрочем, интеллектуальным усилием розовый и уж тем более красно-коричневый край российского политического спектра. Что объединяет в либеральном порыве творческую интеллигенцию и рассчитывающих только на свои силы предпринимателей?

Только одно: и первые, и вторые — единственные в нашей стране, кто точно знает, зачем им нужна свобода, как они могут воспользоваться правами личности, что им лично даст вхождение России в цивилизованное сообщество. И первые, и вторые — только они выиграли в итоге развязанной Горбачевым перестройки. Все остальные — проиграли. И нечего возразить, когда говорят о пауперизации российского народонаселения — и прежде всего рядовой интеллигенции: государственных служащих, врачей, учителей, инженеров, научных работников, штабных и строевых офицеров. И жалко смотреть на демократические, проельцинские митинги тех, кто многого лишился благодаря Михаилу Сергеевичу и Борису Николаевичу, но все еще верит, все еще надеется хоть что-либо получить и для себя лично, и для своих детей в результате реформ, а пока держится — спаси их Бог! — на чистом и бескорыстном, но уже иссякающем, уже выдыхающемся энтузиазме.

Очень может быть, что вся эта армия безоглядно жертвующих своим личным благом потенциальных бойцов и строителей демократии в России в последний раз пришла 25 апреля на избирательные участки, чтобы поддержать обманывающего их ожидания президента.

Больше они не придут.

И это будет означать очередной, далеко не первый крах надежд на либеральное преобразование России.

И это объясняет, почему уже сейчас от Ельцина отворачиваются не только партукраты и националисты, но и вполне порядочные, разумные люди, которые в иных условиях, при ином отношении к их жизненным потребностям были бы самым надежным гарантом и опорой самых решительных, самых дерзких преобразований.

И это объясняет, почему, разочаровавшись в Ельцине, как тремя годами раньше в Горбачеве, многие одновременно разочаровываются и в том, что эти имена собою символизируют: в демократии, в либеральных ценностях, в возможности постепенного сближения российского образа жизни с западными цивилизационными нормами. Если мы — самые преданные, казалось бы, сторонники реформ — линия, если в конце тоннеля не видно света,

Рис. В. Черномырдина

значит, то, что для немца (или француза, или японца) здорово, для русского действительно смерть, — думают эти многие. И вообще: не лучше ли синица гарантированного государством прожиточного минимума в руках, чем журавль свободы и процветания в небе?

Горбачеву удалось разогреть, всколыхнуть если не все общество, то, по крайней мере, интеллигенцию, за которой российское народонаселение истарии признает право быть эталоном, законодателем и вкусов, и взглядов, и обычаев, и стандартов поведения. Политика гласности дала интеллигенции возможность по книгам, по телепередачам и кинофильмам узнать, что «за морем житье не худо», а снятие «железного занавеса», право почти беспрепятственно ездить за границу дали возможность удостовериться, лично убедиться в том, что действительно «не худо». И если уж националистически настроенному вице-президенту Александру Руцкому одной поездки в Израиль хватило, чтобы стать горячим пропагандистом киббуцной системы землепользования (подобно тому, как Никита Хрущев, тридцатью годами раньше съездив в США, все российские пахотные земли повелел засадить кукурузой), то можно вообразить, с какой завистью, с каким желанием подражать, заимствовать, брать пример глядели все эти годы на ближних и дальних соседей «простые» россияне.

Причем речь шла не только о колбасе, о супермаркетах и «Макдоналдсах». Речь — о готовности перенять образ и стиль жизни, о достоинствах правопорядка и разумной организации хозяйства, о выигрыше, который каждому из западных обывателей дает свобода.

И возник социальный парадокс: число людей, которых по имущественному положению можно было бы отнести к «среднему классу», оставалось по-прежнему ничтожным или увеличивалось крайне

медленно, зато фантастическим образом — за счет опять-таки интеллигенции — разрослось число людей, может быть, и плохо обеспеченных, даже бедных, но мировоззренчески, психологически самоотжествившихся со «средним классом», мечтающих жить в соответствии с его ориентирами, ценностями и нормами.

Оставалось немного: воспользовавшись ситуацией больших ожиданий, закрепить, социально, юридически и финансово «подпитать» эту настроенность интеллигенции, сформировав тем самым социальную базу, необходимую для сколько-нибудь глубоких, сколько-нибудь долговечных преобразований. Инициаторы реформ этого не сделали.

Что называется, пальцем не пошевелили — для того чтобы идеалы могли укорениться в интересах.

И причина не в недостатке средств. Находились же (и находятся) всякий раз у государства способы прикормить, убаюкать социально опасные слои населения: шахтеров, нефтяников, фабрично-заводских рабочих, крестьян, военных. Причина — в уверенности реформаторов, что как интеллигенты, так и бизнесмены в любом случае у них в кармане и, уж по крайней мере, не опасны. Поэтому и только поэтому скатывается за черту бедности российская интеллигенция. Поэтому и новые российские предприниматели с грустью вспоминают коммунистическое правительство Николая Рыжкова, с гораздо большей отзывчивостью откликнувшееся на их заботы и больше сделавшее для развития частного сектора в экономике, чем либерал Егор Гайдар или либеральный консерватор Виктор Черномырдин.

Историческая вина интеллигенции и предпринимателей тоже очевидна: они позволили власти отнестись к себе именно так — наплевательски, без каких бы то ни было церемоний и — глав-

ное — без какой бы то ни было опаски, утешив бизнесменов возможностью безнаказанно нарушать все и всяческие законы, а интеллигентов — сомнительным, переходящим удовольствием на голодный желудок читать Набокова, Солженицына и фон Хайека. И грустной иронией судьбы прозвучали слова премьер-министра Черномырдина, когда он, выслушав недавно жалостливый доклад министра культуры о застарелых болях и бедах интеллигенции, неожиданно вскипел: «Так требуйте же помощи, черт возьми! Почему вы никогда ничего не требуете?»

Означают ли эти слова перемену в отношении правительства реформаторов к своим единственным надежным союзникам? Не знаю. Боюсь, что нет. Но могу, мне кажется, сформулировать три совета, обращая их поочередно:

- а) к российским властям;
- б) к Западу;
- в) к своему брату-интеллигенту и своему кузену-предпринимателю.

Сначала — к власти, потому что она в России — по-прежнему всему голова.

Пора бы понять, что безразличие к первоочередным жизненным потребностям интеллигенции и предпринимателей — больше чем преступление. Это ошибка, за которую реформаторы уже сейчас расплачиваются — утечкой мозгов и капиталов за границу, утратой социальной поддержки, переходом вчерашних союзников в лагерь политических оппонентов. И не клеймить отступников должно, изумляясь низостью человеческой природы, как это делает полторанинское министерство правды, а задуматься: что же все-таки необходимо предпринять для того, чтобы идеологический оползень прекратился и служение реформам перестало требовать самоотречения, превратилось в занятие не только похвальное, но и выгодное. Иными словами, в максимальной поддержке, в избирательном протекциониз-

ме со стороны властных структур нуждаются именно интеллигенты и именно предприниматели.

Именно их, а не чьи-либо еще, сословные, своекорыстные интересы должны быть в глазах президента и правительства приоритетными.

Во-первых, потому, повторяю, что только интеллигенты и предприниматели настоящему заинтересованы в свободе, в расширении рынка возможностей, в «либеральной накачке» демократических преобразований. Во-вторых, и это не менее важно, именно интеллигенты, а отнюдь не рабочие, как принято считать, могут представлять собою смертельную угрозу для любой власти — в том числе и демократической, так как все в России — от Октябрьской революции до нынешних межэтнических столкновений — началось и начинаться будет с брожения в интеллигентской среде, с ее недовольства, с ее решимости вывести население на баррикады.

Либеральные реформы в России — со времен царя Федора Алексеевича — проваливались еще и потому, что были безадресными, лишены сознательной ориентации на интересы той или иной влиятельной социальной группы. Унижая и, следовательно, уничтожая, размывая свою социальную базу, нынешние реформаторы тупо работают на очередной проигрыш. Перефразируя Ленина, можно было бы сказать: реформы топчутся на месте, потому что «верхи» не могут, а «низ» не хотят, не заинтересованы в их последовательном продвижении. Поэтому цинично, может быть, прозвучит, но я все-таки позволю себе заметить: если реформы окажутся выгодными хотя бы только «образованному сословию», то и население их примет, — чертыхаясь, скандалая, завистливо заглядывая через чужой плетень и в чужой кошелек, но примет, как испокон века принимало все, что внушали ему люди в очках и шляпах.

И в этой связи — о возможных направлениях западной помощи.

Уже проверено, что от безадресного вливания долларов, франков, марок и лир в трясины российской экономики толку мало. Помощь должна быть адресной, может быть, точечной — и прежде всего тем, кто готов взять на себя труд либерального преобразования России. Стипендии, учрежденные Джорджем Соросом для российских ученых, библиотечная подписка на журналы и газеты, оплаченная им же, стажировки для наиболее перспективных студентов, британская Буковская, германская Пушкинская премии для российских писателей — это малость, конечно, но направление угадано верно, как точно угадано оно и в программах, нацеленных на поддержку не государственной экономики России, а ее частного предпринимательства.

Кредит доверия и интереса к демократическим идеалам, к либеральным ценно-

стям и нормам еще, к счастью, не весь исчерпан. Россия готова, отбросив имперскую кичливость, как и во времена молодого Петра I, отправиться в «школу для взрослых» — так помогите же в первую очередь тем, кто хочет, кто способен учиться.

И последний совет — на этот раз тому сословию, к которому и я сам имею честь принадлежать.

Пять лет перестройки, два года постперестройки прошли под знаком бескорыстного, самоотверженного служения интеллигенции общенациональным интересам. Результат налицо: Россия стала страной, может быть, и свободных, но глубоко несчастных, травмированных экономическими тяготами людей. И сперва робко, а затем все настойчивее заговорили о том, что прокламируемое Горбачевым, Ельциным, другими архитекторами реформ одномоментное достижение блага для всех сразу несбыточно — не только на практике, но и в принципе. В конце концов у каждого человека, у каждой социальной группы свое представление о благе: одним жизненно необходима конституция, а другие и без конституции вполне утешатся севрюжиной с хреном, если не вовсе корочкой черствого хлеба.

Общенациональный интерес, если уж на то пошло, не более чем баланс разноориентированных, разноуровневых сословных, корпоративных интересов, и в этом отношении необыкновенно важно, чтобы каждая социальная группа — в свободном и упорядоченном соревновании, в конкуренции друг с другом — отстаивала и преследовала свой собственный интерес. Только тогда возможно достижение уже не политического, «кремлевского», а социального консенсуса, от которого в конечном итоге выиграют и «сильные, и ослабленные слои общества.

Политические партии, превеликое множество которых расплодилось на просторах Родины чудесной, может быть, именно потому так и не вышли из кабинетного затворничества, из митинговых складок, что представляют всего лишь амбиции очередных претендентов на роль

«спасителей России» или, в лучшем случае, их личные идеалы, а не социальные, имущественные, правовые интересы той или иной общественной группы. Созданная бизнесменом Константином Боровым Партия экономической свободы так же в этом смысле не представляет интересов предпринимателей, как возглавляемое Виктором Анпиловым движение «Трудовая Москва» не представляет интересов фабрично-заводских рабочих. Спор всякий раз идет о власти, об идеологическом верховенстве, тогда как должен был бы идти о выгоде, не затемняемой популистской риторикой.

Вот почему в кругах интеллигенции — и прежде всего либеральной — надежды все чаще связываются не с Ельциным, ставшим в известной мере заложником своих популистских обещаний, а с теми лидерами, кто придет ему на смену, кто предложит своему электорату не расплывчатую мечту о национальном благе, но ясную, конкретную, поддающуюся контролю программу своих политических, экономических, культурных и иных намерений.

Социальная база либеральных реформ в России пока что исчезающе тонка и слаба. Либеральный порыв несут в себе скорее одиночки, чем сколько-нибудь организованные движения. Поэтому наиболее вероятен вариант, что посланник интеллигенции, либерально мыслящий кандидат на место в Кремле проиграет предвыборную схватку в постельцинской России. Но... Он представит, проартикулирует либеральную точку зрения на происходящее в России и в мире. Он соберет вокруг себя и своей программы союзников. Он покажет, что есть сословные, корпоративные интересы, с которыми уже нельзя будет не считаться, — и тем самым даст русскому либерализму еще один исторический шанс.

Меняю однокомнатную приватизированную квартиру в Москве (Бабушкинский р-н), комн.19 кв.м, кухня 8,4 кв.м, с/у совмещенный, прихожая, балкон, паркет, 14-й этаж 17-этажного дома, и двухкомнатную квартиру в Одессе, 35 кв.м (21+14), кухня 7 кв.м, без ванны, на первом этаже каменного 2-этажного дома в районе Молдаванки.

Нужна двухкомнатная приватизированная квартира в Москве от 35 кв. метров, кухня от 9 кв. метров.

Или меняю квартиру в Одессе на жилплощадь в Москве. Одесса, ул. Индустриальная, 21, кв. 4, Куликова М.В. Москва, тел. 475-42-32.

ПРЕДЛАГАЮ:

HERBALIFE — приглашаем к сотрудничеству организации и частн. лиц для распространения уникал. амер. препарата для оздоровл., сниж. веса, очистки организма. Тел.: (095) 522-05-41.

Грузоперевозки:
Тел.: 405-01-02.

Методика самостоятельного планирования ребенка заранее определенного пола. 99% успеха. Недорого. 117311, Москва, а/я 17, Елена.

Дистрибьютор фирмы HERBALIFE
Уникальное лечение
похудение, омоложение, хронические болезни.

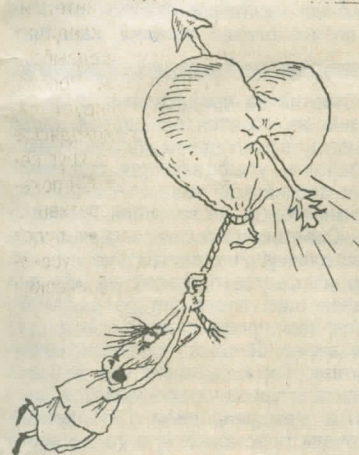
ГЕРБАЛАЙФ — чудо американской медицины. В период лечения — 100-процентная гарантия бесплатного мед. наблюдения.

Тел.: 151-84-52, секретарь. Приглашаются врачи.

IBM. Консультации по покупке РС. Тестирование. Пусконаладочные работы. Тел. 928-83-40, Виктор.

ЗП, визы, а/б, приглашения. Тел: 194-19-26.

Поможем людям любого возраста в соз-

дании семьи.
Тел.: 945-65-60.

Дома и на работе — уничтожение насекомых.
Тел.: 387-00-31.

Поиск оптимального места под закладку колодца методом биолокации.
Тел.: 304-50-77.

Качественный ремонт и настройка пианино и роялей. Преподавателям ДМШ оплата льготная.
Тел.: 291-34-62, 442-96-69, Бронислав Ефремович.

Тем, кто уезжает в Израиль! Коридор

Брода! Консультации лучших специалистов, встречи с гражданами Израиля! Викторины, игры, призы, дружеское общение, теплая атмосфера, помощь.
Тел.: 117-94-58.

МЕНЯЮ:

5-комнатную кв. у метро «Савеловская» на разъезд. Квартира имеет изолированные комнаты площадью 10, 17, 22, 21 и 12 кв. м, кухня 9 кв. м, телефон, паркетные полы, газовую колонку и раздельный санузел, расположена на 5-м этаже 7-этажного кирпичного дома.

Надо: 3-комнатную квартиру площадью от 54 кв. метров у метро и 1-комнатную кв. от 15 кв. м в любом районе.
Тел. 251-16-50.

3-к. кв., 45 кв. м, 6/9, Полетаева, на кв. Центр или на разъезд.
Тел. 291-09-97.

3-комнатную кв. в Люберцах на жил-площадь в Москве. Квартира площадью 37 кв. м, кухня 7,5 кв. м, расположена на 9-м этаже 9-этажного панельного дома.

Надо: 2-комнатную квартиру в Москве или две 1-комнатные кв.
Тел. 251-16-50.

4-комнатную квартиру, 47,5 кв. м, метро «Домодедовская», 3/9, все удобства, на 2-комнатную кв. и 1-комнатную кв.
Тел. 391-94-86.

КУПЛЮ:

Срочно любую комнату.
Тел.: 291-09-97.

Комнату, 1-комнатную квартиру
Тел.: 279-36-03, 332-63-53.

ПРОДАЮ:

Престижных щенков добермана из авторитетного клуба «Апольда».
Тел.: 461-96-54, эксперт-кинолог Беляков В.Ю.

2-комнатную квартиру, м. «Белорусская»,
Тел.: 332-63-53.

Ювелирные изделия с финифтью и самоцветными камнями мелкими партиями. Принимаю заказы на изготовление мелких партий украшений, в т.ч. с фирменным знаком заказчика.
Тел.: 393-08-58, Михаил.

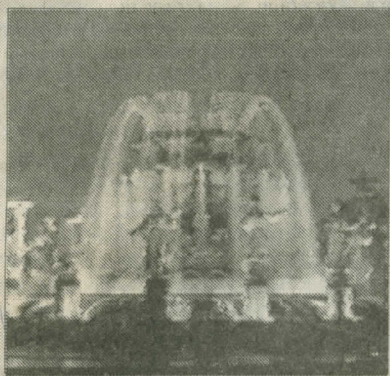
ВНИМАНИЕ!

Маленькой фирме нужен умный, энергичный, надежный молодой человек. Желательно знание радиотехники или РС. Но главное — высокий духовный уровень.
Тел. 292-47-08.

Нужны штатные или внештатные референты иностранной научной литературы по органической химии.
Тел.: 155-43-57, Любовь Михайловна Королева.

Редакции нужен курьер, операторы ЭВМ.
Тел. 921-02-57.

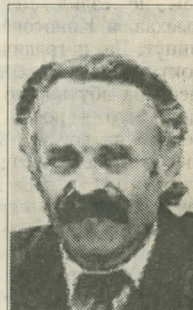
В «Столице» № 25, 1993 г., опубликована статья Андрея Мальгина «А мы уезжаем до дому, до хаты...», в которой в острой, полемической форме рассматриваются некоторые аспекты украинско-российских отношений. Среди откликов, пришедших в редакцию, есть два, с которыми мы хотим познакомить читателей. Их авторы — украинцы. Так что теперь мы имеем возможность узнать мнение и другой стороны.

Владимир КРЫЖАНОВСКИЙ,
посол Украины в России

...ТАК БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ, ЖИВИТЕ БОГАТО,

или Некоторые размышления по поводу путешествия
Андрея Мальгина из Крыма в Москву

Уже второй раз мне приходится выходить на страницы вашего издания, чтобы каким-то образом деэскалировать полные неуважения к моей стране статьи «Столицы». И если в прошлый раз милые шалости Дениса Горелова тоже были не то чтобы простительны, но все же объяснимы: молодой журналист, не такой уж опытный, с годами придет понимание значимости печатного слова, да просто человек поймет справедливость пословицы: «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь», — то теперь просто диву даешься. Ну уж главный редактор не должен быть столь импульсивным. Ну поднял «относительно вежливый» таможенник спящую дочь, так ведь все-таки работа у него такая.

Я, например, хотя и выездной большей частью человек, но только однажды до 1989 года сподобился пересечь границу за свои 49 лет в отличие от очень уж невыездного господина Мальгина, который только советско-польскую границу пересекал восемнадцать раз. И помню, что не какие-то самостоятельные, жовтоблакитные, а милые сердцу господина редактора советские таможенники, наши с ним тогда общие, и сына моего малого посреди ночи подымали, и вещи шмонали, и из купе выводили. Ну что же: служба у них такая. И не возникало у меня мысли, что они это делали, чтобы унижить меня. По долгу той самой службы такое они производили: «команда была — сполняй».

Я бы во все охотно поверил, если бы

Виталий КОРОТИЧ,
уроженец Киева

С ТЕХ ПОР Я В КИЕВЕ НЕ БЫЛ

Прочтя заметки Андрея Мальгина в 25-м номере «Столицы», я с болью подумал, как легко разваливается то, что было нашей общей силой, и сколь большую роль в этом развале играют слова. Не ставя под сомнения ни прав народов на лучшую жизнь, ни прав их на самостоятельность, я думаю, тем не менее, что дух разобщения и ненависти, насаждаемый во многих случаях упрямо и подло, играет все более последовательную и страшную роль в нашей сегодняшней жизни. Это уже едва ли не главная опасность. Надо сообща разбираться в механизме ненависти и противостоять им. Тогда ситуации из заметок А. Мальгина станут не столь массовыми и типичными. Впрочем, речь не только об этом.

На днях я отказался встретиться с мюнхенским философом Александром Зино-

вьевым. Ответил на предложение о беседе, что мне не хочется по доброй воле разговаривать с человеком, беспрерывно призывающим к убийствам как средству улучшения российской жизни. «Что вы! — ответили мне. — Он же писатель. Его публикуют и «Советская Россия», и «День», издания, много пишущие о литературе...»

А ведь и правда, пресловутый «День» основывался как газета литературная. И печатаются там профессиональные писатели, все верно. Я тоже профессиональный писатель. Горжусь членством в московских литературных организациях, в российском и международном ПЕН-клубах. Все это очень престижно. И в то же время...

Известно, что Ленин в анкетах определял свою профессию как «журналист», «литератор», время от времени смущенно шаркая ножкой: «где уж нам, мол. Я не специалист, но все же скажу...». Он скромничал; позже издавались целые тома ленинских сочинений в жанре литературной критики, а статью о Толстом как зеркале русской революции было положено едва ли не заучивать наизусть еще в средней школе.

Журналистом был ленинский соавтор по перевороту Троцкий. Журналистами, литераторами были многие их соратники, разве что кроме Сталина, которому образование и происхождение не сразу позволили выйти в классики российской словесности. Хоть в грузинских букварях он запечатлелся стишками о птичках; еще в то время, когда его звали просто Сосо. Но в дальнейшем и этот не оплошал: как мы

сам не ездил. Действительно, из Киева выехал, в Конотопе поезд стоял тридцать минут. Да, пограничники у всех проверили документы, проверили вежливо, хотя у меня на лбу ничего такого не было написано, что я посол, депутат. Да, действительно на вокзале в Конотопе, как в старые добрые времена, и картошку вареную предлагали, и редиску, и чеснок, и колбасу, и даже водку первой свежести продавали. Так ведь, господин редактор, в Москве на вокзале я тоже государственной снеди не видел никакой, кроме бесчисленных ларьков со «Сникерсами» и чем угодно другим, кроме еды.

Совсем уж странная картина была со мной при выходе из вагона в начале июня на Киевском вокзале в Москве. Клянчили определенного вида люди у меня, как и у других пассажиров, карбованцы, да, да, карбованцы, а не рубли. Потому что в это время конъюнктура так развернулась, что нужны частным менялам купоны, а не рубли. Почему это так? А очень просто. До последнего повышения цен очень выгодно было сконвертировать рубли по курсу на карбованцы, поехать в Украину, купить там продукты, товары и продать их в России. Заработки на этом были солидные, не меньше чем у «челноков» из Турции и других стран.

Не знаю почему, но главный редактор считает, что нынешнее руководство Украины может дружить только с Россией «бабуриных и зюгановых». Могут быть у нас споры, разногласия, но в наиболее острые, переломные моменты российской истории последних дней мы всегда с ней. Наверное, запомнили заявление наше-

го президента в Минске в поддержку президента России, российских реформ, российской демократии в преддверии референдума 25 апреля? Для людей малосведущих, недалёковидных поддержка эта оказалась неожиданной, но для тех, кто ощущает глубинные течения в политике, смысл, а не внешние эффекты, она представлялась очевидной и концептуально обоснованной. Что тут сказать? Моя память, что хочу, то и помню — такой вывод можно сделать из Вашей статьи.

Теперь в отношении пресс-конференции 12 июня. Все ведь было не так, а вовсе даже наоборот. Борис Николаевич сказал дословно: «Мы не можем давать нефть бесплатно. Мы вынуждены были подкрутить кран, и сразу же пошла подвижка по Черноморскому флоту и Севастополю». Так что не так, как у Вас: «...в ответ — односторонние действия по Черноморскому флоту». Давайте будем аккуратно цитировать первоисточники. Можно оспорить заявление вашего президента, но сказал он именно так.

История про веселых восемнадцатилетних матросов сразу не понравилась своим неправдоподобием. Почему я и решил обратиться за разъяснениями не к кому-то из украинских офицеров, от которых, я так уяснил из прочтения статьи, ничего кроме «вероломства и ненависти» ждать нельзя, а непосредственно к командующему флотом адмиралу Балтину. И ответ получил, как и ожидал, точный и недвусмысленный: «Этого не может быть, ибо этого не может быть никогда». Да, да, не может быть, ибо по законам Украины призывники в Украине проходят

службу только на территории Украины, в ее воинских частях, и присягают они только Украине, и никому больше. Такой же точно подход к этому делу и в России, так как, что бы там ни говорили досужие люди о наших армиях, все-таки это — армия, а не увеселительные заведения и порядок в них пока что поддерживается, и субординация тоже.

В отношении платы за энергоносители. Да, действительно плохо мы платим, но заплатим, обязательно заплатим, не можем не заплатить. Хотя честно скажу, цены на эти энергоносители для нас неизмеримо выше, чем для российских потребителей. Мы понимаем, что такие цены — акт чисто дружественный: хотите вы, чтобы Украина быстрее прошла период перехода на мировые цены. А на нашем опыте и Россия сможет спокойно посмотреть методику такого перехода, чтобы был он как можно безболезненней. Тяжел этот путь будет для нас, жителей Украины, но я понимаю Вас, господин редактор: чего не сделаешь для самостийного друга.

Почему же Запад, который, по словам многих в России, все делает, чтобы разрушить Россию, поставить ее на колени, пошел на отсрочку оплаты советских долгов на десять лет, а сейчас просит платить только по процентам? Да потому, что хочет видеть в России партнера, а не озлобленного, нищего, вооруженного до зубов попрошайку. Так, может, и наш истинный друг господин Мальгин предложит: пусть Украина расплатывается по мировым ценам за нефть, газ, лес и т.д., но надо ей по-дружески помочь, растянуть выплату это-

знаем, покойный вождь пообтесался и писал статьи даже по языкознанию, перед коими меркли директивные сочинения вроде докладов Бухарина или Жданова о российских поэтах. С ленинских времен огромное количество графоманов, всех этих луначарских и рейснер, населяло родимые революционные джунгли, и почти все они рвались к массам. Иногда, как убийца германского посла чекист-террорист Блюмкин или его шеф Агранов, профессиональные революционеры сниходили до дружбы с профессиональными поэтами, похлопывая по плечу маяковских с есениными, что, впрочем, не мешало им в дальнейшем доставлять писателей в пыточные подвалы и расстреливать гумилевых.

Осознав значение словесности, Сталин извел немало грамотных и пишущих людей, пытавшихся повлечь на власть. До самого Ильича Второго у советской страны в руководстве никого литературными классиками не назначали. Шеф брежневской тайной полиции Андропов, правда, кропал стихи, но унаследовал лишь должность своего партийного шефа, без права на такие же многотомники. Впрочем, с ленинских времен никогда так не сажали поэтов, как при Андропове; к истории родной литературы он, полагаю, причастен поэтому навсегда.

Дальше грянула перестройка и стало не до стихов. Последний спикер всесоюзного парламента и вовсе познал судьбу сочинителя тюремных романсов... Тем временем почти все революционные коммунистические движения в «дальнем зарубе-

жье» несли в своих недрах писателей, не сумевших как следует воплотить собственные амбиции на бумаге и реализующих литературные замыслы в пролетарских переворотках. Мао Цзэдун — в Китае и Хо Ши Мин — во Вьетнаме, Че Гевара — на Кубе, Нето — в Анголе и Тараки — в Афганистане. Это лишь первые, сразу же прошедшие на память имена. А было их — было...

Все это я к тому, что бурная фантазия и умение красиво формулировать ее картины не раз уже бросали мастеров слова на трибуны, а писательское нежелание отвечать за свои фантазии приводило к тому, что мастера слова и мастера дела редко бывали одними и теми же людьми. Но, так или иначе, писатели пронесли сквозь время склонность к бурной деятельности, результаты которой совершенно непредсказуемы.

Марксизм, как область, особенно привлекательная для фантазеров, принял в себя целые графоманские орды. Сам Карл Маркс сочинял довольно беспомощные романтические баллады, и, полагая, его литературная посредственность была одним из корней неодолимого чувства зависти, ставшего весьма важным источником и составной частью марксизма.

Зависть к чужим книгам, заработкам, премиям, славе, к желанию все переделит и оттяпать кусок для себя вне зависимости от результатов собственного труда — подобные качества вошли в теорию и практику пролетарской революции неотъемлемо. Совершенно не случайна идея сталинского Союза писателей, соз-

данного не как творческая организация, а как среда для постоянных разделов и переделов, для розыгрышей привилегий и должностей, многотомников и дармовых дач. Так же как работа в партийных ЦК давно уже не требовала знания идей и веры в них, работа в партийном писательстве не предполагала ни таланта, ни образованности. Один из основоположных лозунгов российского октября «Грabb награбленное!» повторялся на писательских собраниях столько раз, что запомнился всем едва ли не как лозунг соцреализма. «Вот у него есть, а у меня нет!» — жаловались никому не ведомые «инженеры человеческих душ». И требовали себе всего, что угодно. Причем чем писатель был мельче, тем больше он требовал. Разные пастернаки с солженицыными огребали выговоры да приговоры, их выдворяли из страны или угрожали выдворить. Гордостью родимой культуры называли не их. Да и внутри страны всяким булгаковым с платоновыми жилось не легче всего. А бабелей с клюевыми приканчивали, и все тут... Коридоры Союза писателей выдвигали всякое и всяких. Перекочевали в спецхраны доносы и приговоры, но где-то в несгораемых тамошних архивах должны, наверное, храниться бесчисленные жалобы и требования подмастерьев слова с их вечным «Дай, дай, дай!». Людей специально натаскивали на такую жизнь. Их назначали писателями, чтобы писателей изводить, так же как единственную советскую партию создали, дабы искоренить все другие. Жизнь была цельна, как наковальня.

...Так будьте здоровы...

го долга. Ведь и Украина имела свой газ в Шебелинке и Дашаве, но весь отдала, причем большей частью не себе, а своей соседке России. Помните газопровод Дашава—Москва, Шебелинка—Москва? Или снова двойные стандарты?

Теперь в отношении флагов. Флаг — это вещь особенная, не просто ткань, а символ. Подняв флаг, ты сказал, что принадлежишь государству, флаг которого ты поднял. По господину Мальгину, флаг можно поднять российский, а вот на довольствии быть украинском. Нестыковка какая-то выходит. А может, прежде чем делать такие шаги, нужно хорошенько подумать, поговорить, выкурить трубку мира? Говорят, что первый такой шаг сделала Украина. Ну, во-первых, это было на одном-двух кораблях, во-вторых, те, кто это сделал, и сами теперь понимают, что, наверное, поспешили, хорошенько не подумали. Да и те, кто сейчас это делает с андреевскими флагами, нас тогда журили, а то и просто честили, а теперь и сами туда же. Ну прямо как в украинской поговорке: «Що попови можна, то дякови зас!» (чур).

И как же прав мой оппонент: «Что ж за Черноморский флот, эту дорогую, в общем-то ненужную цацку, так в Москве ухватились?» Хотя, нет, простите: у Мальгина не «в Москве», а «в Киеве». Опять неувязка получается: если для Украины — то Черноморский флот есть цацка, если для России — это вещь священная. А может, лучше сделать, как предложил наш пре-

мьер, очень уж не любимый Вами, Леонид Кучма. Вывести Черноморский флот на рейд и дать кораблям возможность пальнуть из всех орудий в белый свет. Те суда, которые от одного звука этой канонады не сделают после этого поворот оверкиль (а проще, не пойдут ко дну), разделить между Украиной и Россией. И будет таких кораблей ой как мало.

Еще один пример двойных стандартов: в вопросе о ядерном оружии. Из монолога Андрея Мальгина можно сделать вывод, что все страны распространились с атомным оружием, вот только одна строптивая Украина никак его не отдает. Так ведь все наоборот. Это Украина вместе с Белоруссией и Казахстаном хочет от него избавиться. А Россия, которая говорит, что не имеет теперь потенциальных противников, тем не менее, ни сейчас, ни завтра, ни послезавтра ядерное оружие отдать не хочет. Нет чтобы сказать, как Тарас Бульба: «Я тебя породил, я тебя и убью».

И так во всем. Если «Запорожец», то это — невеста что, а если «Москвич», то это высший класс, что ли? «Электрон», конечно, морально устаревший, а что, «Рекорд» российский — последний писк моды? А может, прежде чем плевать в колодец, вспомнить, что из него можно и воду пить. Пока что львовский «Электрон» прекрасно покупают в России, «Электрон» ведь сейчас пятого поколения, а стоит много дешевле телевизоров, импортных из дальнего зарубежья.

А уж неточности, неосведомленности! Прекрасно мы договорились, что все построенное российскими предприятиями, за счет российского бюджета на укра-

инской земле будет российским и наоборот. Наш парламент уже ратифицировал это соглашение, так что теперь остановка за парламентом России. А визы в Россию из Украины, так же как визы в Украину из России для наших граждан — это, по моему, просто четвертый сон Андрея Мальгина.

Итак, если аккуратно посмотреть каждый абзац статьи моего уважаемого оппонента, увидишь, что все это — эмоции, эмоции и еще раз эмоции. Ты сердисься, Юпитер, следовательно, ты не прав. Но почему так? Да потому, что дочь разбудили! Но если вдуматься, то действительно плохо, что ее разбудили. Так, может, лучше сядем рядком да подумаем ладком, как сделать, чтобы детей не будить.

Ну и самое главное. Прав, конечно, прав Андрей: войны начинаются с малого. Только ведь всегда, во все времена до выстрела Гаврилы Принципа прежде было слово, много слов. И потому призываю Вас: взвешивайте слово, ибо разным оно бывает, и часто бывает тяжелым, обидным, убийственным, взрывоопасным, поджигающим, страшным.

И сказать мне хочется в заключение: так будьте здоровы, живите богато. Вы это сумеете.

Думаю, что вы не против, чтобы мы в нашей хате, соседней с вашей избой, тоже жили богато. Я думаю, что мы это тоже сумеем, по-другому нам с вами нельзя. Только не сориться для этого нужно, а работать, много, насадно и, главное, с умом. Как сказал мой любимый Тарас: «Боритесь — побороте, Вам Бог помагает».

С тех пор я...

Если это с чем-то и сравнимо, то лишь с вдохновением части нынешних парламентариев, подхвативших сей лозунг и тоже, по всей видимости, считающих, что служить задаром даже самой высокой идее смысла нет. А не шибко высокой идее — тем более. Слова известной песни «Кто был ничем — тот станет всем» вдохновляли и вдохновляют профессиональных пролетариев умственного труда куда чаще, чем всех других пролетариев.

Причем самые убежденные из них отстаивают свое право на иждивенчество. Недавно я прочел в «Правде» статью, возмущающуюся тем фактом, что известный поэт разводит кур. Пролетарская газета выразила свое «фе», будто некогда ласканные ею патристические писатели должны питаться исключительно двуглавыми орлами, полученными в закрытом распределителе. «Все тот же сон!» — как вздыхал классик. «Престижные» и «непрестижные» профессии, безделье, прикормленное и возводимое в принцип.

Целая телега родимых пятен коммунизма ползет за нами. Так же, как ни один бездельник не признает своей бедности справедливым результатом собственного образа жизни, ни один плохой писатель не согласен с тем, что его заслуженно не читают. А совсем уж разобитые топают в политику. Нынешние фортели профессионального поэта-патриота Куняева вполне можно было предвидеть еще тогда, когда он провалился на выборах в

Верховный Совет. Таких обид поэты своему народу не прощают.

Впрочем, и прозаики тоже. Когда захлебнулась война в Афганистане, певец ее Проханов не мог вступить не во что иное, чем газета «День» и продолжать войну оттуда. Господи, ведь все это уже сто раз было, но по-прежнему пульсируют отстойники ненависти, угрожая взорваться, провоцируя несчастных людей, сводя счеты, гапонствуя...

Берегитесь провинциалов с ущемленными амбициями! В политике они объясняют чужие силу и популярность происка врагов и подкупом, а также финансовым содействием инородцев. Во всех других сферах — примерно так же. Свою литературную непопулярность они тоже объясняют происка врагов народа и нации, всегда готовые приступить к уничтожению таковых собственноручно. Сегодня, когда национализм стал точно такой же конъюнктурщиной, как вчера был марксизм-ленинизм, процент духовных провинциалов в рядах непримиримых патриотов так же высок, каким он был в большевистских заговорах начала века.

Я прекрасно знаю многих из тех, кто возглавил националистическое движение на Украине и не хочет по привычке нести никакой ответственности за его результаты. Чисто деляческий бунт людей, которые, кстати, зеркальные братья и сестры российским провинциалам и по этой самой причине терпеть их не могут, враздую на своем захолустном уровне. Без труда можно было предсказать развитие событий в Грузии, возглавленной полным ам-

биций и комплексов филологом Гамсахурдиа, и не стоит очень уж удивляться войне, вспыхнувшей между Азербайджаном и Арменией, где президентами стали доктора филологии Тер-Петросян и Эльчибей. В Москве сейчас издается пять литературных газет, возвращающих нас к грустной ильфовской шутке о том, как композиторы перестали писать музыку и занялись сочинением доносов друг на друга на нотной бумаге.

Литература — дело моей жизни. Не знаю профессии интереснее. Но, боюсь, грустный афоризм Леца о том, чтобы «люди, не имеющие с литературой ничего общего, не имели ничего общего с литературой», остается еще одним прекраснотдушным мечтанием. Когда словами разделяют народы, толкают армии друг против друга, нельзя не думать об их всемогуществе и жертвенности. У слов судьбы коверкаются, как у людей, и лозунг «Книга — народу!» искалечен точно в такой же степени, как лозунг «Земля — крестьянам!» был извращен в годы коллективизации.

Вот об этом я и хотел сказать. Что же касается личных моих впечатлений от украинских дел, ставших содержанием заметок Андрея Мальгина, то я в Киеве несколько лет уже не был. Это мой родной город, там на Байковом кладбище похоронены мои отец и сын. Над сыном надпись сделана по-украински, над отцом — по-русски. Эту-то, отцовскую, плиту вывортили и сломали вместе с соседними русскоязычными эпитафиями. С тех пор я в Киеве не был. Не хочу.

ЖЕЛАЕТЕ ЗАТЯНУТЬСЯ — ГОНИТЕ 500 «БАКСОВ»

Если в будущем году судьба забросит вас в Австрию, постарайтесь заблаговременно бросить курить или, по крайней мере, переключитесь на более легкие и менее «токсичные» сорта табака. В противном случае неизбежны серьезные неприятности.

Начаться они могут сразу после пересечения границы, если в багаже таможенник обнаружит прихваченные в дороге пачки сигарет «Мальборо-100», «Кэмэл», «Галуаз», «Ротманс» или «Лаки страйк» (про отечественные сигареты уж промолчим).

Ожидается, что с начала будущего года ввоз упомянутых марок сигарет и их продажа в Альпийской республике будут запрещены, а обладатели оных автоматически пополнят ряды контрабандистов. Одна затяжка, сделанная публично, пусть даже в отведенном для курения месте или на улице, может обернуться денежным штрафом в 500 долларов, а в случае повторения придется выложить целую «штуку» зелененьких.

Такие штрафные санкции предусмотрены в проекте

С МИРУ ПО НИТКЕ

ЛЕТАЮЩАЯ СВАЛКА

То, что многие районы нашей планеты постепенно превращаются в самые настоящие свалки, не секрет и для школьника. А вот о том, что творится в околоземном космическом пространстве, наверняка догадываются немногие.

По данным Европейского космического агентства и североамериканской службы космического наблюдения НОРАД, по околоземным орбитам в настоящее время перемещается около 7 тысяч обломков летательных аппаратов, представляющих собой все большую опасность для действующих ракет, спутников и орбитальных станций. Так, в 1983 году маленький кусок обшивки спутника весом не более одного грамма попал в иллюминатор американского космического корабля многоразового использования «Челленджер». В результате в бронированном стекле

образовалась вмятина глубиной 6 миллиметров. «Если бы это была гайка, то кораблю пришел бы конец», — уверяют американцы.

Опасность отнюдь не в том, что вся эта «небесная помойка» может рухнуть нам на голову — до сих пор единственной жертвой обломка космического аппарата в 1962 году стала корова на Кубе.

По мнению ученых и специалистов, необходимо очистить космос, хотя бы наиболее активно используемые орбиты. Уже начинают создаваться проекты запуска на орбиту «космических мусорных ведер»: гигантских сеток, в которые будет собираться космический мусор. Однако пока не ясно, каким образом выводить с орбиты эти сетки, набитые крупными обломками спутников...

Приход к власти в бывших советских республиках бывших партийных функционеров — одна из тем, волнующих западных политиков и прессу. Вот как расценивает этот феномен Серж Шмемон в газете «Нью-Йорк таймс»:

«...Гейдар Алиев, которому сейчас 70 лет и который в своем последнем воплощении был олицетворением коммунистического руководителя: генерал КГБ, безжалостный глава компартии республики и член Политбюро ЦК КПСС... стал 11-м бывшим советским функционером, пришедшим к власти в бывшей советской республике, — как обычно, в новом обличье национали-

«БЫВШИЕ» И «НОВЫЕ»

ста, антикоммуниста и поборника свободного рынка.

У каждой такой истории свой извилистый путь. Борис Ельцин в России первым отказался от коммунистических идей и вернулся к власти в качестве избранного на общенациональных выборах руководителя. Леонид Кравчук, некогда главный идеолог Украины, боровшийся с любыми проявлениями сепаратизма, своевременно превратился в националиста. Такие руководители, как Нурсултан Назарбаев и Ислам Каримов, уже занимали руководящие посты до независимости, и им удалось быстро «измениться».

Появление на руководящих постах изменивших позицию коммунистов то осуждали как неудачу демократии, то приветствовали как возвращение к прагматизму.

В любом случае, цепкость прежних функционеров-коммунистов меньше связана с идеологией и геополитикой и в большей степени с тем обстоятельством, что они часто являются единственными опытными политическими деятелями. К моменту распада Советского Союза коммунистическая партия была преимущественно средством для достижения политической власти. Че-

столюбивые политические деятели вступали в КПСС только потому, что это было для них единственным путем для обретения власти и влияния. Наиболее способные из них выдвигались благодаря беспощадности, цепкости, уму...

По мере того, как рушилась советская империя, переставали существовать и связи, поддерживающие экономику. В нескольких республиках возникли межнациональные конфликты...

Едва ли было неожиданностью, что в скором времени люди стали требовать возвращения к власти руководителей, имеющих авторитет и склонных к беспощадности. Отвечая на пресс-конференции на вопрос, как он относится к такому явлению, как возвращение к власти коммунистов, Алиев сказал: «В этом вопросе нет смысла. Советского Союза больше нет, нет и коммунистической партии, которая единолично правила им, используя силовые методы. Людям, которые приходят теперь к власти, можно доверять. То, что они делали для бывшего Советского Союза, не имеет значения. Учитывая проблемы, стоящие перед всеми республиками, просто не имеет смысла делить должностных лиц на «бывших» и «новых».

«КУПОН» ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

В предзастойное время американца занесло по экономической нужде в какое-то московское госучреждение. Осторожное прощупывание взаимных выгод периодически прерывал вопль из соседнего кабинета: «Это Ленинград?! Это Ленинград?!»

— Что же он так истошно кричит? — поинтересовался гость с берегов Потомака.

— Да это он с Ленинградом разговаривает, — объяснили недотыкомке-американцу.

— А что, разве по телефону он не мог позвонить?..

Ох, не знал не ведал герой анекдота, что в России связь хорошо работает только в момент прослушивания нехороших разговоров. Да ведь и нам в голову не приходило, что грядет время не только радиотелефонов и автоответчиков, но и спутников банковской космической связи. «Будем запускать «Купон», — поведал «Постфактум» заместитель председателя Центрального банка России Ринат Сетдинов. Вот так: раньше купоны стригли, а теперь выводят на орбиту — в рамках создания системы космической связи «Банкир». Чтобы осуществлять, значит, оперативный контакт между расчетно-кассовыми центрами. Вот, к примеру, надо вам передать во Владивосток из Москвы

9 страниц машинописного текста: полторы секунды — и все готово. Правда не надо думать об этих поднебесных секундах свысока — лучше предусмотреть меры защиты. А то супертехнику с космической скоростью осваивают специалисты по фальшивым авизо. И такого напередают, что никаких денег не хватит.

Пока ракету для «Купона» заправляют все дорожающим топливом, в Калужской области деловую информацию получить — раз плюнуть, вернее, позвонить на автоответчик муниципальной службы рыночной информации «Агроинфо». А все департамент сельского хозяйства США. Это с его помощью служащие «Агроинфо» вооружились компьютерами и с утра до вечера собирают информацию о ценах на предприятиях разных форм собственности. Российский капиталист в первом поколении может почувствовать себя совсем на Западе и поинтересоваться у службы — как там, мол, складываются на рынке цены, какого партнера по производству и реализации продукции подобрать, пока он сам не подъехал на «Мерседесе» с крутыми ребятами в слаксах и автоматами «узи».

Но большинство россиян относятся к обмену информацией настороженно, предпочитая пользоваться своим банком идей, а деньги хранить подальше от чужих глаз.

Мысли нашим согражданам приходится оригинальные. В театре «Эксперимент» в Санкт-Петербурге состоялась премьера спектакля «Гость» в постановке Виктора Харитоновна. Впервые в России, сообщает «Постфактум», на сцене были использованы приемы ароматолечения: по мере развития действия на зрителей накатывались запахи лаванды, мяты и горной сосны. Так что, приобщившись к высокому искусству, можно заодно сэкономить на врачах. Только непонятно, как называть клиентов «Эксперимента» — зрителями или пациентами?

Нет, недаром в России после пятой рюмки затягивают: «Травы, травы, травы, травы, травы...». Воронежский медицинский и местный университет открывают валютный факультет фармацевтов-травников. Ректор университета профессор Гусев поведал корреспонденту РИА, что межвузовский факультет будет ковать кадры для дальнего зарубежья. Там просто западают от наших траворазработок и готовы платить за обучение одного студента 1,5 тысячи долларов в год. Будущие травники увезут из Воронежа много полезных сведений. Во всяком случае, научатся класть в водку местного розлива зверобой, калгановый корень, тархун и т.д. Ибо если не прибегнуть к помощи гербария, то запахи сивушных масел отбить не удастся ни за что.

Травы, как известно, любят не только люди, а и птицы. Но на пернатых вегетарианцев спрос невелик — эва сколько их шныряет по лесам. Покупателям подавай плотоядных, да чтобы размах крыльев был с метр, а то и более. Знаете, к примеру, сколько стоит в странах Ближнего Востока кречет? Скажу без всякого «Купона» — 50 тысяч долларов. Бизнес на крылатых, санитарах, похоже, приведет к тому, что Камчатка скоро обеспечится. Деловые ребята нарушают экологический баланс полуострова, изымая белоплечих орланов, беркутов, кречетов. С Дальнего Востока птицы в связанном виде мигрируют в Германию, Чехию и далее — в страны, где за них расплачиваются конвертируемой валютой.

В Муроме, во Владимирской области, где соловьи-

разбойники были прописаны еще со времен Нестора-летописца, тоже решили почистить ряды хищников, что свили гнезда с обеих сторон наплавного моста через Оку, перерезали коммуникацию, соединяющую Владимирскую область с Нижегородской и Рязанской, и обдирают водителей почем зря. Но власти не стали кликать Илью Муромца, а отдали мост в аренду частной фирме «Муром Лимитед». Та приставила к сооружению 20 человек охраны, навела порядок и организовала четкое движение по арендованной переправе, взимая с проезжающих строго определенную и необременительную мзду, сообщает ИТАР—ТАСС.

Жизнь подсказывает, что умелым вложением капитала можно решать самые разнообразные проблемы. В Кировской области есть колония усиленного режима № 5, а у АО «Насса» имеется желание завалить область остродефицитными насосами для подачи воды в дома и на предприятия. Фирма вкладывает деньги, заки делают насосы, покупатели рвут их прямо из татуированных рук. В итоге заключенные стали получать по 20—25 тысяч в месяц плюс дополнительные продовольственные пайки, а в бараках появились даже цветные телевизоры. Для тех ударников, чей срок близится к концу, АО «Насса» построила общежитие гостиничного типа с номерами на 5—6 человек, сообщает агентство ЕАН. И никаких, заметьте, бунтов...

Или вот еще новость: требуются арины родиноны для выезда за рубеж. Дамы города Омска в возрасте от 33 до 45 лет борются друг с другом за право стать домработницей, кухаркой и няней в далеких, но притягательных домах в Соединенных Штатах. Американская фирма, объявившая конкурс, поставила условие: обязательное знание английского языка, кулинарные и воспитательные способности и высшее образование, предпочтительно медицинское или педагогическое. Первые дамы внедряются в американские семьи уже в августе, сообщает «Постфактум». Раз стали приглашать домохозяйек из России, значит, верят, что мы сумеем навести порядок не только у себя дома.

Александр АГОПОВ

ХРОНИКА

ОТ СЕВИЛЬИ ДО МАНЕЖА

Распродажи наш народ любит. Особенно когда до него доносятся sacramentalные слова «по сниженным ценам».

Поэтому в Манеж снова очередь. Там продают пиджаки, мячи, детские комбинезоны, диваны, мясные консервы, крошечки. Товары приехали из Испании благодаря любовным отношениям, установившимся между нашим акционерным предприятием «Анис» и тамошней фирмой «Галерея» (название как раз для Манежа).

Последняя в Испании известна достаточно хорошо. Торговые залы «Галереи»

разбросаны по всему полуострову и занимают в общей сложности 200 тысяч квадратных метров.

Свой интерес к испанской фирме президент «Аниса» г-н А. Мухаметшин объясняет тем, что из всех стран ЕС самыми стремительными темпами сейчас развивается именно родина Санчо Пансы.

В ближайшее время партнеры приступят к розливу вин (надо думать под маркой «Анисовая галерея» или «Галерейный анис») и производству мороженого.

...А цены на ядмарке не то чтобы очень смешные, но достаточно забавные. Забава эта продлится до первого сентября.

А.Б.

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ НА БОРТУ «АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА»

Национальный праздник братского французского народа — День взятия Бастилии — прошел в Москве без особой помпезности, хотя были приемы в посольстве, завтраки, обеды, ужины и другие формальные и неформальные встречи на земле Москвы. Из множества этих встреч по крайней мере одна достойна внимания особого. Имею в виду праздник, на протяжении целого дня сокрушавший палубы комфортабельного теплохода «Александр Пушкин». Праздник, имевший пользу для так любящего «красные дни календаря» — и свои, и чужие — российского народа, точнее, для той его части, что называется сло-

вом «бизнесмены» (были они из Москвы, Нижнего Новгорода, Переславля-Залесского, Иркутска, суверенного Татарстана и др.). Польза же была в том, что в музыкальном салоне теплохода прошел «круглый стол», посвященный экономическому сотрудничеству между Россией и Францией.

Деловые люди с энтузиазмом отнеслись к сообщению специального советника представителя Европейского банка реконструкции и развития в Москве А.Кожемякова, что ЕБРР выделит 300 млн. долларов на развитие малого и среднего бизнеса в России. Дискуссия же в основном кружилась вокруг того, что «необходим благоприятный правовой климат в экономическом сотрудничестве», «надеемся на закон об иностранных инвестициях», «необходимы научные исследова-

ния экономического анализа». А заместитель начальника управления зарубежных связей правительства Москвы господин Борисов совершенно справедливо сказал о том, что необходимо «преодолевать наш комплекс экономической неполноценности».

Стоит заметить, что наши бизнесмены продемонстрировали великолепное знание французского языка и живо отреагировали на слова атташе по вопросам экономического сотрудничества посольства Франции господина Суле, который заявил, что «выгодно образовывать СП с русскими, так как русские работают очень хорошо». Что ж, спасибо на добром слове.

А вне деловых бесед праздник пел, ел, пил, короче, развлекался. На зеленой стоянке под названием «Сосновый бор» провели часа три-четыре и «брали» каждый свою «бастилию» — фуршетный стол с «корзиночками» с черной икрой, сосисками и другими приятностями. Потом на теплоходе в том же музыкальном салоне царствовал Никита Богословский, пел московский хор «Жорж Брассенс». А модельеры причесок из департамента Па-де-Кале господа Пушен, Кастель, Лиебиг и госпожа Корбо устроили целое шоу на головах эффектных девушек и юношей из «Дома моделей на Арбате».

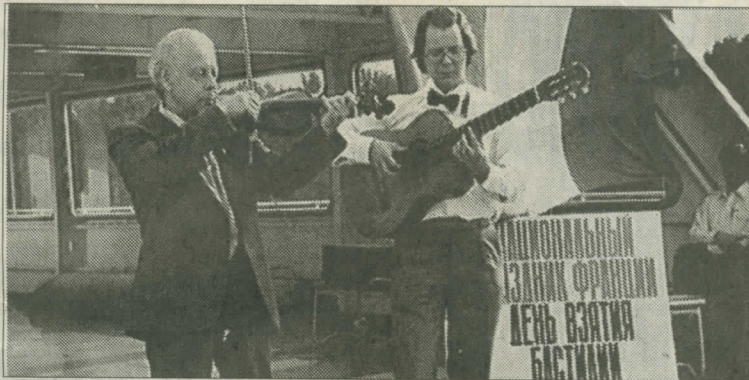

Фото автора

Олег ДУЛЕНИН

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ЛУЧШЕ ДАТЬ УДОЧКУ, ЧЕМ РЫБУ

Вы потеряли работу, но сохранили оптимизм и деловые качества? Если это произошло в Смоленске, считайте, что ваше дело в шляпе. Организовать собственный бизнес вам поможет Смоленский фонд занятости. Он готов предоставить вам субсидию в размере годового пособия по безработице с условием, что вы не пропьете полученные деньги, а вложите их куда надо. С помощью фонда здесь наносят ощутимые удары по безработице. 60 миллионов рублей он выделил для создания новых рабочих мест. В частности, оказал временную финансовую помощь производственной ассоциации «Смоленскстройдеталь» в размере 15 миллионов рублей. По условиям договора, предприятие обязалось не увольнять в течение двух лет работников и, более того, организовать еще 90 мест для безработных, сообщает ИТАР—ТАСС.

НА ЮГ ПОЕДЕТ ОДИН ИЗ НАС, ОСТАНЕТСЯ ДОМА ДРУГОЙ

Вы хотите поехать в отпуск, но не на кого оставить престарелого родителя? Не беда: в Екатеринбург вам помогут решить эту, в сущности, несложную проблему. В Железнодорожном доме-интернате для престарелых и инвалидов готовы принять вашего родственника на срок от одного до трех месяцев. Готовьте 25 тысяч рублей за месячный отдых друг от друга и спокойно покупайте билет. Сотрудники интерната берутся кормить, ухаживать и оказывать медицинскую помощь оставленному на их попечение пенсионеру. За плату сверх таксы здесь окажут дополнительные медицинские услуги, в частности сделают массаж. В первый же день на интернат обрушился шквал звонков, сообщает «Постфактум».

ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЗА ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ

Пять тысяч рублей и бутылка шампанского ждут победителя конкурса, который сумеет составить самую нецензурную фразу и в письменном виде переслать жури. А все началось с желания агентства «Корона» организовать в родном Омске конкурс частушек. Безобидное мероприятие обернулось для организаторов конфузом — большинство фольклорных припевок оказалось нецензурными. Но желание сделать бизнес на необычном поприще не оставило организаторов. Так, сообщает местная газета «Новое обозрение», родилась идея: провести конкурс матерщинников. Правда, организаторов смущает один вопрос — как объявить победителя и при этом не огласить его победный вариант?

КАБЛУК — САМЫЙ ЛУЧШИЙ ОТК

Помнится, самой лучшей рекламой российских галosh был анекдот о том, как их обладательница выпала с пятого этажа. Сама — вдребезги, а галоши целы, отмечала народная мудрость. Примерно так же поступили в Перми, когда в производственном объединении «Велта» торжественно испытывался на прочность новый автомобиль «Автокам». На крышу новинки поднялась художественный руководитель заводского Дома культуры Галина Лучникова, сообщает агентство Евро-Азиатские новости. Она лихо спрыгнула под гармошку, а потом приличные эксперты напрасно искали следы от каблучков, вмятины и царапины. Что ж, приятно за российскую технику. Правда, хотелось бы, чтобы она и ездила так же быстро и надежно, как западная...

До перестройки преобладали не налоги, а «отчисления» и «платежи»... Одно из первых завоеваний «свободной России» — цивилизованная налоговая система взамен министерских инициатив. Налоги теперь подразделяются на федеральные, «субъектные» и местные — итого 42 группы. Точное же число всех налогов, думаю, вряд ли кто исчислит: одних только видов пошлин и гербовых сборов свыше семи десятков... Ранжирование налогов по уровням бюджетов — федерального, «субъектных» (субъектов Федерации — «автономий», областей и краев) и местных — формально означает утверждение самостоятельности регионов.

Значит, государство наконец-то вступило в диалог с юридическими и физическими лицами? Они превратились в налогоплательщиков и граждан? Подданные сделали гражданами? То есть стали с государством на равных? Контролируют его в сфере расходов?

Но почему же со всех сторон — от регионов, от юридических и даже физических лиц — не бормотание да брюзжание, а поистине стон раздается? Не «обложили» — грабят!

Критика налоговой системы — это фактически критика социально-экономической политики властей. Но все-таки рискну, воспользуюсь пресловутой «свободой слова»...

Начну с налога на добавленную стоимость (НДС). В отличие от многих публикующихся авторитетов от экономики, которые путают сам НДС с его ставками, введение этого налога я считаю значительным достижением. Это «удобный» и многоцелевой налог, который позволяет контролировать и регулировать посреднические операции, производство, заработную плату и заодно прибыль. Конечно, его исчисление и взимание — дело непростое. Преимуществ, однако, больше, нежели недостатков. Не зря этот налог действует во всех странах ЕС...

Но на Руси не принято делать так, как за границей. От НДС у нас осталось только название. Грамотеи из Минфина и налоговой службы свели его к разновидности акцизного сбора или налога с продаж и даже к пресловутому «налогу с оборота» — сталинскому изобретению 30-х годов: взимается он как фиксированный процент с доходов или стоимости продукции, услуг, оборота. Даже если и позволено взимать НДС с добавленной стоимости — производитель не обременяет себя трудностями правильного исчисления НДС. А налоговая служба помалкивает... Полюбовный сговор, выгодный обоим участникам. Но только — не потребителю, который платит вместо «узаконенной» ставки НДС в полтора раза больше. Слог и изложение закона о НДС ниже всякой критики. Так и хочется помянуть недобрым сло-

Борис ЛАГУТЕНКО

34 НАЛОГА НА ОДНУ ДОХЛУЮ РЫБУ...

О чем постоянно судачат жители рыночных стран? О налогах. Чем они всегда недовольны? Разумеется — налогами. По Адаму Смиту, налоги для граждан — признак не рабства, а свободы, экономической и политической. Но феномен советского политэкономического сознания имеет иную закваску. Символические налоги, в основном — с заработной платы, полное экономическое невежество плюс «основы политэкономии социализма» закрепили стойкую иллюзию, будто живем мы в безналоговом эфире. Ведь привыкли ворчать главным образом о высоких ценах — не о налогах...

вом составителя.

В странах ЕС действуют, как правило, две-три ставки НДС. Стандартная — от 14 до 20 процентов, пониженная — от 4 до 9 процентов и (редко) повышенная — до 30 процентов.

У нас же наряду с почти «европейской» ставкой НДС действуют огромные ставки других налогов. Поэтому, несмотря на снижение ставки НДС с 28 до 20 процентов с начала с.г. (на некоторые товары — до 10 процентов, а иные и вовсе освобождены от НДС), ее следует считать чрезмерно высокой. НДС дает примерно 30 процентов поступлений в консолидированный и около 40 процентов в федеральный бюджеты.

Словом, дело не в самом НДС, а в общем налоговом бремени. Оно у нас, пожалуй, бьет все рекорды. Простой подсчет показывает: совокупная налоговая ставка превышает 70—95 процентов доходов. Действительно: НДС — 20 процентов (или 10 процентов) от стоимости реализованной продукции, налог на прибыль — 32 процента от прибыли, отчисления на социальное страхование, в пенсионный фонд, на медицинское страхование — 38 процентов от фонда заработной платы, отчисления в фонд стабилизации экономики, фонд занятости... и т.д., и т.д. Своеобразный комплексный налог — цены, которые еще и искусственно раздуваются.

В ценах аккумулируются 9 (из 16) федеральных, 4 (из 4) субъектных и 17 (из 23) местных видов налогов. При купле-продаже осуществляется прежде всего изъятие налогов, а уж потом товарно-денежные отношения. Хрестоматийный пример о том, что в XVII веке в Голландии порция рыбы в харчевне облагалась 34 налогами (акцизами), повторяется в России конца XX века. Россия и другие республики бывшего СССР остались мировыми рекордсменами в эксплуатации собственных народов...

Фактически налоговое бремя в виде совокупных отчислений в пользу государства превышает в отдельные месяцы даже 100 процентов... Экономический парадокс? В самом начале либерализации цен люди и предприятия продали плоды своего прошлого труда — запасы на антресолях, в чулках и сберкассах, оборотные средства...

От заведомо несправедливых и антидемократичных налогов страдают в основном бедные слои населения, т.к. за один и тот же товар бедняк с низкими доходами и богач с высокими доходами одинаково выплачивают совокупный косвенный налог, который составляет весьма разную долю в их доходах.

Если из цен выпустить «налоговый воздух», то их уровень похудел бы не менее чем в 5 раз. Соответственно, и денежной массы для обслуживания

цен и налогов потребовалось бы гораздо меньше (по некоторым оценкам — в 3—6 раз).

В настоящем рыночном хозяйстве налоги, помимо фискальной функции, выполняют функцию регулируемую, т.е. стимулируют экономические процессы или тормозят их. Так действуют на Западе весьма полезные «экологические» налоги — в виде штрафных санкций, разоряющих загрязнителей окружающей среды. С помощью высоких налоговых ставок западные правительства противодействуют «перегреву» экономики, а с помощью низких — поощряют экономическую активность. С помощью таможенных барьеров смягчают конкуренцию и защищают свою экономику от внешней экспансии.

Ну а в России функция налогов исключительно фискальная... Если исходить из принципа, что плохой результат есть также результат, то российское налогообложение как рыночный регулятор стимулирует такие вот процессы:

1. Свертывание и удушение производства.

2. Консервация технической отсталости (поскольку нет налоговых льгот в связи с техническим перевооружением).

3. Поощрение расточительности (нет налогового механизма, который стимулировал бы рациональное использование природных, энергетических, сырьевых и вторичных ресурсов).

4. Под флагом защиты отечественных производителей — протекционизм монополистов.

5. Удушение нарождающейся альтернативной (негосударственной) собственности, малого бизнеса, к которым применяются те же налоговые подходы, что и к крупным госпредприятиям.

Льготы же в налогообложении, иногда весьма существенные, похожи в нашем государстве на милостыню (льготы ветеранам, пенсионерам, детям, детским товарам и т.п.).

А в результате от налогов не уклоняется только ленивый. Если платить честно — разоришься. Только федеральный бюджет теряет из-за этого примерно треть потенциальных поступлений.

Россия — не Люксембург и не Монако, а одна девятая земной тверди. И эта часть земли надлена презабавным и неповторимым территориально-политическим устройством. «Двухканальная» налоговая и трехуровневая бюджетная системы накладываются на чересполосицу регионов с разным политико-административным рангом.

Регионы перед Центром выступают от имени своих юридических и физических лиц как консолидированный налогоплательщик.

Большая часть налоговых сборов «с

Рис. В.Чумачева

периферии» свозится в Москву, а потом Москва, а за ней субъекты Федерации раздают (выделяют, распределяют) финансовые средства «по периферии» в форме субсидий и субвенций. Из одного кармана в другой... Недовольные регионы в лучших традициях постперестроечного хаоса все налогово-бюджетные взаимоотношения «решают на местах» и в одностороннем порядке. «Борьба за суверенитет» растет на экономических дрожжах... Татарстан, Башкортостан, Саха-Якутия, не говоря уже о Чечне с ее «самообеспечением» посредством фальшивых авизо, фактически перешли на одноканальные расчеты с Россией. Поступок весьма выгодный, а посему заразительный. За суверенными республиками потянулись ущемленные области с краями...

Словом, действующая налогово-бюджетная система наказывает «маяков реформы», которые вынуждены отдавать в федеральные закрома больше, нежели получают из них. Покрывается иждивенчество. Поощряются регионализм и федерализм, ибо фактически система потворствует неравноправию субъектов Федерации.

Бюджетная и налоговая политика — прерогатива Верховного Совета, исполнение ее — обязанность правительства. Исполнительная власть изыскивает дополнительные источники бюджетных доходов и делает это, усиливая налоговый пресс. Кроме того, приходится покрывать еще и незапланированные расходы, инспирированные ВС.

Все налоги (кроме акцизов) вводят только советы. Поэтому представительная власть в большей мере ответственна за налоговую и бюджетную политику. В том числе за соглашательство и уступчивость правительству.

Что ж, в «переходный период» и налоговая (бюджетная) политика является переходной. Современную налоговую систему можно назвать капиталистической по форме, социалистической по содержанию.

Обуздание ценовой инфляции даже в рыночных странах возможно только при резком сокращении государственных расходов. Вывод же производства из депрессии требует коренного реформирования и налоговой политики (не налоговой системы!). А для этого в свою очередь необходимы изменения бюджетной политики и системы.

Два года назад автор этих строк подсчитал, что из-за косвенных налогов, используемых преимущественно для милитаризации страны, уровень розничных цен оказался завышен примерно в 20—25 раз.

Всем сегодня понятно: социалистическое содержание налоговой системы пора искоренять. Казалось бы, чего проще: перейти от косвенных налогов к прямым, т.е. к подоходным (на доходы) и имущественным (на собственность). Первые в развитых странах составляют до половины, последние — примерно 10—13 процентов налоговых платежей.

Однако наше тоталитарное государство постаралось еще в зародыше придушить альтернативную собственность. А потому имущественные налоги теперь брать не с кого: частная и личная собственность мизерны и погоды в налоговых поступлениях не сыграют.

А вот с подоходными налогами стоит поэкспериментировать. Правда, доля заработной платы в себестоимости и цене российской продукции крайне низка. Приходится уповать на развитие налоговой законопослушности, на жесткую, но справедливую деятельность налоговой службы. Необходимо разработать прогрессивную налоговую шкалу — с позиций относительно справедливого распределения налогового бремени на бедные и богатые слои населения.

Процесс этот должен быть постепенным, т.к. после гипотетического перехода России на «цивилизованные» стандарты налогообложения более 80 процентов средней (!) зарплаты будет уходить на (подоходный и имущественный) налоги. Это не под силу даже большей части наших нуворишей. Правда, уровень розничных цен должен (теоретически) сократиться примерно в три-четыре раза.

«Хороших» цен не может быть в «плохой» экономике. И наоборот. Однако в «плохой» экономике может и должна действовать «хорошая» налоговая система и политика. Только тогда можно ожидать «хороших» результатов...

Аэлита ЕФИМОВА

ВОТЧИНА

Не верю я, что в бывшей спецбольнице 4-го Управления (ныне Российском клинко-диагностическом центре) доведется когда-либо лечиться «простому российскому гражданину». Не для того столько лет государство отбирало деньги у обычного здравоохранения в пользу элитарного, чтобы сегодня все богатство апартантов, медикаментов и медиков отдать человеку с улицы... Пора перестать болтать о борьбе с привилегиями, риторически вопрошать о «завоеваниях демократии» и воображать себя клиентом этого оазиса здоровья на Мичуринском проспекте...

Из всех моих знакомых россиян лишь одна дама побывала в роли пациентки бывшей «четверки», да и то потому, что она — жена иностранца и может заплатить 150 долларов за консультацию...

Кто в доме хозяин?

Всем известно, что в конце 1991 года, после ликвидации Минздрава СССР, спецбольница, обслуживавшая элиту из элит — членов Политбюро, перешла в ведение Минздрава России и соответственно на финансирование из российского бюджета. Заповедное учреждение было официально объявлено открытым.

Конечно, не стоило понимать эту «открытость» буквально: система охраны в больнице по сей день — жесточайшая, редкий посетитель дойдет до середины двора без спецпропуска...

Было также публично заявлено о переходе Центра на «новые условия хозяйствования»... Никто до сих пор не может четко определить — что же это значит в данном клинко-диагностическом случае... Никем это заведение не проверялось, а была элитарность многими понималась как вседозволенность.

По непонятным причинам Центр был оставлен в подчинении Управления санаторно-курортной и реабилитационной помощи Минздрава, хотя курорт или санаторий дом на Мичуринском напоминает разве что комфортом, но уж никак не своим назначением — сугубо лечебным.

Почему-то не было разработано никаких конкретных нормативных документов в отношении заветной больницы. Не составлено «Положение о РКДЦ». Не определен и не установлен контингент потенциальных клиентов. Действовал старый приказ 1990 года, по которому прикрепленными к Центру считались Ленинский, Солнцевский и Гагаринский районы столицы. Однако никаких договоров и соглашений между этими районами и бывшей «четверкой» заключено не было.

Странно? Да ничуть. Зачем конкретизировать возможный круг клиентов, к чему загонять лечебную работу в узкие нормативные рамки — неразбериха и путаница

позволяли Центру и заинтересованным в нем лицам свободно, «творчески» трактовать понятие «новые условия хозяйствования»...

А хозяином в доме был и остается генеральный директор Сергей Ласкин. Правда, в начале нынешнего года, после ревизии, проведенной Минздравом, его освободили от занимаемой должности в связи с недостатком в кассе. Но — ненадолго...

Своя рука — владыка

Двумя министерскими проверками подряд установлены грубейшие нарушения финансовой и штатной дисциплины в этом заведении, которое проще и удобнее называть вотчиной С.Ласкина.

Суть в том, что Минздрав России разрешил Центру заниматься коммерческой деятельностью. Использовать для этого какую-то часть кочного фонда, а заработанные деньги пустить на развитие Центра. Закупать медикаменты, обновлять оборудование. Словом — делать бизнес, чтобы жить безбедно и успешно лечить людей (каких — вопрос отдельный) в трудный период острой бюджетной недостаточности...

С июля прошлого года г-н Ласкин начал коммерцию.

Стартовой площадкой для этого было спецотделение больницы. Семь коек «люкс», каждая из которых представляет собой однукомнатную палату с просторной комнатой для отдыха. Раньше там, говорят, даже министры не лежали — исключительно члены Политбюро. Уважающее себя государство может, конечно, себе позволить семь коек для правительства, ведь они, эти койки, в некотором роде — лицо страны.

Теперь же, в разгар коммерции, эти койки стали занимать люди с тугими кошельками. Президенты фирм, гендиректора компаний, председатели концернов. Не

только представители столичного бизнеса, но и гости из теплых краев — из Узбекистана, Дагестана и т.д. Кто иной может выложить за день пребывания в «люксе» 130 тысяч рублей? И все бы нормально: бизнес есть бизнес, кто платит, тот, понятное дело, и койки заказывает. Но, оказывается, платили-то далеко не все!

Прейскурант койко-дня директор не утверждал, технико-экономического обоснования в Минздрав не предоставлял, расценок с реальным собственником учреждения — Госкомимуществом — не согласовывал. Плату устанавливал по личному усмотрению — то бишь обратно пропорционально близости отношений с клиентами. Иногда вообще денег не брал — лечил, вероятно, за так, «по дружбе».

К примеру, председателю правления «Элбим-банка» С.Морозову один день «люкса» стоил 60 тысяч, заместителю генерального директора дагестанского Авиатрама Мирзабекову — 30 тысяч, а начальнику ХОЗУ СМ Дагестана Хатамову — 1 тысячу 359 рублей 38 копеек... Президент фирмы «Рохат» из Узбекистана г-н Ниязатов обещал оплатить свое лечение в Центре Ласкина по бартеру — поставить диагностические препараты. Ни бартерных препаратов, ни денег от него никто в Центре так и не увидел. Несколько президентов и вице-президентов разных фирм по распоряжению г-на Ласкина и его заместителя г-на Беликова полежали в «люксах» задаром. Это только по документам, а на самом деле сколько «бесплатных клиентов» было — кто знает? В итоге Центр недополучил несколько десятков миллионов рублей за оказанные по высшему классу услуги. Претензий, однако, никто не предъявлял, значит, все ведущие и рядовые участники «коммерции» остались довольны, каждый — при своем интересе...

В другие отделения, которые попроще, тоже время от времени людей госпитализировали за деньги. Однокомнатная палата общего профиля «уходила» по 12 тысяч за день. Правда, никаких документов по поводу коммерциализации той или иной палаты не оформлялось. А потому бюджетное финансирование всех, даже самокупаемых и прибыльных коек продолжалось.

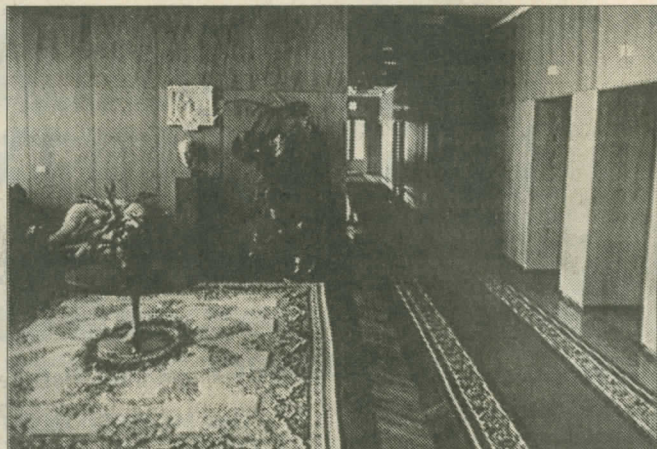
А еще в прекрасном здании на Мичуринском лечат иностранных граждан. За деньги, конечно. Деньги российских налогоплательщиков.

Акционерное общество «Афинский медицинский центр» заключило договор с РКДЦ о предоставлении помещения, оборудованного необходимой мебелью, телефонной и телефаксовой связью, а расходы на содержание помещения финансируются все из того же неисчерпаемого госбюджета.

«Импортные» больные, само собой, тоже платят — валютой. АО «Афинский медицинский центр» — посредник, который поставляет на Мичуринский «долларовых» пациентов. Но по какому адресу утекают порой эти полученные от исцеленных иностранных граждан доллары — покрыто тайной. Документы минздравской ревизии скупко констатируют факты: «Так, за 1992 год не включены в акты выполненных работ ни со стороны РКДЦ, ни со стороны АО «АМЦ» 26 пациентов, полу-

Фото В. Кантора

живших лечение на сумму 8195 американских долларов... что является прямым сокрытием полученных доходов... Аналогичная ситуация в 1993 г. Не включены в акты выполненных работ пять пациентов, получивших лечение ориентировочно на сумму 11 742 американских доллара...»

Криминал? Несомненный. Но ведь «прихватизация» валюты шла месяцами, а бунта на корабле не происходило!

Высоко нравственных начальников не бывает. Только — высокооплачиваемые

Минздрав сетует: все деньги, заработанные Центром на коммерции, шли на проедание, на выплату зарплат, премий и надбавок, но вовсе не на совершенствование материально-технической базы уникального учреждения. Надбавки и премии комиссия Минздрава сочла роскошью незаслуженной: ведь вся «их» коммерческая деятельность осуществлялась в основное рабочее время. И вообще «койка у них работает отвратительно». По медицинским стандартам койка в городской больнице оптимально должна работать 340 дней в году. В этом же заведении за год она функционирует 232 дня. «Кто им позволил отдыхать одну треть года? Неужели в Москве не хватает больных?» — возмущаются представители Минздрава. Да, уж чего-чего, а больных у нас — в избытке...

Минздрав уличает РКДЦ еще и в невыполнении постановлений правительства. Распоряжением Совмина России в бывшей привилегированной больнице создан Центр реабилитации пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Но если полтора-два чернобыльца и получили помощь на Мичуринском — уже хорошо, ибо никаких соглашений с органами здравоохранения пострадавших от радиации территорий Центр не заключал и вроде не собирается...

Целый махровый букет нарушений обнаружил комплексная ревизия Минздрава. Среди них: и реализация медикаментов по завышенным ценам, и продажа «налево» гуманитарной помощи из Свято-Данилова монастыря, и махинации со стройматериалами... Вывод сделан логичный: поскольку и госбюджету, и самому Центру нанесен серьезный многомиллионный ущерб, директора Ласкина

следует уволить. А на его место поставить человека порядочного и честного, который не будет мошенничать. И все.

Но лично мое мнение таково: поставь сегодня во главе дела, которое пахнет большими деньгами, хоть святого — все равно начнет воровать. Если, конечно, не положить ему оклад, который потерять страшно... Например, полторы-две тысячи долларов... Но пока это — утопия. Поэтому воровали, воруют и воровать будут. А еще будут создавать в своих вотчинах свои микроцарства, с собственными законами и порядками. Типа тех, что напридумывал, к примеру, «Наблюдательный Совет» при генеральном директоре Российского клинико-диагностического центра.

Охрана здоровья или защита интересов?

Вы когда-нибудь слышали про Наблюдательные Советы в лечебных учреждениях? Бывают экономические советники в аппаратных структурах, в министерствах и т.д. Среди советников гендиректора РКДЦ тоже есть экономисты, юристы, бухгалтеры. Этот-то Наблюдательный Совет и руководит всей финансово-хозяйственной деятельностью Центра. Вся путаница в бухгалтере, все коммерческие хитрости творились общими усилиями «советчиков». Все они — лица заинтересованные. Входит, скажем, в Совет господин Морозов, председатель правления «Элбим-банка» — банка, который незаконно, скрытым образом, арендует помещение в здании на Мичуринском и планирует, судя по всему, стать собственным, «семейным» банком РКДЦ. Г-н Морозов по своему усмотрению планирует дальнейшую жизнь Центра — разработал и предложил Наблюдательному Совету перспективы развития медицинского учреждения...

А Центр, в свою очередь, заключив контракты с членами Наблюдательного Совета, обязуется обеспечить им охрану здоровья и... безопасность. Комиссия Минздрава порылась во всех «святынях» здравоохранения, но так и не встретила подобного прецедента — чтобы лечебно-профилактическое учреждение выполняло функции телохранителя...

Не понимает Минздрав, что организация, подобная такому Наблюдательному

Совету, должна быть крепкой, а потому — и полностью самодостаточной. Судя по всему, этот принцип уже почти реализован: личный банк, считай, имеется, собственная система охраны тоже есть...

«Мы считаем, это криминальная структура, — говорят представители Минздрава, — которая ставит своей целью прибрать к рукам Центр, этот лакомый кусок московской медицины...»

И, зная, она сильна, эта структура, если совсем недавно — 6 июля — директор Сергей Ласкин по суду восстановлен в должности. Думаю, недаром Свердловский районный суд не стал разбираться в тонкостях, копаться в приобщенных комиссияй Минздрава к делу материалах ревизии — суд просто отметил, что в приказе министра здравоохранения была «неудачная формулировка». И все — человек опять в своем месте...

Минздрав пока не сдается. Собирается подавать в Мосгорсуд: «У нас еще не анархия, а Центр — это еще не собственность Ласкина, он его не приватизировал, чтобы заниматься там самоуправством!»

Резюме

Анархия у нас или нет, но министры в нашем государстве меняются чаще, чем перегоревшие лампочки в домах, поэтому на закон и порядок в нашем общем доме рассчитывать не очень-то приходится. Лучше полагаться на себя, на личные связи, на друзей своих друзей. Вот и получают всевозможные «наблюдательные советы». А кто в них не попадает — тому и не лечиться в российских центрах... А это значит, всем нам там не лечиться. Хотя налоги платим регулярно и все одинаково, в том числе и на содержание РКДЦ.

P.S. Приказом министра здравоохранения Российской Федерации от 9 июня 1993 г. РКДЦ реорганизован в Российскую клиническую больницу № 1, в которой не предусмотрено должности генерального директора, а будет только главврач. Больница № 1 будет входить в состав Республиканского лечебно-диагностического объединения. На практике это должно означать большую подконтрольность этого уникального учреждения. Должно...

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция еженедельного журнала
«СТОЛИЦА»
 продолжает подписку с рассылкой за границу

Вы можете подписаться на журнал,
 обратившись непосредственно в редакцию по адресу:
 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.

Телефоны: (095) 928-23-49, 928-27-69.
 Телефакс (095) 921-29-85.

Стоимость подписки за 1 номер:

Европа: \$ 2,68 (обычной почтой), \$ 2,98 (авиапочтой);
 США, Канада, Израиль, Япония: \$ 2,98 (авиапочтой).

Редакция гарантирует рассылку журналов из Москвы в день выхода.

NAME _____

ADDRESS _____

TOWN/CITY _____

POSTCODE _____ COUNTRY _____

13 weeks 26 weeks 52 weeks

Please find enclosed my cheque in favour of STOLITSA WEEKLY

I will pay to account 1137 CED of NGSbank, Moscow, Russia with **Banca Agricola Mantovana, Mantova, Italy** — favour «Stolitsa weekly».

I will pay to account 49233002 of NGSbank, Moscow, Russia with **Moscow Narodny Bank Ltd., London, England** — favour «Stolitsa weekly».

SIGNATURE _____

Пожалуйста, пошлите этот купон и денежный чек (или копию платежных документов)
 по нашему адресу: 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22. «Столица».

БАНК «МЕНАТЕП»

в связи с расширением сферы деятельности и оказанием дополнительных услуг клиентам в г. Москве объявляет конкурс на замещение

ВАКАНТНЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ

Имеющиеся вакансии	Условия, необходимые для участия в конкурсе
ВАЛЮТНЫХ ИНСПЕКТОРОВ- КАССИРОВ	Высшее образование, практический опыт работы с наличной валютой, знание английского языка, умение пользоваться компьютером.
БУХГАЛТЕРОВ- ОПЕРАЦИОНИСТОВ	Высшее образование, знание основных бухгалтерских операций, английского языка, умение пользоваться компьютером, коммуникабельность.
НАЧАЛЬНИКОВ ОПЕРАЦИОННЫХ ЗАЛОВ	Высшее финансовое (экономическое) образование, опыт работы в финансовых учреждениях, знание банковской специфики.

Приглашаем к участию в конкурсе кандидатов в возрасте до 35 лет.

БАНК ГАРАНТИРУЕТ ВЫСОКИЕ ОКЛАДЫ И ПРЕМИИ

Для участия в конкурсе необходимо представить:

- фотографию,
- ксерокопию трудовой книжки и документов, подтверждающих Ваше образование,
- резюме (не более 1 страницы), в котором необходимо отразить основные этапы биографии, опыт работы, Ваше видение себя в предполагаемой должности.

Справки по телефону: 235-35-66. Отдел кадров.

Ждем Вас по адресу: Москва, ул.Щипок, д.20, комн.203 с 10.00 до 13.00 и с 14.00 до 17.00 часов.

«ЭКСИМЕР-ИНВЕСТ»:

РЕЗУЛЬТАТ — ПРЕВОСХОДИТ ОЖИДАНИЯ!

Чековый инвестиционный фонд «Эксимер-Инвест» первым среди аналогичных фондов выплатил дивиденды своим акционерам. За каждый ваучер — двенадцать тысяч рублей! Этот шаг получил неоднозначную общественную оценку. Рекламный ход — говорили одни, «торгонули» ваучерами — вторили другие... И только акционеры «Эксимер-Инвест» ничего не говорили, они — получали дивиденды. Сегодня на вопросы нашего корреспондента отвечает Управляющий фондом «Эксимер-Инвест» Константин Юрьевич КОРЕНЕВСКИЙ.

— Сейчас очень много инвестиционных фондов. Какие отличительные особенности вашего фонда?

— Одними из первых мы получили государственную лицензию на право совершения операций с ценными бумагами, накануне Нового года — 30 декабря. Начальный уставной капитал составил 25 миллионов рублей. Проспект эмиссии зарегистрирован на сумму в 250 миллионов, то есть на рынок выпущено было 250 тысяч обыкновенных акций фонда номиналом 1000 рублей каждая. Если теперь внимательно посмотреть на эти цифры и произвести несложное арифметическое действие, то в результате мы получим, что сумма, на которую были выпущены акции, превышает уставной капитал лишь в десять раз. Это говорит о том, что акции нашего фонда, выпущенные на рынок, в большей степени обеспечены финансами. Без ложной скромности можно сказать, что это лучший показатель среди российских фондов, в которых иногда данное соотношение доходит до ста и больше. Что наводит на определенные размышления о степени ответст-

венности этих фондов перед своими акционерами. Думаю, не совсем этично выбрасывать на рынок ценные бумаги, не обеспеченные уставным капиталом.

Можно сказать и о другой особенности нашего фонда — он изначально был сориентирован на инвестиции в предприятия радиоэлектронной промышленности. И это не случайно, ведь наш учредитель, «Эксимер», — ведущая фирма в производстве компьютерной техники. Специалисты «Эксимер» досконально изучили российский рынок радиоэлектроники. У фонда сложились деловые отношения с НИИ по экономике и информации в радиоэлектронике. Это дало возможность разрабатывать конкретные инвестиционные проекты для ведущих предприятий отрасли, а затем вкладывать туда ваучеры наших акционеров.

— Если это не коммерческая тайна, приведите, пожалуйста, какой-либо пример для наглядности.

— Свой первый инвестиционный проект мы реализовали на базе акционерного общества «Московское конструкторско-технологическое бю-

ро». Изначально оно было в плачевном состоянии. Государственное финансирование свернули, кредиты были исчерпаны, на пороге стояло банкротство. Инвестиции нашего учредителя позволили переоснастить часть производства и организовать выпуск современной компьютерной техники. О ее качестве говорит тот факт, что комплектующие нам поставляют лидеры мирового компьютерного рынка. Результат инвестиций оказался впечатляющим. Что, кстати, и позволило нам принять решение о выплате дивидендов нашим акционерам...

— Это обстоятельство наделало немало шума. Другие фонды ничего не платят, а ваш вдруг объявил по двенадцать тысяч за вложенный ваучер, да и времени прошло совсем немного.

— Еще раз подчеркну: выплата произведена из прибыли, полученной в результате успешной реализации нашего первого инвестиционного проекта. Каждый акционер нашего фонда может быть на сто процентов уверен, ни один ваучер не был фондом продан, в чем нас порой упрекают, все чеки формировались в пакеты и под конкретные проекты вкладывались в акции предприятий. Скажу больше, ни одной копейки наших акционеров не потрачено на организационные расходы, на выплату зарплаты сотрудникам фонда, на широкую рекламную кампанию — это все затраты нашего учредителя, фирмы «Эксимер».

— А почему у вас такие нереспектабельные свидетельства?

— Это также вопрос экономии. И акций как таковых, на бумаге, у нас нет. Мы практикуем безналичную форму акций. Человек сдает нам свой ваучер, и теперь уже как акционер фонда попадает в компьютерный реестр. И совсем не обязательно

иметь на руках бумажные акции или сертификаты. Современная технология позволяет нам все необходимые данные о наших акционерах надежно хранить в электронном депозитарии фонда...

— Выходит, вашу акцию нельзя потерять. А если свидетельство затеряется, что тогда?

— Нашу акцию не только потерять нельзя, ее нельзя также украсть! А при утере свидетельства следует обратиться в фонд, и наши специалисты без труда найдут имя акционера в банке данных и подтвердят его полномочия и право на часть прибыли фонда. Также необходимо будет обратиться в фонд, если наш акционер задумает продать свою акцию. Договор купли-продажи является для нас основанием, удостоверяющим права нового владельца акции, сведения о котором мы тут же заносим в электронный депозитарий.

— А почему ваши инвестиции ограничиваются лишь радиоэлектронной промышленностью?

— Сейчас мы приступили к дополнительному выпуску акций фонда на сумму два миллиарда рублей. Отработав первые пробные инвестиционные проекты, фонд выходит на следующий уровень своего развития. Отличительная черта которого — расширение инвестиционной политики. Помимо радиоэлектроники, наши интересы также привлекает теперь топливно-энергетический комплекс, предприятия металлургической, машиностроения, сталеплавильной, добычей отраслей. Уже подготовлены соответствующие инвестиционные проекты, реализация которых, по оценкам наших экспертов, даст хорошую прибыль.

— Как у вас складываются отношения с предприятиями, для которых вы разрабатываете инвестиционные

проекты? Всегда ли их администрация принимает вас с распростертыми объятиями?

— В каждом случае — по-разному. Иногда директора предприятий сами предлагают свои проекты под инвестиции фонда. Но чаще мы проявляем инициативу, изучаем конкретное предприятие и рекомендуем рациональный вариант. А затем аргументируем свою позицию перед администрацией. Такое сотрудничество выгодно обоим партнерам. Вкладывая средства, фонд помогает модернизировать производство, увеличить прибыль, а значит, поднять стоимость акций данного предприятия. Но, владея их частью, фонд тем самым может повышать курсовую стоимость собственных акций, делая своих акционеров богаче. И что важно добавить — все наши проекты имеют финансовую поддержку.

— Кто разрабатывает инвестиционные проекты и откуда такая уверенность в их успешной реализации?

— Разработкой занимаются специалисты по маркетингу фирмы «Эксимер» и менеджеры фонда «Эксимер-Инвест». Это выпускники элитарных вузов страны. Средний их возраст до тридцати лет, однако многие имеют ученые степени, достаточный практический опыт, прошли зарубежную стажировку. У нас нет случайных людей, все они досконально знают свое дело.

— Вероятно, люди, доверившие свои ваучеры «Эксимер-Инвест», могут быть уверены — управление фондом в надежных руках. Кстати, как можно стать вашим акционером? Только по почте, отправив заказное письмо, так по крайней мере сообщает диктор по телевидению, или есть какой-то другой вариант?

— Почему же только по почте? Хотя письмом

наиболее удобно для жителей глубинки. Кроме того, в тридцати городах России работают наши представители по распространению акций фонда. Эта сеть постоянно расширяется. В Москве также появились новые приемные пункты ваучеров. Впрочем, наши акции можно купить и за рубли, отправив деньги почтовым переводом. Одна акция по номиналу сейчас стоит десять тысяч.

— Давайте, в завершение беседы, вернемся к самому интересному для акционеров фонда «Эксимер-Инвест» вопросу: выплате дивидендов. Вот получили они по двенадцать тысяч и, наконец, ждут, что дальше будет больше. А вдруг станет меньше или совсем не будет?

— Вообще-то законом запрещено фондам заранее распространяться о суммах предстоящих дивидендов или обещать твердые выплаты, а также гарантировать повышение рыночного курса стоимости акций. Мы этого принципа придерживаемся строго. Ведь прогнози-

вать здесь достаточно сложно, так что мы не хотим вводить людей в заблуждение. Обещать высокий процент — значит заниматься рекламой. Наш девиз: результат — превосходит ожидания! Кто его разгадал — тот оказался в выигрыше. Что же касается выплаченных дивидендов, то мы склонны считать их — промежуточными. Вот закончится год, и в первом квартале следующего мы соберем наших акционеров. Управляющий фондом отчитается о результатах работы, о полученной прибыли. И собрание решит, какой процент разумнее инвестировать в новые проекты, а какой — выплатить в качестве дивидендов. Но чтобы не делать себе рекламу и не нарушать законодательство, мы не станем предвосхищать размер денежных выплат. Отмечу лишь, что на первом месте у нас стоят интересы акционеров. «Эксимер-Инвест» не намерен обманывать их ожидания!

Валерий РАЗУБАЕВ

«ЭКСИМЕР-ИНВЕСТ»

Тел. (095) 310-11-01, 310-20-01 — 5 линий;
318-50-35, 156-93-34, 156-94-90

Наши филиалы в Москве:

— ул. Клары Цеткин, д. 2/3 (м. «Войковская»);

— Варшавское шоссе, д. 116 (м. «Варшавская»);

— Ленинский проспект, д. 76 (м. «Университет»);

— ул. Б.Ордынка, д. 48/2, Фирма «Агротон»

(м. «Третьяковская», м. «Полянка»);

Тел.: (095) 231-16-62; (095) 231-65-83

— 1-я Новокузьминская ул., д. 10, фирма «Агротон»

Тел.: (095) 371-79-77 (м. «Рязанский проспект»);

— ул. Русаковская, д. 28, кв. 197, фирма

«Кондор» (м. «Сокольники»);

Тел.: (095) 268-11-09; (095) 268-31-80;

— ул. Б.Декабрьская, д. 8, фирма «Финатекс»

(м. «Улица 1905 г.»).

УБОГОЙ ФРАНЦУЗ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Что мне особенно нравится в вузовских вступительных сочинениях, так это местоимение «я». К примеру, очень хороша тема «Мое восприятие Блока» или «Мой любимый публицист». Старательный претендент в студенты так и вызубрит: «мне кажется», «на мой взгляд», «думается». Не подозревая о том, что Марина Цветаева ухитрилась написать целую книгу «Мой Пушкин», не проконсультировавшись даже со сборником «В помощь абитуриенту».

...Вузовские вступительные экзамены остались позади, там им и место. Но многим потенциальным студентам они еще предстоят. Этим несчастным автор искренне рекомендует прочесть ниже следующие заметки особенно внимательно.

Естественно, каждый родитель считает, что идеальная форма «натаскивания» своего чада для сдачи выпускных школьных и вступительных институтских экзаменов — индивидуальное обучение, попросту — репетиторство. Но многим такая роскошь не

по карману. И тогда приходится переходить на «самостоятельную работу», привлекать в несметных количествах «пособия для поступающих в вузы». Не могу говорить о математике, физике, химии. Но о том, что мне более-менее близко, молчать не могу.

С тех пор как государственное книгоиздание полетело в тартарары, а вместе с ним ушло на покой некогда могущественное издательство «Просвещение», благое (но сложное, сложное!) дело воспитания абитуриентов взвалили на свои хрупкие плечи многочисленные «рогатокопытные» конторы.

«Столкновение «века нынешнего» и «века минувшего» в комедии «Горе от ума» описывается в сборнике ассоциации преподавателей московских вузов «Марк» в следующих, с позволения сказать, выражениях: «Конфликт этот не придуман автором, за ним стоит та общественная борьба, когда...», «Комедия Грибоедова стоит на особом месте в истории русской литературы» (вместо гончаровского — «особняком»), «Чацкий — первый герой русской

литературы, в образе которого Грибоедов показал человека нового типа». Меня бы редактор за такое творчество высек нещадно. Здесь же это предлагается принять за образец. Причем брошюра называется «А вы бы так смогли?». Так бы — смогли, не сумлевайтесь.

Досталось классике и от составителей книжечки «Последний шанс». О речи Молчалина здесь сказано, что она «жеманная» (неужто и он — того?). Скалозуб назван «армейским полковником» (бывают другие?), свояченица Хлестова — «бывалой матерью-командиршей».

Пушкину тоже не повезло с толкователями. Авторы брошюры «Написать сочинение? Это очень просто», выдержанной в весьма немудреном стиле (то есть слепанной в форме элементарных «шпаргалок»), о романе «Евгений Онегин» пишут буквально следующее: «В этом романе, как в энциклопедии, можно узнать все об эпохе»; «Петербург был местом обитания (?) лучших людей России — декабристов, литераторов (???)».

Цитировать можно долго, везде — «стремительный домкрат». Поэтому перейдем к предлагаемым темам сочинений. Настоящим шедевр

ром «проникновенного лиризма» можно признать такую тему, как «Я люблю тебя, жизнь!» (проблема СПИДа в России). Не очень далеко ушли от нее по части гениальности: «Честное слово, больше не взорвется» (о проблемах современных АЭС), «Книга в моей жизни» (В.Распутин. «Живи и помни»), «Человек, которому больше всех надо» (о современном арендаторе-окулисте С.Н.Федорове), «Проблемы наркомании и токсикомании в современной публицистике», «Рынок — путь к экономическому спасению страны». Особо отметим тему «Своей земли минувшие дела» (по историческому роману В.Пикуля), которой предпослан эпиграф: «Главное для меня — патриотическая идея».

«Готовясь к Бородинскому сражению, солдаты одевали (это как? — Э.Д.) чистые рубашки и не пили водку» — это из сочинения «Патриотизм русского народа в Отечественной войне 1812 года». В отличие от солдат составители сборников, кажется, злоупотребляют. В том числе — и нашей необразованностью.

Стыдно, господа! Грешно над убогими смеяться.

Эдуард ДОРОЖКИН

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ

Наш журнал уже не раз общал о смысленных подростках, которые, умело разыграв «киднеппинг», вытаскивали из своих собственных пап и мам довольно крупные суммы. Но это происшествие — ни в какие ворота...

Сотрудница отдела сбыта Магнитогорского металлургического комбината обнаружилла у дверей своей квартиры конверт, а в конверте письмо следующего содержания: «Ваша дочь у нас, если сообщите в милицию или кому-нибудь, она умрет. Всем говорите, что девочка живет у тетки». На обратной стороне листка — печать школы № 9 (там похитченная учится) и приписка: «Не волнуйтесь, время — деньги и жизнь». Позже позвонила сама похитченная дочурка и передала требование похитителей: отрубить четыре вагона белой жести куда укажут.

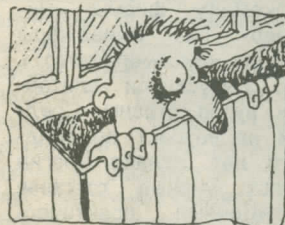
Для раскрытия преступления был создан штаб из сотрудников МБР, УВД и службы безопасности АО «Магнитогорский металлургический комбинат». Установили посты возле телефонов-автоматов, спешно составили списки всех возможных потребителей белой жести...

Однако по прошествии суток на текст спецсообщения легла такая вот резолюция: «Не подтвердилось. Инсценировка самой похитченной. Ее нашли на квартире у тети».

Зачем дочери понадобилась белая жест, пока неизвестно. Но, судя по всему, девочка обладает недюжинной деловой хваткой.

Как сообщили журналистам в УВД области, ей, видимо, придется предстать перед судом — расходы на поиски юной предпринимательницы вылились в весьма кругленькую сумму.

Виктор ЗОЛОТУХИН

ВСЬ ВЕЧЕР НА БАЛКОНЕ...

Житель Нижнекамска гражданин Х., решив покончить с собой, выпрыгнул с балкона собственной квартиры. Пролетев два этажа, он наткнулся на бельевые веревки, протянутые между деревянными брусками. Отброшенный веревками, как батут, самоубийца оказался на чужом балконе. После этого почти циркового номера Х. не предпринимал повторных суицидных попыток: он просто попросил хозяев квартиры открыть ему дверь.

Георгий КУЗНЕЦОВ

«ЧАЙКИ» ПОТЯНУЛИСЬ НА ЮГ

До недавнего времени поезд № 5 Москва—Баку останавливался в Белгороде лишь на две минуты. Теперь же, когда Белгород стал приграничным городом и, соответственно, обзавелся таможней, состав простаивает на станции по несколько часов (иногда чуть ли не пол-суток).

А все оттого, что вполне пассажирский «бакинский» поезд напоминает скорее товарняк — столько всякого добра перевозят в купе ушлые коммерсанты.

Вот результаты только одного таможенного «шмона»: с поезда № 5 сняли 2500 килограммов «Чайка», 42 000 килограммов маргарина, 2000 килограммов сливочного масла, 120 коробок шоколада, 300 ящиков сигарет, 2000 банок тушенки.

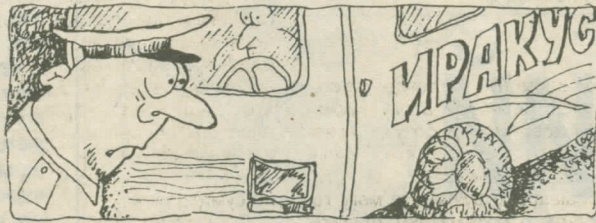
Борис БОГДАНОВ

ОХ, ОХРАНА!

Недавно из Вахитовского районного народного суда города Казани бесследно исчез подсудимый Г. Впрочем, на его поиски не были мобилизованы ни команды омоновцев, ни служебные овчарки. Беглеца быстро «вычислили» и обнаружили на его загородной даче, где он успел плотно пообедать и даже вздремнуть.

...А случилось вот что. Судья, рассматривавший дело Г., объявил перерыв на один час, а сам, оставив арестованного под надзором двух бдительных охранников, уехал по делам в ГАИ, где пробыл около четырех часов. Притомившиеся без обеда конвоиры стали клевать носом. Гражданин Г. тем временем тихонько выскочил из храма Фемиды, ничуть не нарушив сон своих стражей. И уехал на дачу, не подозревая, что за такие шутки могут добавить еще одну статью. Забавно, что табельное оружие у горе-охранников осталось на месте.

Элла РЫЛОВА

РУКА ХУСЕЙНА?

На российско-латышской границе, недалеко от райцентра Пыталово (Псковская область), задержаны три «Икаруса» с гражданами Ирака — всего 152 человека. Направлялись они в Ригу, но в паспортах имели визы на въезд... в Эстонию. Впрочем, и эти визы оказались при ближайшем рассмотрении поддельными (по всей видимости, изготовила их некая московская «фирма»). Был у гостей со Среднего Востока и сопровождающий — москвич. Но он исчез незадолго до того, как милицейский патруль наткнулся на автобусы. Уезжая, «проводник» обещал, что из Риги за иракцами придут другие автобусы — и переправят «туристов» на латышскую территорию.

Предполагается, что Россия и Латвия — лишь «промежуточные станции» для иракцев, намеревавшихся провезти себя контрабандой на Запад.

Появление беженцев из Азии можно было ожидать: незадолго до инцидента с автобусами в приграничных районах области были замечены «разведчики» с иракскими паспортами. Не иначе, изучали подходы к границе.

Анатолий ТИХАНОВ

КРАСНАЯ ШИЗА

Алтайские демократы едва не получили козырную карту в борьбе с оппозицией: руко-

водитель одной из молодежных марксистских организаций во всеуслышание заявил, что его московское руководство приказало организовать в Барнауле массовые беспорядки путем агитации у заводских проходных, пикетирования городской и краевой администрации. В последней было решено даже побить окна. Однако, по словам молодого лидера, приказ выполнить он отказался, за что и был лишен председательского места.

Что и говорить, сенсация, особенно если указать фамилии «московского руководства». Однако при проверке информации выяснилось, что молодой политик имеет справку из психдиспансера о своей... непостоянной адекватности. Оказывается, еще во времена существования СССР, работая в райкоме ВЛКСМ, лидер ворвал мелочь по карманам комсомольских пальто в гардеробе.

Сенсация оказалась дутой. Но молодые коммунисты лучше выглядят не стали.

Сергей ТЕПЛЯКОВ

Рис. О.Разиной

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Свеча всегда ярче вспыхивает перед тем, как потухнуть...

Летом девяносто первого мы ехали на родину жены поездом. На остановках набирали у хохлушек теплое пиво, фруктов-ягод и молодой картошки с малосольными огурцами.

Электричка «Сочи—Сухуми» доставила нас прямо к порогу, на станцию Гагра-Павильон, известную в домашнем обиходе как «мышинный вокзальчик». Мне почему-то представлялось, что именно ее художник в старом Уголке Дурова воспроизвел в декорациях игрушечной железной дороги, по которой катались дрессированные мышки. Впрочем, через три с лишним десятка лет немудрено и перепутать... Пахли разогретые на солнце эвкалипты. Даже торчащий над морем бетонный истукан — «воин-освободитель» в обра-

Михаил ГЛОБАЧЕВ

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ

зе приплюснутого качка с бандитским обрезом в руках — в тот миг не казался уродливым.

Никогда прежде мы не ставили такого раблезианского изобилия, как в то последнее лето империи. Дочка прочно обосновалась на высокой мушмале в углу двора, отказываясь слезать с дерева до последней грозди ягод. Я приносил баснословно дешевую поросятину из коопторга и коньяк, давно пропавший в Москве. Словно в бунгало Хемингуэя, по веранде толпами бродили кош-

ки, высматривая, чего бы еще стянуть от хозяйских щедрот (все они ближайшей зимой умрут от голода; выживет только наш пес Чарли).

Но вот наш сапожник в будке на Руставели, пожилой армянин дядя Миша, сильно сдал и почти уже не просыхал. Он заплетающимся языком поддерживал идею союзного договора и ругал Гамсахурдиа.

В один из вечеров мы с женой спустились на пляж. (Вот так же школьницей она бегала купаться по ночам с подружкой Таткой, за которой

ухаживал застенчивый юный сосед — ныне один из «ястребов» Шеварднадзе, начальник его «Совета обороны Абхазии».) Уже одевшись, увидели, что в море тонет светлячок, — и со смехом полезли снова в волну спасать глупую козявку. Пора было возвращаться...

Горько — и неизбежно. Наверное, в какой-то мере мы все — и автор этих строк, и Гамсахурдиа, и озадаченные избиратели — послужили орудием. Вроде той самой свечи в чужих равнодушных руках. Допускаю, что ее просто задули — быстро и грубо, как только нашарили в потемках нужную вещь.

Но есть ведь и другой оптический феномен: тьма случается перед рассветом. Даже если ночь была полярной, на долгие месяцы.

Сергей ИВАНОВ, Кирилл РЫБАК

ВЕЛИКИЙ ТРИКОТАЖНЫЙ ПУТЬ

Пособие для начинающего челночника*

Итак, вы, что называется, «дошли». Вам надоело кушать свой горький мэнэсовский хлеб и считать копейки (пардон, сотни) до полочки. Дите просит кроссовки, жена — зимнее пальто, теща пилит, друзья сочувственно цокают языками. Решайтесь! В конце концов, тараканьи бега с баулами и тюками — не самый грязный способ зарабатывания денег. И чем, по большому счету, специальность челночника хуже вашей, подтвержденной красным дипломом?

Ах, престиж... А ходить четвертый год подряд в одних и тех же ботинках — престижно? Вот то-то. Чистые руки и горячие сердца оставьте чекистам. Вам нужна лишь холодная голова. И еще — лошадиное здоровье.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТУДА—СЮДА—ОБРАТНО

§ 1. Прежде всего

Начать, увы, придется все с того же — с поисков денег. Полторы-две сотни долларов предстоит пустить на оплату самого дешевенького тура и на карманные расходы, еще две тысячи «зеленых» — на товар. Соваться в «дальнее зарубежье» с меньшей суммой бессмысленно.

Деньги можно: а) занять; б) заработать на реализации барахла, доставленного в страну другими челноками (о ремесле реализатора мы намереваемся рассказать во второй части пособия). Второй вариант, на ваш взгляд, предпочтительнее: бросаясь в пучину бизнеса, вы идете на определенный риск, а рисковать чужими деньгами — согласитесь — моветон.

Собрав деньги, приступайте к оформлению заграничного паспорта и поискам подходящей «шоп-туристской» фирмы. Оптимальный вариант — такая контора, которая и «краснокожую паспортину» вам выдаст, и визу в нее поставит, и тур организует — с гарантией вывоза ста

*Челночник (челнок) — в новейшей СНГовой действительности — мелкий предприниматель-индивидуал, благополучно одевающий население во все импортное и по ценам ниже запретельных.

пятидесяти килограммов багажа. Стоить это удовольствие будет чуть дороже, зато какая экономия нервных клеток!

Если же вы оформляете документы частным образом, ни в коем случае не покупайте тур прежде, чем паспорт окажется у вас в кармане. В ОВИРе внезапно может что-то застопориться — и поездка ваша прогорит. Туристские фирмы очень не любят возвращать деньги клиентам, поэтому в случае такого пикового расклада (тур есть, паспорта — нету) вам придется в срочном порядке и с порядочной скидкой продавать тур кому-нибудь из знакомых.

§ 2. Чемодан—вокзал — ...

Пока все премудрости челночной науки остаются для вас китайской грамотой, важно не ошибиться в выборе близлежащего или, наоборот, отдаленного государства, которое вы намереваетесь почтить своим визитом.

На всей территории бывшего Советского Союза в настоящий момент представляют хоть какой-то коммерческий интерес лишь Украина да Прибалтика.

УКРАИНА — почти что родина. Минимальные трудности с визами, билетами, языком межнационального общения. Идеальный плацдарм для начинающих. Во-первых, не нужно тратиться на оплату тура. Во-вторых, про заграничный паспорт можно забыть, как про дурной сон. В-третьих, достаточно будет весьма скромной суммы в деревянной валюте — любой легкий челнок с миллионом рублей где-нибудь во Львове ходит ковром, и все тамошние барахолки лежат у его ног.

С Украины везут в Россию дешевенький текстиль, женское белье, бюстгалтеры — эти нехитрые товары можно продать в Москве процентов на восемьдесят дороже. Несколько меньший, но все равно вполне достойный «отбой» дают украинские телевизоры и прочее бытовое электрооборудование (в том числе и «совместное»).

Чем Украина плоха? Непредсказуемостью таможенных служб. Во всяком случае, прежде чем отправиться туда, следует хорошенько изучить подступы к границе.

СТРАНЫ БАЛТИИ отличаются универсализмом — есть где развернуться и «зеленому», и «крутому» челноку. При небольшом оборотном капитале стоит покупать турецкий ширпотреб, завезенный местными «шоп-туристами», — в этом случае благодаря разнице московских и, скажем, рижских цен вы получите процентов десять прибыли. Не Бог весть что, зато риск попасть в лапы «беспредельщиков» минимален — ведь Прибалтика была и остается «без пяти минут» Западом.

Для челноков-тяжеловесов пред-

ставляет интерес балтийский автомобильный рынок. В последнее время Литва, Латвия и особенно Эстония буквально наводнены иномарками, поэтому «Жигули» и «Москвичи» стоят там в два-два с половиной раза дешевле, чем в России.

ПОЛЬША, вопреки молве, практически полностью потеряла значение как житница дешевого товара. Повинны в том прежде всего польские челночники, завалившие страну турецким шмотьем. Ну нечего теперь из Польши вывозить, и все тут! Больше трехсот долларов с одной «ездки» при всем желании и максимальном везении поиметь не удастся. Причем не забывайте, что товар придется еще как-то перетаскивать через территорию независимой Беларуси либо Украины.

ТУРЦИЯ — недорогая суматошная страна, неиссякаемый источник ширпотреба, настоящая мекка не только для СНГовых, но и для всех восточноевропейских челночков. Прорва мелких производителей, масса торговцев-оптовиков — и все рады спихнуть товар «за половину даром».

На российских «вещевых рынках» Турция славится во-первых, текстилем-трикотажем, во-вторых, «джинсой» («фирменной», но, естественно, поддельной), в-третьих, кожаными куртками на любой вкус — от «плебейских» до «элитных». А вот ангорскую шерсть и изделия из нее в Турции покупать не стоит — дрянь шерсть, в России котируется очень низко.

Главное достоинство турецких вояжей — их доступность и дешевизна. Прибыль же от каждой ездки — 40—50%.

КИТАЙ. Далекий, непредсказуемый, загадочный. Зато о-очень прибыльный: стандартный «отбой» с каждого тура — 70—80%.

Самый ходовой товар — ангорские кофты (до 100% прибыли). Чуть хуже «идут» гобелены, пуховые куртки, трикотаж, всякая аудиомелочевка и детские компьютерные игры. Но помните: вещи китайского производства страшно некачественные (всем памятна пуховики, начиненные червями). Можно очень серьезно обжечься при реализации. А впрочем, опыт показывает, что российский рынок готов поглотить и переварить практически любой товар — на самую чудовищную дрянь найдется чудовищно дремучий потребитель.

Другая опасность, поджидающая путешественника, отправляющегося за Великую стену, — бандитизм. Даже тертые, многоопытные челночники с содроганием вспоминают харбинские трущобы и физиономии китайских «беспредельщиков». Зарезать могут за кофточку, не говоря уж про десятидолларовую бумажку.

ИНДИИ, по всем прогнозам, суждено

Рис. А. Зайца

большое челночное будущее. А пока что наши «шоп-туристы» еще не слишком там примелькались.

Сравнительно дешевые туры, ходовой товар среднего качества, сулящий прибыль несколько выше «турецкой» и несколько ниже «китайской». Из Индии стоит везти прежде всего ткани (шелк в особенности), кожаную галантерею и, как ни странно, кроличьи шубы.

Оговоримся еще раз — индийский рынок практически не изучен, поэтому при определенном везении там можно нажить золотые горы, при невезении же — потерять все.

ГОНКОНГ, ТАЙВАНЬ, ТАИЛАНД ходят уже в другой весовой категории. Это страны для поднаторевшего «раскрученного» предпринимателя. Поездка в Юго-Восточную Азию обойдется вам примерно в пятьсот долларов, так что не стоит отправляться туда прежде, чем вы сколотите хороший капиталец.

Товар: текстиль и трикотаж высочайшего качества, лицензионные «Ливайс» и «Райфл» (сварены, в отличие от турецких подделок, не в хлорке), ну и, конечно, электроника — от простейших плееров до громадных телевизоров (можно брать «Сони» или «Панасоник» местной сборки, можно безмянное полукустарное изделие — все окупится). Стандартный «отбой» — 60%.

АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ. Просто сказка, пальчики оближешь. Но — «только для белых»: меньше пяти тысяч долларов зараз туда везти не следует, не стоит также надеяться на стремительный «китайский» оборот вывезенного из Эмиратов товара.

Туда отправляются самые богатые, самые опытные челночки, имеющие в России постоянного покупателя-оптовика, довольствующиеся тридцати-тридцатипятипроцентной прибылью при гро-

манных оборотных средствах. И привозят: настоящие английские костюмы, настоящие американские и французские платья, настоящую японскую электронику хай-класса (японской же сборки, естественно). Все это великолепиие стоит в Эмиратах поразительно дешево — богатое государство расплачивается за заморские товары несчитанными нефтедолларами и всячески поощряет торговлю.

На Аравийский полуостров надо стремиться как к мечте. Аравийский тур — это, так сказать, высший пилотаж, диплом доктора челночных наук, гарантия всяческого уважения со стороны собратьев по прилавку.

§ 3. Товар—навар

Голубая мечта любого челночника — доставить в пределы отечества что-нибудь свеженькое, что-нибудь «эдакое», что впоследствии заполнит рынок и будет пользоваться ураганным успехом. Имена тех пионеров, что привезли в Москву самую-самую первую партию китайских пуховых курток или разноцветных рейтуз-лосин, нам неизвестны, однако несомненно, что они сказочно обогатились и теперь вершат свой бизнес в светлых кондиционированных офисах.

Только, пожалуйста, не надейтесь, что вам удастся с первой же «ходки» попасть в яблочко и учинить на родных барахолках фурор. Попытайтесь рискнуть — скорее всего, прогорите. Так что не считайте себя самым умным, не изобретайте велосипед. Покупайте в «стране пребывания» то же самое, что покупают ваши попутчики. При этом особенно важно набрать как можно более широкий ассортимент товара. Почему? Объясняем. Отечественные «вещевые рынки» отличаются полнейшей непредс-

казуемостью. Поэтому какое-нибудь вполне ходовое наименование может внезапно и беспричинно «зависнуть» и «провисеть» в ожидании покупателя недели три, а то и больше. Челнок-легковес, вложивший всю свою наличность в «висячий» товар, достоин сострадания. Ну а если ваш тюк набит и кофточками, и юбочками, и кепочками-платочками различных расцветок и размеров, никакие товарные потрясения не страшны: распродадите все в кратчайшие сроки и укатите за новой партией.

Начинающему «шоп-туристу» следует покупать как можно более легкий, как можно более мелкий и дешевый ширпотреб. Трикотаж, детские футболки, носки, очки, мужские трусы (извините за натурализм) — на такую дребедню вы скорее найдете и розничного, и оптового покупателя — во-первых. А во-вторых, чем дешевле товар, тем большую «торговую надбавку» на него стерпит потенциальный клиент. Позже, когда подзаработаете денюжку и наладите необходимые контакты, можно будет переключаться и на кожу, и на электронику. А на первых порах — ни-ни.

Рекомендуем брать товар каждый раз в одном и том же месте, у одного и того же торговца. Вас запомнят в лицо, не беспокойтесь — и с третьей примерно «ездки» вы с полным основанием попросите (и получите) существенную скидку. А когда познакомитесь с хозяином магазина еще ближе, можно будет вообще избавиться от необходимости таскать баулы на собственном горбу. Чуть-чуть доплатите — и улетите домой налегке. А торговец в тот же день отправит все ваши покупки «каргой» (cargo, англ. — груз). Вышлет телеграмму, факс со всей документальной «фактурой». Вам же останется лишь забрать «каргу» из аэропорта.

§ 4. Чего бояться?

Бояться нужно прежде всего незнания местных законов и обычаев, а также своей собственной глупости.

Самый верный способ избежать неприятностей — во всем слушаться старшего группы: он доставит вас в магазин к проверенному, имеющему постоянный контакт с «русскими», торговцу, посоветует, какой брать товар. Не пытайтесь искать оптовика на свой страх и риск! Сплошь и рядом челноков-одиночек «кидают» самым подлым образом. Не успеет «шоп-турист» расплатиться с хозяином магазина, как появляются два амбала с клюшками для гольфа и, слова худого не говоря, выкидывают бедного гостя на улицу. Причем полиция в подобные конфликты предпочитает не вмешиваться.

Не следует также пытаться продать что-либо в незнакомой стране.

Например, один известный нам (и подававший большие надежды) челнок решил дополнительно «наварить» на встречной перевозке. Часть денег ввез в Турцию в виде сигарет «Мальборо». Принялся бойко торговать, но тут же был схвачен блюстителями порядка, осужден и теперь мотает срок в тюрьме (а турецкая тюрьма, надо вам сказать, намного менее комфортна, чем российская «зона»).

Бояться нужно краж, мошенничества, элементарного бандитизма. Поэтому рекомендуем вам еще дома подобрать себе надежного напарника: пока один из вас будет таскаться по магазинам, другой постережет вещи и деньги в номере отеля. Но будь вас хоть пятеро, ни в коем случае не выходите на улицу поздно вечером. И еще: не ввязывайтесь ни в какие потасовки, не пререкайтесь с полицейскими — в чужой стране вы всегда окажетесь виноватым.

Отдельно — о железнодорожном транспорте. Конечно, купив на пару с кузеном целое купе, вы сможете доверху забить его всякими полезными вещами. Но. Не забывайте, сколь уязвим железнодорожный пассажир по сравнению с авиационным! Вас непременно будут «бомбить» — и в родном краю, и особенно за его пределами. Скажем, «турецкие» поезда следуют через территорию Румынии и Болгарии, а в этих странах очень сильна мафия (в том числе и чеченская). Поэтому на каждой крупной станции придется расставаться с не слишком крупной, но все равно весомой суммой. Встречи же с румынскими и болгарскими таможенниками и того менее приятны. Сии государственные служащие прекрасно знают, что такое русский челночник и с каким гарниром его можно скушать. Поэтому придираются они к каждой мелочи, за любую ерунду норовят снять с поезда и вообще всячески портят «нашим» кровь. Ну а чтобы решиться на железнодорожный «шоп-тур» в Китай, надо быть либо сумасшедшим, либо отставным спецназовцем.

Так что — от греха подальше, «летайте» самолетами «Аэрофлота». Причем, если летите из Москвы, желательно подобрать тур, начальным и конечным пунктом которого будет аэропорт «Шереметьево». Если же ваш рейс прибывает во «Внуково» или в «Домодедово», будьте готовы оплатить еще и «безопасный выезд за пределы аэропорта».

§ 5. Маленькие хитрости

Не стыдитесь давать «в лапу» (естественно, в том случае, когда нужно давать). Предположим, вы пытаетесь вывезти из Турции двести пятьдесят килограммов товара вместо положенных ста пятидесяти. Предположим, вы настолько честны, что считаете взятку га-

достью. Что же, в этом случае вам придется за каждый «сверхнормативный» килограмм отдать родной авиакомпании два доллара (всего выходит двести «зеленых»). А какой-нибудь улыбчивый и глубоко иностранный служащий аэропорта спишет все излишки долларов за двадцать—тридцать. Перевес, впрочем, можно утаить и иначе — переписав его на «пустого» попутчика (знакового, исключительно знакомого!), но это, как правило, обходится несколько дороже.

Помните об отечественных людоедских таможенных инструкциях! Это в Эмиратах или в Гонконге таможенники будут умолять вас подарить им копии магазинных чеков (чем больше товара покидает страну, тем выше их зарплата). У нас — иное. В пределы России НЕЛЬЗЯ ввозить товара больше чем на 4999 долларов зараз. Если 5000 «баксов» — все, суши весла — спят чудовищную тридцатипроцентную пошлину. Так что не забудьте обзавестись в «стране пребывания» липовой «фактурой» на ваш товар. Торговец никогда не откажется оказать маленькую услугу: составить перечень купленных вами товаров, в котором будут фигурировать смехотворные цены, и заверить бумагу солидной печатью. Торговцу-то что, он озабочен пополнением не российской казны, но собственной мощны. А вот вам — и приятно, и выгодно.

Всем прочим маленьким и большим хитростям бизнеса придется обучаться в процессе, так сказать, повседневной практики.

А вообще-то, не так страшен черт, как его малюют. Если слушаться бывалых челноков, читать всякие умные пособия да еще головой немножко думать, успех вам гарантирован. И уедете, и «затаритесь», и вернетесь домой с товаром, не подцепив по дороге ни желтой лихорадки, ни стригущего лишая, обойдя таможенные рогатки, миновав бандитские «малины». С чувством глубокого удовлетворения свалите баулы на тощенький палас в своей мэнэзэсовской квартире, цыкнете на тещу...

...И задумаетесь: что дальше-то с товаром делать?

А вот об этом мы расскажем в следующем выпуске журнала.

ГДЕ МОЙ ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ?

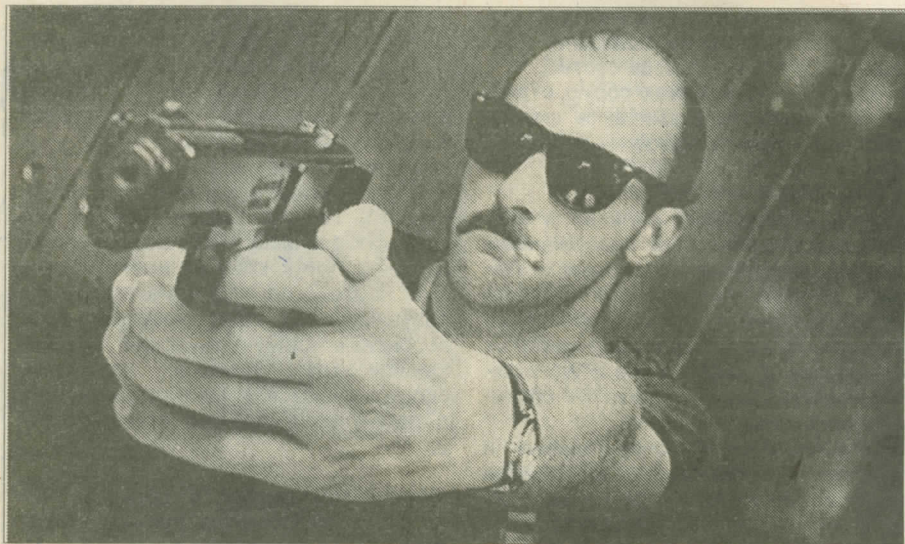

Фото Э. Кудрявицкого

Мелкокалиберный случай из частной жизни

Что верно, то верно: войти в историю трудно, влипнуть — гораздо легче. Вот и я недавно влип. Ситуация — ну просто анекдот...

Отправился я с любимой девушкой в парк Горького воздухом подышать. Гуляем мы среди клумб, шоколадку «Сникерс» кушаем, культурно отдыхаем. А народу вокруг по причине выходного дня — прорва. В общем, на пять минут теряю я свою спутницу из виду.

И тут начинается самый натуральный голливудский боевик про двух влюбленных, вступивших в войну с мафией. В нашем случае роль «мафии» досталась нескольким подвыпившим типам с малоинтеллигентными фейсами. Совершенно обалдев, наблюдаю я такую картину: девушка моя бьется, как муха-цокотуха в паутине, в объятиях несимпатичного верзилы. А тот, в свою очередь, злодейски ухмыляется и тащит свою добычу к автомобилю. И все это, представьте, среди бела дня, на глазах у честного народа, изрядно разбавленного блюстителями порядка.

Сам-то я не Шварценеггер, конечно, да и характер имею вполне миролюбивый. Но воленс-неволенс роль комара-спасителя надо как-то исполнять.

Подхожу к баламуту и вежливо предлагаю ему вернуть мне предмет моей страсти. Но тут же ощущаю на своей спине железную хватку жлобских рук, слышу треск разрываемой материи (а курточка, между прочим, почти новая!), краем глаза вижу, что еще двое громил спешат дружку на помощь. В общем, не удалось дипломатические переговоры, того и гляди по капоту машины размажут бедного комара. Приходится обороняться.

Еще пара секунд решают исход схватки: поверженный тяжеловес — в «позе орла» под собственной машиной, друганы — с открытыми ртами, девушка — невредима, хоть и испуганна, сам я, на негнущихся ногах, в кольце из красных околешков, а в руке моей — остывающий... нет, «пушка» появится позже — остывающий, совершенно опустошенный прямо в поганые глазки бандита газовый баллончик. И если вы думаете, что на этом заканчивается детектив и начинается сплошной хеппи-энд, то вы решительно заблуждаетесь. В «крутых» детективах герой никогда не отделяется так легко.

Милиционеры, появившиеся под занавес первого акта, почему-то хватают не воинственную триоцу с транспортным средством (как это, интересно, машина на терри-

торию парка въехала?), а меня с девушкой. Ведут они себя, впрочем, достаточно корректно, вот только какой-то капитан все норовит меня, совершенно не сопротивляющегося, огреть дубинкой по рукам (что поделать — в семье не без урода).

Оглядываясь по сторонам, с удовлетворением отмечаю великое скопление зрителей. Только лица у них у всех невеселые, скучающие лица: эка невидаль, драчуна с газовым баллончиком задержали! Вот ежели бы кавказца какого с ручным пулеметом... Вообще-то я по папе армянин, натуру имею широкую, отчего бы не развлечь трудящихся (тем более что тайное рано или поздно станет явным)? «Товарищ капитан! Мне в машину как — вместе с пистолетом или вам отдать?» — «???» Распахиваю куртку. «Ну ни фиги себе...» — дошло-таки. «Не вынимай, не вынимай, говорю! Сдавай вместе с кобурой!»

Вот он, звездный час скромного комарика! Победно оглядываясь по сторонам, снимаю слегка попорченную куртку и преображаюсь в матерого мафиозного типа. Ведь под курткой у меня обнаруживается шикарное перекрестье ремней, а на левом боку — огромный, черный, внушительный, как у Клинта Иствуда, — пистолет! В рыжей кобуре. Публика — в припадке, нервные дамочки в обморок бухаю-

тса, у милиционеров глазки горят (ну, блин, крестного отца повязали, благодарность от начальства светит).

Аккуратненько снимаю сбрую, отдаю «пушку» офицеру, усаживаюсь вместе со своей дамой в желтый УАЗик. Едем...

В 59-м отделении милиции я оказался не первым задержанным на скамеечке за барьером. Передо мной в своеобразной очереди ожидали своей участи еще несколько человек. Публика настолько пестрая, что не могу отказать себе в удовольствии несколько отступить от основного сюжета...

Среди пьяных, не очень пьяных и совершенно трезвых экземпляров особенно выделялся один плачущий горячими слезами парнишка лет семнадцати. Плакал он так безутешно, что вызывал сочувствие даже у здорового майора. Оказалось, что юношу задержали в парке за какую-то совершенно безобидную мелочь. И все бы ничего, не будь он до того осужден условно. Мальчику «светила» тюрьма...

Другой гражданин был скорее смешон в своем смущении. Ему, видите ли, лень было дойти до билетных касс и проникнуть в парк, как подобает всем честным господам, через центральный вход. Незадачливый студент престижного столичного вуза, возмнив себя человеком-ящерницей, просунул голову между прутьев ограды парка и... Все, дальше ни в какую, застрял, как Винни-Пух в норе у Кролика. Вряд ли он успел бы к завтрашнему экзамену в институт, если бы милиционеры не освободили предмет его интеллектуальной собственности из стального плена.

В общем, ближе к делу. Вот сижу я таким гоголь-моголем, без пяти минут воровским «авторитетом» среди мелких хулиганов и выпивох, горжусь. Гадаю: когда же моих обидчиков доставят?

Не доставили. Они сами являются, во главе с жертвой моей «газовой атаки» (он все еще страдает, бегаёт поминутно в туалет промывать глаза, а в промежутках дико орет и грозитя упечь вашего покорного слугу в тюрьму, пересчитать ему ребра и вырвать всякие нужные части тела). Тут наиболее смысленный, видимо, член «команды» улучшает момент, когда никто, кроме меня, услышать его не может, и, подойдя к перегородке, предлагает сделку: «Платишь нам десять тысяч долларов, и мы дело замнем без шума. Идет?» Ну, не крут ли я? Однако приходится разрушить иллюзии наивного громилы: «Там, в соседней комнате, обиженная на вас девушка.

Настроена она очень воинственно и собирается писать заявление о попытке к изнасилованию. Так что у вас еще есть несколько минут, чтоб исчезнуть. Спокойной ночи, малыши!» Вымогатель испаряется, а с ним — и вся гоп-компания.

А я прохожу в кабинет уполномоченного. Пишу объяснительную. Составляю расписку, что, мол, никаких претензий ни к кому не имею (черт с ним, нехота по судам мотаться). И... получаю назад свой любимый, свой вороненый клинт-иствудский «ствол». Милиционеры лучатся улыбками, расшаркиваются и даже подвозят нас с дамой к ближайшей станции метро...

Для теряющихся в догадках читателей объясню причину столь мирной развязки.

Мой пистолет не боевой и даже не газовый. В кобуре я ношу очень внушительную, добротную сделанную американскую пневматическую игрушку. Стрелять она, конечно, может, но лишь махонькими такими пуляками, как в тире. Эта система предназначена для тренировок подростков от четырнадцати лет (а я, мягко говоря, чуть старше). Разрешения на ношение эта пугалка не требует, но потрести им перед носом какого-нибудь злодея можно очень эффектно. Если же злодей не испугается, то в кармане брюк у меня всегда найдется газовый баллончик, также вполне разрешенный любому честному гражданину.

А теперь представим, что вместо пугача я имел бы на левом боку газовый пистолет (даже зарегистрированный по всем правилам в милиции). Предположим, что я сумел бы его вытащить, в то время как громила отнюдь не нежно обнимал мой торс. Предположим, я бы выстрелил... С такого короткого расстояния я скорее всего убил бы противника: газовый пистолет — штука опасная (один приятель случайно в собственном автомобиле из такой «пушки» случайно пальнул — так пол в салоне насквозь прострелил). Поди потом докажи, кто на кого напал... Так что если вы решили приобрести какое-нибудь оружие, хорошенько подумайте, что лучше: пугач, баллончик или газовый пистолет.

А мы с подругой, по вечерам пьем на кухне чай и упражняемся в стрельбе из пистолета. У соседей претензий нет: пуляет эта штука почти бесшумно.

**С искренней благодарностью
сотрудникам 59-го о/м
Оганес САРКИСЯН**

Неожиданную для редакции «Столицы» почту вызвала заметка Н.Попова «С ураном-235 во рту», опубликованная в 19-м (129-м) номере за этот год. Нами получено официальное требование об опровержении изложенных в ней фактов от президента акционерной компании «Каскор» г-на Г.М.Исакова, в котором говорится в частности:

«...Мы не станем помать голову над тем, кто преследует цель подорвать престиж нашей фирмы и опорочить выпускаемую нами продукцию. Действительности соответствует лишь тот факт, что в ПО ПГМК (ныне АК «Каскор») выпускается зубная паста «Северал Минт».

Завод зубных паст — фирма «Дикфа», производящий зубную пасту, был построен специально для этой цели в 1991 г. в соответствии с разработанной на комбинате еще в 1980 г. комплексной программой развития предприятия до 2005 года и никакого отношения к выпуску серной кислоты, аммиака и азота не имеет...

Аплатитный (так в тексте опровержения. — **Ред.**) концентрат поступает в АК «Каскор» с Кольского полуострова и ничего общего с отходами урановой руды не имеет. Автоматизированный комплекс завода закуплен полностью у итальянской фирмы «Энжеко», а не у фирмы «Дикфа», как указано в заметке.

Получаемый в АК «Каскор» дикальцийфосфат прошел токсикологическое тестирование в Институте экспериментальной ветеринарии в г.Москве в 1983 году и в Центре биологических анализов и исследований в г.Милане (Италия). Глубокие исследования химического состава и свойств производимого в АК «Каскор» дикальцийфосфата проверены научным центром крупнейшей в мире парфюмерно-косметической фирмы «Проктер энд Гэмбл». По заключению фирмы — это высококачественный продукт мирового уровня... Первые токсикологические и клинические испытания нашего ДКФ проведены Рижским медицинским институтом еще в 1988—1989 гг.

Что касается «нанятых Минатомом экспертов», разясняем, что нанять их невозможно, т.к. технические условия на новые виды продукции регламентируются соответствующим ГОСТом, и ни одной подписи «Минатома» на документе, удостоверяющем качество ДКФ, нет и в помине...

Что касается зубной пасты «Северал Минт», то она выпускается по рецептуре итальянской фирмы «Северал Косметик» и также прошла клинические испытания в одесском НИИ

ХОРОША ЛИ ПАСТА «СЕВЕРАЛ МИНТ» ПРИ ОРАЛЬНОМ ПРИМЕНЕНИИ?

стоматологии, в котором получены самые положительные результаты.

Надеемся, что все вышеизложенное убедило вас в несостоятельности сведений, изложенных в заметке «С ураном-235 во рту», требуем опубликовать опровержение».

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Ой, лукавит президент «Каскора» г-н Исаков! В возглавляемой им компании по прочтении моей заметки был вынесен безапелляционный вердикт: автор несомненно работает на КГБ, а также завербован зарубежными разведслужбами. В чем и обвинил меня замдиректора отдела обеспечения фирмы г-н Савельев, срочник вылетевший из Актау в Москву.

Но не будем размениваться на мелочи, тем более что в тексте опровержения хватает и более крупных огрехов — его автор широко использует логический прием, известный как «подмена тезиса», чем и достигает поразительной убедительности, свидетельствующей о недюжинном литературном даровании. Рассмотрим сей документ повнимательнее.

Завод по производству зубных паст «Дикфа» был действительно построен в 1991 году. Но г-н Исаков как-то упускает из виду, что «Дикфа» строился не на пустом месте, что это было (и есть) лишь одно из подразделений Прикаспийского горно-металлургического комбината, подчиненного, в свою очередь, косолапому гиганту — Минатомэнергопрому СССР. Имело место лишь конверсионное перефилирование части существовавших мощностей при сохранении «химического» профиля остальных, о чем и шла речь в заметке.

Разумеется, без ведома МАЭП СССР (бывш. Минсредмаша СССР) ни один эксперт не смог бы дать никакого заключения — ни положительного,

ни отрицательного — о зубной пасте «Северал Минт», тем более в 1983 году, когда проводились испытания! Естественно, сам Минатом «подписей» под экспертизами качества продукта не ставил. Г-н Исаков снова приписывает «Столице» то, о чем она не сообщала.

Теперь о самих экспертизах. Вывод президента АК «Каскор» о том, что фирма «Procter & Gamble» будто бы признала пасту «Северал Минт» «высококачественным продуктом мирового уровня», также, мягко говоря, натянут. В сообщении экспертов этой фирмы от 26 апреля 1992 года (с грифом «конфиденциально», кстати!) говорится, что при сравнении наполнителя «Северал Минт» с наполнителем пасты «Blendax Universal» были выявлены существенные недостатки первого, а именно:

— абразивные свойства нашего «уникального изобретения» находятся на уровне, «который является неприемлемым для производства «Blendax Universal» (определяемый радиоактивным методом истирания дентина показатель RDA равен 132 вместо 90—110);

— «уровень примесей в дикальций-фосфате, полученном из Прикаспийского ГМК, по-прежнему выше (9,0%), чем в дикальцийфосфате от фирмы «Hoechst» (3,0%);

— «примесь трехосновного кальция фосфата... присутствует в большем объеме, чем в исходном материале от «Hoechst».

Зарубежные эксперты делают неизбежный вывод, что необходима дальнейшая доводка «Северал Минт». Больше того, первоначальный образец пасты (от января 1991 года) отличался, по их словам, просто вопиющими нарушениями технологии даже по сравнению с «улучшенным образцом» марта 1992-го, с которым и проводилось сравнение. Но не забудем, что уже в 1991 году «Северал Минт» поступил в розничную продажу!

Результаты испытаний «Северал

Минт» на белых мышах «при оральном введении» и на 10-летних школьниках г.Риги, любезно высланные г-ном Исаковым в адрес «Столицы», вызывают умиление наивностью «экспертов». В своем заключении они пишут, что у рижских школьников после двухмесячной чистки зубов «Северал Минт» под контролем и в присутствии врачей «отмечено улучшение гигиенического индекса» (!?) Охотно верю! Но не легче ли было бы предположить, что упомянутые школьники раньше просто меньше чистили зубы вообще? Когда же их, наконец, заставили ежедневно ухаживать за зубами — то и загадочный индекс улучшился. Думается, что и пятикопеечный зубной порошок дал бы сходные результаты!

Правомерен ли после этого вывод «Столицы» об отсутствии стопроцентной гарантии безопасности «уникального» «Северал Минт»?

Тем не менее в заметке «С ураном-235 во рту» содержится ряд неточностей. Оборудование закуплено у итальянской фирмы «Энжеко», а «Дикфа» — название отечественного предприятия. Сырье для наполнителя завозится действительно с Кольского полуострова, а не местного. По словам представителя АК «Каскор» г-на Савельева, кольские апатиты служат для производства прежде всего фосфатных удобрений, из их «излишков» производится и «Северал Минт».

Эти мои неточности вызваны отнюдь не «происками КГБ», а информацией пресс-центра Минатома России (С.Ермаков) и редакции ведомственной газеты «АТОМ-пресса» (В.Староверов). Из этого я делаю вывод, что после развала СССР российские и казахстанские атомщики решили развалить и свою отрасль до такой степени, что даже достоверная информация друг о друге у них отсутствует. Какое «оральное введение» нужно для восстановления информированности пресс-центра Минатома России, чтобы не давать лишней пищи для антиатомной пропаганды «зеленых», не мне судить.

Вызывает также удивление, что коротенькая заметка в газете «Московский комсомолец» «Мирный атом» лезет в рот от 11 декабря 1991 года, содержащая те же утверждения, не повлекла за собой никакого опровержения и судебного разбирательства со стороны фирмы «Дикфа». Интересная избирательность!

Николай ПОПОВ

Фото Э.Кудрявицкого

*Все дело не в суровости наказания,
а в его неотвратимости.*

Юридический постулат

— Это даром вам не пройдет! — грохнул кулаком об стол мужчина непомерного роста. — Меня, коренного москвича, вышвырнуть из квартиры? Отца двоих детей! Потомственного, между прочим, купца! Вы нанесли моим детям моральный ущерб! Мужеский бас гремел так, что окурки подпрыгивали в пепельнице, а листки тонкой бумаги перешептывались сами собой.

— И где мои четыре тыщи долларов? — хитро прищурившись, перешел мужик ко второму действию. — Там были мои четыре тыщи долларов! Да за четыре тыщи долларов я вас...

Скандал достиг кульминации.

— Гражданин, вы что, на пятнадцать суток захотели? Шас оформим, — явилась на шум подмога из соседней комнаты.

— За что? Я не хулиганю, у меня просто голос громкий, — не меняя тембра, загремел мужик в противоположную сторону и вдруг рванул с места в карьер и мгновенно исчез, даже не хлопнув дверью.

— Жалобы пошел писать, — взгрустнули все.

Елена САЛИНА

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ

Если вы думаете, что судебный процесс заканчивается вместе с торжественными словами: «Суд постановил...» — то вы человек либо очень наивный и в высшей степени законопослушный, либо просто счастливчик, которому ни разу в жизни не пришлось ни с кем судиться. Как показывает практика, число и тех и других стремительно уменьшается, и, следовательно, то, о чем я собираюсь рассказать, достаточно актуально. А расскажу я вам об увлекательной и романтической профессии судебного исполнителя.

Нет-нет, это не тот, который пускает пулю в затылок в тюремном тупике — сию тайну МВД блюдет свято и к тем исполнителям прессу не допускает. Хотя тоже профессия...

И не тот, кто за «колючкой» холит и лелеет вверенный ему для исполнения наказания особо опасный контингент. О тех, наоборот, писано-переписано уже до тошноты.

Мой судебный исполнитель занимается разводно-жилищно-долговыми проблемами, которым несть числа. Что наша жизнь? Телевизор цветной, пр-во Японии, такого-то года выпуска, размер экрана по диагонали...

Предназначение

Когда судья говорит, что гражданин М. должен отдать гражданину Н. 100 тысяч рублей, это вовсе не означает, что гражданин М. тут же полезет в бумажник и, рассыпавшись в извинениях, выложит наличность в присутствии купюрах. Как бы не так!

Гражданин М. сделает все возможное, чтобы не отдать ни рубля, ни табуретки, ни алиментов, ни машины, ни комнаты, ни ребенка. Он запретит изнутри, скроется в никуда, проплет табуретку, чтоб не осталась врагу, плюнет на судейскую бумажку, разотрет и забудет.

Вот тут-то и вступает в игру судебный исполнитель, которого можно в наше распутное время назвать вершителем судеб. Или — стрелочником.

Фигура

Исключительно женская, что, конечно, красиво, но противоестественно. Редкие представители иного пола здесь воспринимаются, скорее, неудачниками, хотя их ценят и ими гордятся. Ведь по остроте ощущений работу вполне можно сравнить с милицейской, и амбал с дубиной на пороге «нехорошей» квартиры смотрелся бы куда эффективней.

Возраст — средний, юных особ я там не видела: все-таки нужен какой-никакой жизненный опыт; иммунитет к матерщине, опять же, развивается с годами.

Образования не требуется, хотя встречается всякое, кроме, пожалуй,

юридического. Начинающих юристов точно ветром сдувает, они быстро понимают, насколько жизнь отличается от разных кодексов, и находят себе иное применение. Остаются бухгалтеры, инженеры, рабочие, техники, домохозяйки, потому что зарплата со всякими премиально-питательными надбавками вполне средняя, мужику получать как бы стыдно, а женщине — программисту, сокращенному из «оборонки», — в самый раз.

Призвание не поминал никто. Оно понятно: два, три, четыре года стажа — мало кто выдерживает больше. Восемь лет — уже редкость, уже старший исполнитель.

Черты характера — скорее всего, аккуратность (писанины уйма и чтоб ничего не перепутать), склонность к авантюризму (за запертой дверью вполне могут ждать с топором) и некоторая скандальность (возможно, приобретенная).

Действие

На каждое служебное решение исполнитель заводит карточку (ей-богу, как в поликлинике) с надписью: «Исполнительное производство» — и начинает отсчет времени. 5 или 20 суток, в зависимости от сложности дела, в которые он (она), впрочем, почти никогда не укладывается. Бывает, что дело приостанавливается на 3 года, бывает — навсегда.

Самыми омерзительными все судебные исполнители дружно называют дела по вселению-выселению. Когда кто-то незаконно занял жилплощадь, а другой приходит с законным на нее ордером. Тоска и слезы.

Сначала нужно отловить «злодея» и любым способом всучить ему предписание о выселении. Он будет отбрыкиваться, говорить, что его нет дома и что вообще он давно умер, а в квартире витает тень отца Гамлета. Но судебный исполнитель ему не поверит.

Дальше собирается команда из того же исполнителя, заинтересованной стороны, участкового, представителя РЭУ, двух понятых, слесаря, если дверь заперта, и начинается процесс со взломом.

За взломанным замком нередко обнаруживается вся дрожащая и рыдающая семья «злодея», которая, конечно же, не с жиру бесится, а сидит внутри от безысходности и невозможности получить нормальное жилье.

Имущество описывается, сгружается в заранее оплаченный заинтересованной стороной грузовик и вывозится по месту прописки «злодея» или на хранение в РЭУ. И надо еще найти человека, который согласится стать «ответственным хранителем», а если чего пропадет...

Следом, по трудоемкости, идет кон-

фискация. Хорошо, если имущество осужденного было описано еще во время предварительного следствия. Тогда остается только проверить, сохранилось ли, опять куда-то погрузить и отправить на таинственную «базу госфондов» для продажи (кстати, от имени безликого «государства» в судебно-материальных расчетах выступает, оказывается, вполне конкретная налоговая инспекция).

А вот если имущество не описано, тут-то и начинается самое: «Сынок, сейчас тетя заберет твою постельку, и тебе не на чем будет спать». А-а-а!!!

Но предметы первой необходимости, как-то: шкаф, кровать, стол, стул, комплект одежды на все сезоны, постельные и кухонные принадлежности, детские вещи и т.д. — конфискации не подлежат. Есть список черт исторических времен, в котором, между прочим, указаны телогрейка и сундук. Когда вы видели в последний раз настоящий бабушкин сундук? А телевизор, например, не указан, хотя некоторые готовы тут же сойти с ума без телевизора. Или вот игровой компьютер — это детская вещь?

Но все это цветочки по сравнению с той ситуацией, когда супруги делят семейные реликвии при разводе. От судебного исполнителя просто перья летят. «Десять пакетиков импортного супа, которые я купил в 19... году! Где они, дорогие?» — «Да ты же сожрал их самолично еще в том же 19... году, любимый, чтоб ты сдох!» Классика.

И уж совсем грустно делить детей. Детей увозят, прячут, запугивают и закармливают шоколадками, приманивают кошечками и собаками, учат врать и ругаться, чтобы за их маленький счет потешить свое большое самолюбие.

Но и это еще не все.

Действие продолжается

Иногда судебному исполнителю поручается проверить, спят ли двое взрослых людей в одной постели. Это интересно, не правда ли?

Допустим, мужчина платит бывшей жене алименты, а при рождении еще одного ребенка, в новой его семье, хочет размер алиментов уменьшить — тогда новая жена тоже подает на алименты. Дескать, разводиться не хотим, но живем раздельно, и денег он, подлец, не дает.

Судебному исполнителю ничего не остается, кроме как проявить незаурядные способности сыщика, чтобы обнаружить следы пребывания «подлеца» на оккупированной женой территории. «А чьи, пардон, это тапочки у вас под кроватью, мадам?» — спросит талантливый исполнитель и, если повезет, обнаружит в шкафу искомого обманщика.

Прочие алиментные дела стары как

мир и просты в исполнении (или неисполнении), как кочан капусты. Они «достаю» скорее валом, чем хитроумностью комбинаций. Беда в том, что сегодня все бывшие мужья почему-то враз оказались безработными. С них пытаются требовать какие-то крохотные проценты от какой-то средне-минимальной зарплаты, и обиднее всего, что совершенно некуда пристроить исполнительный лист. Жены скулят, что те «на «Мерседесах» ездят, а денег давать не хотят», а исполнителям опять головная боль. Не угнаться им на каблуках за «Мерседесами».

Бездействие

Практически безнадежна категория штрафных дел. За «отдых» в вытрезвителе, например, требуют штраф. После «месячников трезвости» такими делами оказывается завален весь стол судебного исполнителя. А где бедолага «отдыхающий» возьмет деньги, если он давно не только предмет первой необходимости по списку пропил, но и ручки от газовой плиты? Или, допустим, в доме стоит телевизор, а штраф — всего полторы тысячи. Как эти полторы штуки отрезать от сравнительно дорогого агрегата? Главная страшилка в этом случае: «Отдавай деньги, мерзавец, а то опишу телефонный аппарат!» Если мерзавец еще боится потерять связь с миром, страшилка действует.

Аналогичные проблемы возникают почти во всех делах по возмещению ущерба. Если ущерб возмещать нечем, он останется... правильно, невозмещенным.

Если ущерб возмещать некому, то он снова останется невозмещенным.

И если ущерб возмещать очень не хочется... Тогда составляется акт о невозможности взыскания.

Секреты

В бесчисленных спорах о судебных реформах все настолько увлеклись процессом, что как-то забыли о конечном результате. О том, что самый мудрый приговор еще не есть торжество справедливости. Справедливости еще предстоит дойти по назначению, материализовавшись в некую сумму, которой одна из сторон компенсирует злой умысел другой. Иначе грош цена всем кандидатским и докторским на ниве юриспруденции. И именно на этом последнем, но очень трудном отрезке судебного пути потерпевший остается под опекой всего лишь хрупкой женщины с весьма ограниченными возможностями и архаичными инструкциями про сундуки.

Судебный исполнитель *не может* объявить розыск в пользу частного лица. В пользу государства — с радостью, даже если огромная страна

лишилась всего только 100 рублей. Но достаточно вашему личному должнику сменить квартиру, и он уже никого не интересуется. Об этом пережитке былого государственного снобизма, похоже, просто забыли.

Он *не способен* надежно обеспечить сохранность вашего имущества — у судов нет ни складов, ни транспорта, ни охраны.

Он *не станет* рисковать ради вас жизнью — милиция не вникает в его (и ваши) проблемы. «Только если кто-то заедет мне в глаз, они, может быть, поддержат его за руку, — вздохнула молодая симпатичная исполнительница. — Участкового не дозовешься, чтобы вскрыть квартиру».

Кстати, судебный исполнитель *не имеет права* вскрывать чужие квартиры, за исключением случаев вселения-выселения.

При той солидной кипе дел, что вечно лежит у него на столе, он *не будет* караулить целыми днями вашего должника у подъезда. После десяти вечера ему вообще запрещено появляться на «территории», а днем — кого ж застанешь дома?

Ему остается лишь просить, уговаривать, взывать к совести, скандалить по телефону, грозить смешными штрафами и недействующими статьями УК.

Очень ненадежно.

Самая страшная тайна

Без всякого секретного грифа она вписана между строк в любой полугодовой отчет любого районного суда. Достаточно взять его в руки и чуть-чуть пошевелить мозгами по поводу цифр.

На каждого судебного исполните-

ля в среднем за полгода приходится 300 дел. В графе «остаток» вы обнаружите, опять же в среднем, число 100. Если у судебного исполнителя остались неисполненными 100 производств, считается, что он работает хорошо и достоин премии. Эти 100 карточек стабильно кочуют из одного отчетного периода в другой, новые — на место старых, старые уходят в архив. Получается, что треть мудрых, справедливых и безусловно правильных судебных решений, никем не оспоренных, просто не выполняются. Так о чем можно говорить?

Больше того, примерно 30 процентов (т.е. опять треть) карточек, которые умудрились выскочить из этого круга, не осели в «остатке», втиснулись в «положительную» статистику — так вот, эти 30 процентов тоже отравились в архив с безнадежным «актом о невозможности взыскания». Просто у них кончился срок.

Таким образом *невыполненными* оказываются уже больше половины судебных решений.

Может, дешевле будет ровно вдвое сократить судейский корпус? Все равно только воздух зря сотрясают.

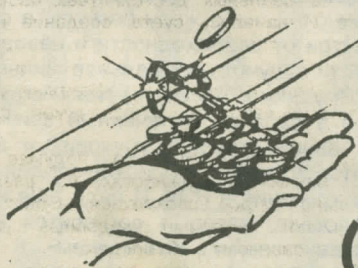
Мечта

Все судебные исполнители мечтают о долговой тюрьме. Но этот вопрос почему-то никем не обсуждается. Не введена даже индексация долгов, и выходит, что должник всегда остается в выигрыше. Чем позже отдаст — тем меньше в пересчете на колбасу.

Так и живем. Судьи делают вид, что судят, исполнители — что исполняют, а потерпевшие радуются, что вообще остались живы. Счастье-то не в деньгах.

СОЛИДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДАСТ

НАЛИЧНЫЕ ДОЛЛАРЫ ЗА БЕЗНАЛИЧНЫЕ РУБЛИ

ПО БИРЖЕВОМУ КУРСУ ПЛЮС 10%.

(095) 111-31-57

БУДЬ ОСТОРОЖЕН В «МЕМУАРАХ»

Журнал «Столица» (№ 4, 1993) сообщает обо мне небылицы. Бывший вэкашник (Высшая комсомольская школа) Евгений Степанов в статье «Соло на «Ятрани», признаваясь, что, когда все происходило, сам был пьян, сообщает читателям журнала что-то там о Вите Югине, его заискивающим отношении к какому-то другому вэкашнику, Валерке Кочетову.

Я помню те события, в отличие от пьяного Жени Степанова, неплохо. Все происходило совершенно иначе.

Перед самым фестивалем молодежных газет в Тбилиси случилась беда — в горном районе Грузии сошел селя. Ряд селений им был уничтожен, дороги перекрыты. Но в то же время Грузия гордилась своими зимними комплексами, где можно было проводить соревнования разных рангов, да и просто отдыхать. В один из дней Лаша Шарашенидзе из ЦК ЛКСМ, ответственный за автобус с журналистами, отправляющийся к заваленным селам деревням, собрал нас и объяснил, куда мы поедем. Желавших оказалось достаточно, и мы отправились. Обед, который тогда никого не интересовал, планировался на одном из спортивных комплексов, но не состоялся — автобус не смог туда пробиться. Дело шло к вечеру, и Лаша (кстати, в известные кровавые апрельские дни в Тбилиси наша дружба стала вечной) лихорадочно искал выход — как нас накормить. Он кого-то нашел и помчался на «Волге» искать Кобу (или не Кобу — я не вел об этом записей). Найденный Коба (?) рванулся на машине разскивать обслуживающий персонал, искать хлеб, поваров. Никакой погони за ним не было.

Все нашлось через час. И мы, замерзшие (столько времени провели в горах) и голодные, с большим удовольствием помогли местным райкомовцам обустроить стол. И вышел он ничего себе — превосходным — с мясом, зеленью и прочим. Что касалось Вити Югина, он действительно был неизвестен — в черной куртке, свитере и сванке, подаренной ему одним старым грузином из полусасыпанной селам деревни. Так и сел за стол. Выглядело это действительно не очень, ибо мальчишки-вэкашники к вечернему приему готовились, поскольку для них попасть на глаза любому чиновнику или завести знакомство с каким-нибудь французиком — может, этап в жизни.

Видимо, за мою невзрачность пару раз меня и обнесли, ибо, как потом выяснилось, местные комсомольцы приняли меня за водителя автобуса, а ему не положено — за рулем все-таки.

Кстати, их было тогда человек тридцать. От грузинского застолья действительно многие «отрывались» (выражение автора), особенно иностранные представители и вэкашники, главные почтатели всевозможной халявы. Мы

действительно затем все перезнакомились, и оказалось, что моя газета «Смена» давно имеет за рубежом свой солидный имидж. Пошел действительно профессиональный разговор о молодежной журналистике. В итоге засиделись. До приема оставалось минут двадцать—тридцать. И тогда один из вэкашников или иностранных корреспондентов, вспомнив о нем, потребовал, чтобы мы прямо отсюда, такие «подогретье», двинулись на прием.

В отличие от пьяного Жени Степанова, ответственный за наш автобус Лаша Шарашенидзе, видя состояние халявщиков-москвичей, этому воспротивился, и я его поддержал, а потом и все журналисты решили, что останемся здесь. Наверное, что-то кому-то этими действиями мы подпортили. Между Лашей и кем-то ответственным за какую-то иностранную делегацию вышел спор, и серьезный. Мое вмешательство позволило физиономии какого-то москвича остаться нетронутой. Не могу вспомнить сейчас, чья она была — то ли Валеры Кочетова, то ли твоя, Женья. И не от выпитого грузинского вина не вел я тогда дневниковых записей, а оттого, что подобные «мемуары» не могут считаться даже интересной информацией. И последнее, Женья: не «отрывайся» часто и не пиши о пустяках, а если уж невмочь — будь точен, иначе можно не только задеть честь редактора, но и подвести издание, которое публикует твои «оторванные» описи.

Виктор ЮГИН, народный депутат России

Санкт-Петербург

НЕ НАДО СУЕТИТЬСЯ...

Я давно считал, что наш шоу-бизнес напоминает сицилийскую мафию. Только там возможно существование такого количества лжи, недомолвок и предположений. Эта неприятная традиция перешла и в наш цех. В этом я смог очередной раз убедиться, прочитав выступление в «Столице» № 19 питерца В.Киселева «Я — самый «акулистый».

Когда-то, в период массового изучения страной «бессмертных творений Ильича «номер два» и пустейших докладов «Кучера», этот человек считался одним из боссов отечественного шоу-бизнеса, а возглавляемый им коллектив «Земляне» занимал ведущие позиции в хит-парадах. Но прошло время, коллективу надоела бессловесная барщина, и он расстался с боссом, чье умение больше основывалось на принципах общения со «властью имущими», чем на реальных достоинствах своего дела. И началась суета: создание некоего центра, работа со множеством коллективов, не сумевших достичь и десятой доли популярности «Земляне», организация какого-то малозначимого фестиваля.

Тут бы и успокоиться, подумав о собственных возможностях, но разгоревшийся пафос успокоиться не дает. И возникают интервью, подобные уже опубликованному в «Столице»...

Признаюсь, я долго размышлял над этой статьей, пытаюсь понять, чего в ней

больше: полного отрыва от реальности или незнания законов функционирования бизнеса, в котором В.Киселев худо-бедно «варится» уже полтора десятка лет. Ведь только наивный человек может утверждать, что крупные рок-фестивали или турне ведущих звезд проводятся сами по себе, без участия крупнейших спонсоров — производителей различных продуктов или услуг, известных компаний грамзаписи. И вся история рок-поп-музыки подтверждает это правило: концерты «Монстры рока» проходят под эгидой известного журнала «Метал хаммер», турне Майкла Джексона финансировала «Пепси-Кола», группы «Джонезис» — автомобильная компания «Фольксваген», а концерты «Дайер Стрейтс» состоялись лишь благодаря внушительной поддержке корпорации электроники «Филипс». И после этого Киселев осмеливается упрекать меня в том, что проводившиеся моей фирмой «Биз Энтерпрайзис» концерты «АС/ДС» и «Металлики» делались на деньги западных компаний. А что здесь плохого?

Конечно, у меня, к счастью, были совсем неплохие родители, не члены поллитбюро, но вполне нормальные люди, которые сумели передать мне умение работать и элементарное умение вести себя в цивилизованном обществе. Но, увы, тайными миллионерами КПСС они не обладали, поэтому к реализации своих проектов мне пришлось идти, используя проверенный мировой практикой опыт. Видимо, мой имидж и знание английского оказались более убедительными для такого гиганта, как «Уорнер Бразерс», чтобы звезды из «АС/ДС» и «Металлики» (которые, кстати, не являются моими личными друзьями) оказались в Москве и смогли порадовать почти 700 тысяч отечественных фэнов.

Увы, друзья В.Киселева оказались не такими благородными — даже Д.Ковердейл не захотел выступить на организованном им фестивале «Белые ночи». И поэтому мне вкралась в голову крамольная мысль — а может, Володя сумел на какой-то тусовке просто сфотографироваться с британским рок-героем, чтобы иметь вещественное доказательство дружбы с человеком, с которым он может общаться лишь через переводчика?

В силу вышеизложенного я не хотел бы дальше дорисовывать портрет В.Киселева — большинство граней своего характера он сам раскрыл в уже известном читателям интервью. Мне просто хотелось, учитывая данное мне прозвище «акулы шоу-бизнеса», показать, что не все люди, удостоенные принадлежности к нашему цеху, способны полноценно разбираться в его законах. И выразить надежду, что внимание такого влиятельного журнала, как «Столица», поможет очищению советского шоу-бизнеса от мифологии обиженных на судьбу людей и превращению его в полноценную музыкальную индустрию.

Борис ЗОСИМОВ

Москва

Родоначальники породы

Once a doberman — always a doberman.

(Кто хоть раз познакомился с доbermanом, тот полюбит его навсегда.)

Английская народная мудрость

Как только жизнь в стране стала сложной и беспокойной, у людей со страшной силой проявилась горячая любовь к животным: очень многие граждане изъявили желание завести собаку. Побольше и посильнее.

Безумной популярностью наряду с немецкими овчарками, бультерьерами и ротвейлерами стали пользоваться доbermanы.

С доbermanом не страшно пройтись по зловеющим криминальным улицам: если какой-нибудь маньяк, не заметив собаки, вдруг посягнет на вас, то доberman ка-а-ак прыгнет — и полетят, как говорится, клочки по закоулочкам. И дом он хорошо охраняет. Известна история, когда в квартиру влезли воры. А в одной из комнат был привязан доberman (хотя зачем его понадобилось привязывать в безлюдной квартире — неизвестно). Так вот, вместо того чтобы залазать и засуетиться, коварный доberman очень тихо перегрыз поводок, напугал своим появлением воров до полусмерти и задержал их (а воров, заметим, было двое) до прихода хозяев. В этой собаке признают не только силу, энергичность и красоту. Не только ум, но и интеллект.

Самое интересное, что столь утонченную аристократическую породу вывели из помесей. Это были всевозможные помеси овчарок, пинчеров, мясницких собак (предков

современного ротвейлера), легавых. Предполагают, что дело не обошлось без сеттера-гордона и голубого дога.

Новую породу вывел селекционер-дилетант Л.Доberman из маленького немецкого городка Апольда. Кстати, в истории собаководства было не так много случаев, когда породу называли именем ее создателя. Впрочем, свое теперешнее имя порода получила не сразу. Сначала она называлась доbermanовой собакой,

затем — тюрингским пинчером. Очень долго — до 1949 года — сохранялось название доberman-пинчер. Но потом, поскольку тип породы далеко ушел от старого немецкого пинчера (который тоже когда-то был замешан Доbermanом в его адском коктейле), собак стали называть просто: доberman.

Л.Доberman, как это ни странно, работал одно время на живодерне — отлавливал бродячих псов. Поэтому у него было много селекционного материала. Он отбирал собак по «рабочим» качествам — подвижных, злобных и умных. Потом Доberman приобрел домик, построил небольшой питомник и занялся селекцией всерьез. Дешевое мясо для «селекционного материала» он покупал на городской бойне (где тоже однажды работал. Милейший человек!). Вообще, подробности выведения породы — увы — неизвестны, поскольку Л.Доberman записей не вел. А другие источники предлагают совсем противоречивые сведения: из одних, например, следует, что родоначальницей породы была сука по кличке Шнапп, а в других сказано, что Шнапп к выведению доbermanов отношения не имела, и вообще, была кастрированным кобелем.

После смерти Доbermanа его питомник перешел к Отто Геллеру, который занялся целенаправленным разведением породы. Геллер уже обращал внимание не на рабочие качества собак, а на их экстерьер. Он хотел сделать доbermanа собакой с благородными линиями и аристократическими манерами. Одним словом, собакой, которую приятно было бы показать на выставке. А собачьи выставки тогда — в конце прошлого века — становились все более модными. Доberman выводился специально для человека — для общения с ним, для его защиты. Поэтому он лучше других популярных нынче пород приспособлен к жизни с человеком. В отличие, например, от бультерьера, который все-таки был выведен как собака для боев, и всяческих овчарок, созданных для того, чтобы пасти скот. Доberman — друг, а не слуга.

Девяносто лет назад до-

ДОБЕРМАН: СПОКОЕН, КАК РЕВОЛЬВЕР

берманы появились в России. Все стремились завести именно эту собаку — повлила, видимо, всенародная любовь к этой породе в Германии. Доберманом была и собака Качалова, которой Есенин посвятил свое «Дай, Джим, на счастье лапу мне»... Качалов величал своего пса Джимом Трефовичем Доберманом. Наверное, Джим был потомком легендарного Трефа, лучшей полицейской собаки России начала века.

Правда, в то время доберманы достаточно отдаленно напоминали нынешних представителей породы.

Схематически развитие породы выглядит так: первые доберманы были мощными, неприхотливыми, но формы их отнюдь не восхищали взор. Затем (с подачи вышеупомянутого Отто Геллера) породу принялись «уточнять» и делать красивой (в каком-то смысле — в ущерб рабочим качествам). Им даже добавили крови грейхаундов. Доберманы становились все более хрупкими и изящными. И в то же время — все более нервными, истеричными и трусливыми. Характер собаки — как и человека — зависит от его конституции.

Надо сказать, что все время между сторонниками хрупкого и любителями мощного добермана велась полемика. В конце концов улучшатели породы пришли к среднему варианту. И теперь стандартным доберманом считается сильная спокойная собака с развитым костяком и широкой грудью. Этаким ротвейлерообразный доберман. Но, опять же, боясь, чтобы история не двинулась по спирали (а тенденция есть), кинологи бракуют очень уж массивных собак.

«Доберман должен быть мощным, но сухим», — говорят строгие эксперты.

Такие собаки «нового типа» стали появляться в России только в конце восьмидесятых. Разумеется, это были привозные животные или потомство от немецких или голландских производителей, были даже дети Чемпиона мира знаменитого пса Графа Гuido фон Франкенхорста (вообще, кличкам высокопородных собак иногда остается только позавидовать). Так что новое направление породы еще только развивается.

К сожалению, в стране сейчас нет сильного единого специализированного клуба. Вроде бы образовался недавно Российский доберман-клуб, но, кроме как названием, он ничем серьезным себя не проявил. Можно только сказать, что пока лучше приобретать щенков в клубах «Зоосфера», «Апольда» ОЛЬФ, «Фауна», МГКСС. Нет и хорошей системы дрессировки. С доберманом надо обращаться чрезвычайно деликатно, наша же система дрессировки рассчитана прежде всего на воспитание злобы.

А «их» доберманы совсем другие. Они, например, почти не лают — не умеют, да им это и ни к чему. С жертвой лучше расправляться молча. Однажды пятнадцать наших собак поехали на выставку в Будапешт. Их вместе с хозяевами поселили в отдельную гостиницу, которая сразу стала «сумасшедшим домом» — она наполнилась лаем, гвалтом и суетой. В других отелях жили по 150—200 «западных» доберманов. Там стояла мертвая тишина.

Опять же, истеричность и злобность, которые одно

время культивировали в добермане... Это крупные недостатки. Если пес нервозен и злобен — значит, он труслив: он кусает, потому что боится. А собака должна быть просто послушной. Как пистолет. Он же не злится — он просто стреляет. Так и доберман, когда кидается на свою жертву, просто послушно выполняет приказ. Кстати, эти собаки известны еще своим правильным отношением к детям. Доберман никогда не укусит ребенка. Он слишком умен для этого.

Умный доберман должен быть спокойным и доброжелательным. Как человек. И нормальную суку не надо запирают в ванной, чтобы не разрывать ее материнское сердце, когда в дом приходят за щенками. Нет! Хорошая сука сама радостно подведет вас к щенкам и будет гордо их демонстрировать.

Вообще, самки доберманов — прекрасные собаки. Начинающим любителям породы советуют брать именно доберманов-суку: они мягкие, добрые и в то же время — замечательно защищают и сторожат. В суке силен инстинкт охраны логова. В кобелях же больше выражена личность, и хозяином таких собак должен быть человек с сильной волей, характером. Иначе очень просто испортить и разбаловать собаку. А испорченный доберман — достаточно неприятное и грустное явление.

Собаку не должны волновать людные места, незнакомые помещения. Наоборот. Поскольку доберман — любопытное общительное существо, он с удовольствием ходит с хозяевами в гости, сопровождает их в поездках.

Доберман создан для жизни

в квартирных условиях. Но, поскольку это все-таки очень энергичная собака и спокойно пробегает во время прогулок 20—30 километров ежедневно, то лучше жить где-нибудь совсем рядом с парком. Или в загородном доме.

Тут мы подошли к самому щекотливому моменту в нашем рассказе о породе. Дело в том, что хозяином такой собаки (в смысле, хорошим хозяином) может быть далеко не каждый. Во-первых, человек не должен быть ни слишком раздражительным, ни чрезмерно флегматичным. Во-вторых, необходимо иметь много свободного времени. И самое главное — быть обеспеченным. Приличный щенок сейчас стоит сто—триста долларов. Но это полбеды. Настоящая проблема для хозяина с достатком ниже среднего — выкормить собаку!

Зато у этой собаки короткая шерсть, которая не требует дорогих стрижек.

А еще для добермана очень важно, чтобы в семье всегда были совет да любовь. Иначе он чахнет и болеет.

Впрочем, это важно не только для собаки.

Елена АВЕРИНА

P.S. Редакция благодарит эксперта-кинолога I категории руководителя доберман-клуба «Апольда» ОЛЬФ Валерия Белякова за помощь в подготовке материала.

Дмитрий БЕЛОВ

ДОЛГОВ БОЯТЬСЯ — В ЛЕС НЕ ХОДИТЬ

Один мой знакомый утверждает, что самой популярной в XXI веке будет профессия эколога. И он, пожалуй, прав, ибо систематическое разрушение окружающей среды уже в ближайшие десятилетия чревато последствиями, сравнимыми разве что с ядерной катастрофой. Впрочем, сами экологи не ждут того момента, когда они смогут почивать на лаврах, зазывая посетителей на огороженные и тщательно охраняемые участки «живой природы» («Вот что нам удалось сохранить!»). Сегодня они всеми силами пытаются предотвратить экологическую беду, ищут нестандартные подходы к решению, казалось бы, вдоль и поперек изученных проблем.

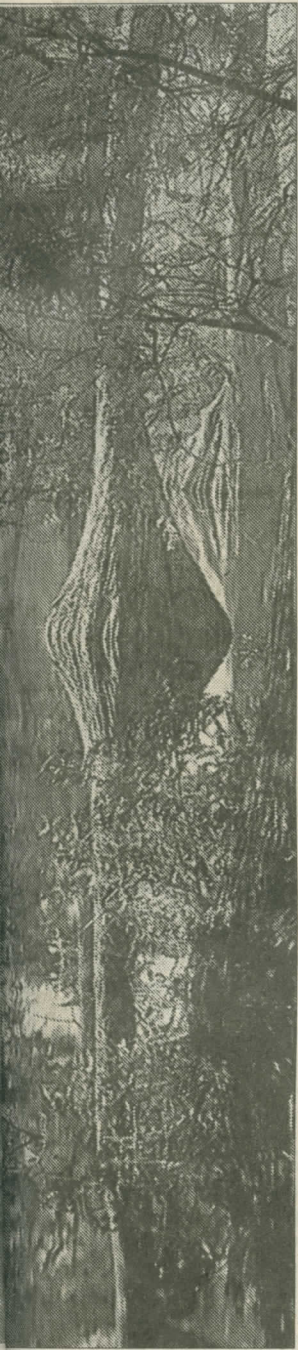
Из всех составляющих живой природы особенно интенсивному использованию в последние годы подвергается лес. Больше всего страдают наиболее богатые растительностью леса — те, что прилегают к экватору. Если согласиться с утверждением, что тропические леса — легкие планеты, то придется признать, что Земля больна пневмонией, причем ни о каких реальных признаках улучшения ее самочувствия пока не может быть и речи.

В середине 80-х годов ежегодно

разрушалось четверть миллиона квадратных километров тропических лесов. Даже при условии, что эти темпы замедлятся, остающиеся несколько миллионов квадратных километров исчезнут уже к 2035 году. По данным бразильского экологического движения «Арко Ирис», только на территории Бразилии в сельве каждый день (!) гибнет 200 тысяч деревьев. Если это будет продолжаться, то амазонская сельва не протянет и 20 лет.

«Ну а мне-то что? — спросит чита-

тель. — На далекой Амазонке не бывал я никогда и вряд ли побываю, а проблем и своих полно». Увы, последствия уничтожения тропических лесов окажут влияние на всех жителей планеты, в том числе и на нас с вами. Не будет сельвы, имена древесных обитателей которой звучали как музыка: бертолеция, махагони, жакаранда, или розовое дерево, олео-вермельо, робле-колорадо, сапукайо, или райский орех, и мировая экономика перестанет получать натуральный каучук, бразильские орехи,

циркуляции воздуха; в результате меньше осадков будет выпадать и над умеренным поясом, а значит, в России уменьшатся урожаи зерновых. Наконец, тропические леса дают около половины кислорода в атмосфере Земли. Чем меньшую площадь они занимают, тем больше так называемый тепличный эффект. Неуклонное нарастание содержания углекислоты в воздухе угрожает глобальным потеплением, что приведет к засухам, повышению уровня моря, другим, поистине непредсказуемым последствиям.

По иронии судьбы, самые ценные для планеты леса — влажные тропические — расположены в развивающихся странах, которые не в состоянии защитить их от исчезновения. Правительства заняты решением других, более насущных, по их мнению, проблем и не могут, а иногда и не желают уделять внимание экологии, оправдываясь нехваткой финансовых средств.

Итак, чтобы сохранить природу, надо найти источники финансирования. Но где? В наше безумное время нестандартное решение нередко оказывается единственным. Так и здесь, выход из «экологического» тупика подсказала... другая проблема, а именно, кризис внешней задолженности. Формула обмена «долг—природа» заключается в следующем: экологические неправительственные организации Запада выкупают у банков-кредиторов определенную часть долговых обязательств развивающейся страны и ликвидируют их в дальнейшем — при условии, что данная страна обязуется осуществлять конкретные природоохранные мероприятия.

Первые соглашения такого рода были подписаны в 1987 году. Североамериканская организация «Международная защита» приобрела у Швейцарского банка долговые обязательства Боливии на сумму 650 тыс. долларов. Затратив на это, кстати, всего 100 тысяч долларов, ведь потеряв надежду, что страны третьего мира когда-либо выплатят долги, банки пытаются распродать их обязательства по сниженным ценам. Указанная сумма была аннулирована в обмен на расширение площади заказника Бени, а также выделение значительных средств в национальной валюте на экологические цели. Помимо этого боливийское правительство обязалось в течение 5 лет регулярно консультироваться у «Международной защиты» по всем вопросам, связанным с охраной окружающей среды. Позднее различные экологические движения подписали аналогичные

соглашения с правительствами Коста-Рики, Эквадора, многих других стран.

К сожалению, некоторые государства негативно отнеслись к обмену «долг—природа». Среди них была и страна, своим названием обязанная дереву «пау бразил», на которую приходится 65% площади Амазонии. Еще 5 лет назад бразильские власти категорически отказывались даже участвовать в дискуссии вокруг амазонской проблемы, видя в этом покушение на суверенитет государства. Их представитель заявил тогда, что идея об одновременности сокращения внешнего долга и осуществления мер по защите окружающей среды «порождает проблемы безопасности» и правительство не заинтересовано в том, чтобы объединить эти темы. Бразилия не нашла общего языка в этой проблеме даже с другими амазонскими странами (Боливия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Перу, Суринам и Эквадор), настаивая на том, чтобы каждое государство вело переговоры с кредиторами с собственных позиций. Ее же позиция была такова: с одной стороны, не так уж все и страшно, экологи преувеличивают масштабы разорения Амазонии. С другой — во всех экологических грехах виноваты страны Запада.

Руководствуясь принципом «лучшая защита — нападение», бразильские власти перешли в контратаку. По заказу правительства Институт исследований Амазонии подготовил доклад, основная идея которого заключалась в том, что ответственность за загрязнение окружающей среды должны нести все, кто к нему причастны. Так, на долю Бразилии приходится менее 1 процента общемировых выбросов в атмосферу углекислого газа, тогда как на долю США — более 20, а стран Западной Европы — 15 процентов. В аналогичной пропорции распределяются выбросы двуокиси серы и двуокиси азота. Поскольку за издержки промышленного развития приходится расплачиваться всему миру, то, делается вывод в докладе, необходимо ввести специальный международный налог с перечислением средств в ООН. Промышленно развитым странам надлежало бы только за загрязнение атмосферы углекислым газом выплатить порядка 450 миллиардов долларов (из расчета 100 долларов за тонну в год). Естественно, этот документ был горячо поддержан руководством Бразилии, хотя ожидать чего-либо подобного в реальности — чистой воды утопия. (И слава Богу. От внимания наблюдательного читателя наверняка не ускользнуло, что суммарный удельный вес США и Западной Европы по выбросам углекислого газа

средства для лечения энцефалита и лейкемии и многое другое.

Потеря огромных лесных массивов изменит климат планеты, вдвое уменьшит количество осадков над пострадавшими от вырубки лесов территориями и прилегающими районами. Разрушение горных лесов нарушит водоснабжение равнин. Тропические леса — один из главных на Земле «получателей» тепла, исходящего от Солнца. Усиление отражения солнечной энергии от земной поверхности приведет к нарушению

заметно ниже 50%. Вы угадали, почти все остальное приходится на бывшие республики Союза, и в первую очередь на Россию. Как говорится, только этого нам сейчас не хватало.)

Доклад ученых не помог: в газетах стали появляться прямые обвинения в адрес бразильских властей, в частности, сообщения, что последние официальные данные по поводу состояния амазонской сельвы — фальсификация, целью которой было скрыть гораздо более тревожное положение вещей.

Оказавшись в изоляции, власти Бразилии признали, наконец, что борьба международного сообщества за спасение Амазонии — не вызов суверенитету страны, а неотъемлемая составляющая движения за сохранение нашей планеты. Отныне иностранным природозащитным организациям разрешено выкупать долговые обязательства Бразилии. Одно из финансируемых по этой схеме исследований, направленное на «рационализацию использования амазонской флоры» (если перевести это на человеческий язык, то речь идет о выделении территорий, ни в коем случае не подлежащих хозяйственному использованию), координировалось ни много ни мало — Министерством внутренних дел.

Конечно, у обменов «долг—природа» есть недостатки. Так, зачастую отсутствуют твердые гарантии того, что оговоренные суммы действительно будут в полном объеме направлены на защиту природы; иногда власти недовольны «нарушением суверенитета». Воздействие неправительственных организаций на официальную политику обычно невелико, в то же время ясно, что чем теснее связь с официальными структурами, тем больших изменений можно добиться. Наконец, одним из элементов «негатива» проектов «долг—природа» специалисты считают неучастие в экологических программах частного капитала. Все это привело к поиску новых, более совершенных механизмов обмена. Среди них проекты, предполагающие в обмен на финансирование экологических программ списание коммерческих долгов, что дает возможность подключать частный капитал, а также списание межправительственных дву- и многосторонних долгов.

Обмены «долг—природа», являясь великолепным механизмом сбора средств, прочно заняли свою нишу в экологической политике, стали реальным вкладом природозащитных организаций в развитие третьего мира. В перспективе, если реализация таких проектов пойдет интенсивнее,

В подмосковном лесу...

...и в Рахмановском переулке

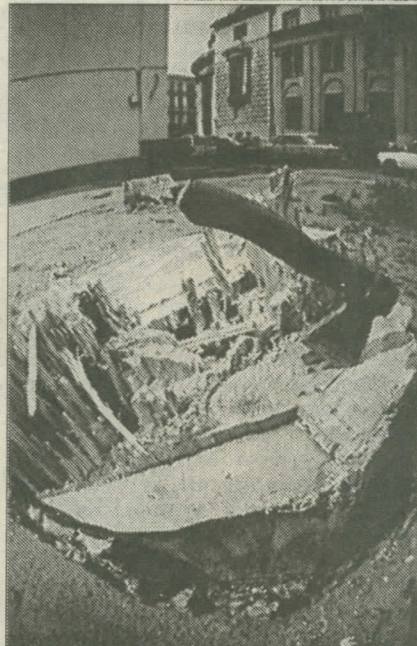

фото Э.Курявицкого

станет возможным не только спасение существующих природных богатств, но и восстановление по крупным уже утерянного.

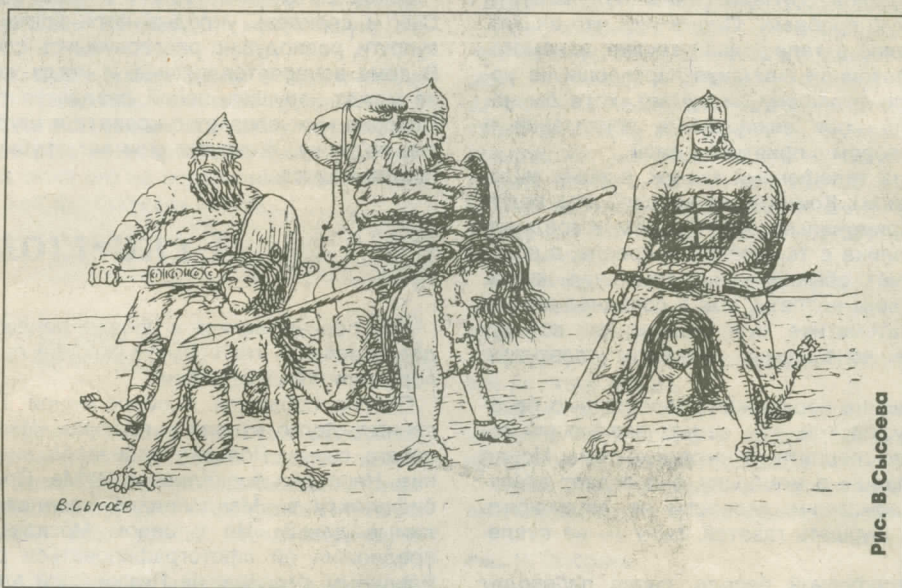
Впрочем, заканчивать на оптимистической ноте мне бы не хотелось. Посмотрите, во что — безо всякого Чернобыля или стихийных бедствий — превращаются наши подмосковные леса. Всяк кому не лень тащит из них дерн и перегной на свои родные огороды, причем радиусы вылазок все расширяются, смыкаясь с соседскими; корни несчастных высыхающих деревьев уже не просто обнажены, они висят в воздухе. Но уж когда приходит пора построить забор или сарай, на сухостой никто не смотрит; рубят странным образом сохранившиеся живые деревья. И ладно бы ходили по лесу с граблями, лопатами да ведрами бедные старички, пенсии которых на машину навоза может и не хватить. Нет, здоровые мужики, разъезжающие на своих автомобилях. Неужели им не хватает силы воли, чтобы выпить на пять буты-

лок в год меньше? Именно за этот вечный эквивалент привозят машину удобрений. Неужели мы не понимаем, что для наших детей своими собственными руками создаем «перспективу» отдыхать в Подмоскowie (и во многих других местах) в окружении не лесов, а поросших непролазным кустарником и загаженных металлоломом болот?!

Да, старинное русское выражение «беда не по лесу ходит, а по людям» обрело сегодня совершенно иной смысл. А ведь отношение к среде обитания — это одно из главных показателей развития, если угодно, индикатор состояния общества. И до тех пор, пока оно у нас останется варварским (другого слова не подобрать), обиды на приравнивание России к странам третьего мира неуместны. Не берусь судить, насколько приемлемы в наших условиях проекты типа «долг—природа», ясно лишь одно: кто-то должен быть *собственником* лесов, и если государство не отдаст их в частные руки (имея на то в наших условиях все основания), то оно само должно заботиться об их сохранности. Это тот самый случай, когда можно и нужно применить закон, положив конец экологическому беспределу. И (помечтаем) какой-нибудь новый Чехов напишет монолог нового злоумышленника, на сей раз растаскивающего на части — в хозяйстве пригодится — природу: возможно, и теми же словами. Помните: «То есть как же в тюрьму? Было б за что, пошел бы, а то так... здорово живешь... За что? И не крал, кажись, и не дрался...» Скорее бы...

Алексей ГАБРИЛОВИЧ

ЭРОТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Предложение было столь неожиданным и исходило от столь авторитетного кинематографиста, что я буквально остолбенел, стоя у телефона. Предлагалось написать сценарий и срежиссировать часовую эротическую видеопрограмму. Представив себя на съемочной площадке окруженным обнаженными моделями, я едва ли не выронил из рук телефонную трубку: «Эротические фильмы — дело молодых... Мне неудобно и не по летам заниматься киноэротикой...»

Мне возразили: «Нужны остроумные, яркие, легкие сюжеты, смонтированные рукой мастера в единую развлекательную программу. Ты с этим справишься».

Последнюю развлекательную программу, «Голубой огонек», я делал двадцать с лишним лет назад. С тех пор, занимаясь документальным кинематографом, не помышлял ни о шоу, ни о клипах, о чем и доложил

своему собеседнику.

Тем не менее меня попросили с ходу не отказываться и пошевелить мозгами... Пошевелив, я с удивлением обнаружил, что в голову стали приходить сюжеты, о которых в недалеком прошлом я и помыслить бы не посмел... Помню, как вырезали у меня из документального фильма хроникальный кадр с ударницей тридцатых годов, моющейся под душем после работы. Величайшей крамолой на телевидении считался показ обнаженного женского тела, а об эротических сюжетах никто и не заикался. И вот, точно выпущенный из клетки, я начал сочинять нечто, увы, не подходящее программе моего авторитетного коллеги. Написанное, скорее, напоминало заявки к сценариям фильмов. Тут было и выдуманное, и документальное...

Вниманию вашему предлагаются четыре наброска.

Контактный телефон

Из газет. Объявление: «Фирма «Елена» предлагает услуги домашних контактных телефонов сексуального доверия. Готовы отвечать на звонки с 9 утра до глубокой ночи».

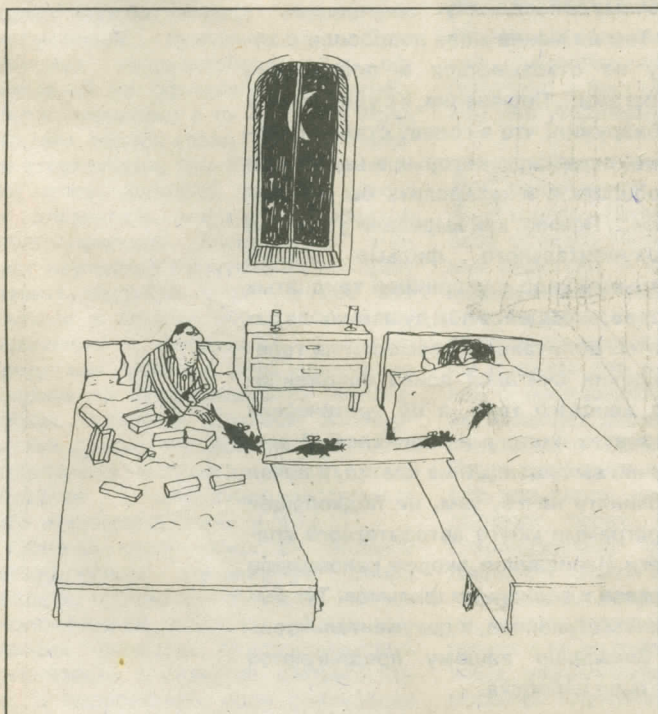
«Алле! Слушаю вас!» — голос женщины, ответившей на телефонный звонок, нежен и мелодичен.

В ответ в трубке хрип, бессвязное бормотание, а потом мужской голос, преодолев волнение, начинает излагать проблему... Сексуальную проблему. Суть в том, что он, тот, кому принадлежит голос в телефонной трубке, изнемогает от желания, но достойной внимания партнерши не находит. Быть может, по телефону он сумеет, хотя бы частично, удовлетворить свои сексуальные притязания и облегчить душу разговором с приятной дамой.

Дама, ответившая на телефонный звонок, внешне мила, хоть молода не слишком. Комната, из которой она ведет разговор, ничем не примечательна, жилище семьи среднего достатка... Вокруг столика с телефоном и кресла, в котором сидит дама, течет обыкновенная домашняя жизнь. Свекровь на кухне жарит котлеты, сын в соседней комнате мучает урок по математике, муж, унылый, как все мужья, находящиеся в лоне семьи, шелестит газетными страницами.

Тем временем женщина продолжает телефонную беседу. Говорит она полупшепотом, тем самым воркующим голоском, каким принято говорить на интимные темы. Но, по временам, прикрыв ладонью мембрану, она отдает властные распоряжения домашним: свекрови не пережарить котлеты, мужу — не шуршать газетой, сыну — не отвлекаться от задачника.

Возвращаясь к телефонной беседе, снова переходит на интимный полупшепот. Мы едва слышим произносимые ею фразы: «...А теперь я расстегиваю последнюю пуговицу халата... Снимаю его... Обнажается грудь... Я глажу соски...

Они набухают от прикосновения моих тонких пальцев...» В этот момент в комнату вваливается сын. У него не сходит ответ в задачке. Минуту отца, профессионального гуманитария, ни черта не смыслящего в математике, он направляется с тетрадкой к матери...

— Оставь ее, — шипит отец, — не видишь, человек занят!..

— Но у меня ответ не сходится, — хнычет пацан, — завтра точно пару схвачу...

— Ты уже схватил пару кроссовок за пятнадцать тысяч и джинсы за двадцать!.. Кто купил их тебе?! Мать! А ты работать ей мешаешь... Лезет, понимаешь, со своей дурацкой задачей!.. Марш к себе в комнату, чтоб духу твоего тут не было!..

Вечер. За окнами сырость и тьма. Выключен телевизор. Сын и свекровь укладываются спать. Готовятся ко сну супруги, равнодушно развернувшись спинами друг к другу. В доме воцаряется тишина. И когда, казалось, ничто уже не может нарушить покой, раздается телефонный звонок. Покорно муж слезает с кровати и идет на диван, прихватив подушку. Женщина снимает трубку. Ее рабочий день продолжается...

Секс-шоп

Они познакомились в поезде, понравились друг другу и договорились, что время в Москве проведут вместе. Как порешили, так и сделали.

Сперва побывали в обновленной Третьяковке. Потрясенные, долго стояли у картины «Иван Грозный убивает своего сына». Полотно произвело сильнейшее впечатление. Часа два толкались в ЦУМе. Прожевали по вялому бифштексу в «Макдоналдсе», заплатив за обед немислимые деньги. Но в целом Москва им нравилась. Он предложил ей сфотографироваться рядом с фанерным Ельциным, стоящим на Пушкинской площади, она отказалась — неловко. Потом они еще бродили по городу и совершенно случайно оказались в одном из переулков, возле магазина с таинственно зашторенными окнами.

Что в цивилизованном мире не вызывает удивления, для нас — чудо. Одно из таких чудес — открытие в столице специализированного магазина, так называемого «Секс-шопа». Что это за чудо-магазин? Ну, магазин как магазин, только вместо кукол, жиров и трикотажа торгуют там предметами, способствующими сексуальному развитию и половой активности граждан.

Вот в такой магазинчик, недавно открытый, занесло наших молодых людей, приехавших из провинции в Москву полюбоваться главным городом страны.

Продавщица, женщина средних лет, приветливо встретила посетителей. В зале было пусто, прохладно, пахло дешевым дезодорантом...

Увидев выставленный в витринах товар, молодые люди в ужасе рванулись к выходу, но энергичная продавщица преградила путь и, подхватив под руки, повела в глубину зала.

— Не надо, не надо смущаться, — говорила она нараспев, точно читающий стихи поэт. — Перед вами предметы, столь же необходимые в быту, как чай или кофе к завтраку, как уют, как кастрюли для приготовления пищи... К примеру, вибратор... его можно употреблять...

Не будем длить монолог продавщицы, передадим его пантомиме... Объясняя назначение товаров, она с живостью показывала, как пользоваться ими, и была столь выразительна в жестах, что, казалось, копирует симфонический оркестр, повторяя движения скрипачей, виолончелистов, флейтистов, улавливая в них некую сексуальность. Молодые люди, пребывающие сперва в величайшем

смущении, под влиянием артистической дамы, понемногу стали приходить в себя. Перед их мысленными взорами замелькали эротические картинки, полностью не вытеснившие, впрочем, впечатлений от произведений Репина.

Продавщица предлагала потрогать, пощупать предметы, но молодые люди отдергивали руки, точно опасаясь ожога.

И все же настойчивая женщина уговорила купить предмет, на который они и взглянуть-то стеснялись... Под впечатлением не меньшим, чем от Третьяковки и «Макдоналдса», оглушенные увиденным, молодые люди покинули магазин.

А продавщица, расставив по местам потревоженный товар, вернулась к кассе-конторке, вытянула из-под прилавка полиэтиленовый пакет с клубками шерсти и спицами и, вздохнув, принялась довязывать носок внуку на осень...

Между тем наши молодые герои, забыв о приличиях и правилах, принятых в провинции, неистово целовались в сквере, на глазах у многочисленных прохожих. Купленный в магазине предмет, выпав из оберточной бумаги, валялся в пыли под лавкой, пока его не подхватили мальчишки, распорядившиеся им как футбольным мячом...

Баня

Кто из нас, несовершеннолетних «половых разбойников» и лоботрясов, не мечтал хоть одним глазком заглянуть внутрь женской бани. Помню прокорячивали оконца в матовых стеклах, сверлили дырки в фанерной стене и, нетерпеливо отталкивая друг друга, приклеивались к проделанным щелям.

В памяти остались обнаженные женские тела, как рыбы, плавающие в парном чаду. С той поры сохранилась охота проникнуть в женскую баню, хоть, не скрою, были в моей жизни случаи совместного, так сказать, мытья с дамами в привилегированных саунах. Но это совсем иное.

Как-то промелькнул по телевидению сюжет о женской бане, где полуобнаженная домохозяйка рассказывала что-то, чего я не запомнил. А мне пришла идея снять эротический сюжет о самой бане, не документальный, художественный...

Представьте, какое разнообразие пикантных сцен можно выудить в бане из самых, казалось бы, невинных ситуаций.

...Красотки, неистово хлещущие друг друга березовыми вениками в парной. Это не мужская парилка, тут другой подтекст.

Мыльная, где женщины охотно трут друг другу не только спины. Бассейн с обнаженными нимфами... Массажный стол с гигантом массажистом... Девушки, украдкой целующиеся за шторками раздевалок...

Велик тут выбор для интимных знакомств. Многие, пощипывая бани, преследуют именно эти цели. Отсюда сексуальное напряжение, осязаемое во всем: в походке, наклоне, постановке руки, ноги, бедра...

Сюжет заканчивается возвращением домой женщины, распаренной и утомленной после длительного пребывания в бане. Вид разомлевшей супруги вызывает у мужа желание, и он законно пытается овладеть ею. Но не тут-то было. В ее воображении иные чувственные картины, и грубая мужская ласка ей претит. Она сталкивает его с лужа, и он, обиженный, уходит в другую комнату, проклиная постылую семейную жизнь. А она засыпает счастливой. И снится ей баня.

Старый анекдот

Этот анекдот бородат, но у меня и в мыслях нет обрить его, выдавая за свежатинку. Вспомните, сколько «бородастых» анекдотов воплощено на экране. Это особенно заметно в киношной среде, где из уст в уста передаются одни и те же байки, анекдоты, а потом мы их видим и слышим в фильмах.

Вот и я решил записать старый анекдот, ощущая в нем смысл и форму, пригодные для поставленной задачи — создания эротической видеопрограммы.

Итак, художник пишет обнаженную натуру — прелестную девицу, сексуально возлежащую на алых или синих, цвет покрывал к анекдоту отношения не имеет. Сеанс длится уже несколько часов. Устал художник, устала натурщица... Надо бы отдохнуть, попить чайку. И художник предлагает девушке накинуть халатик и организовать легкий перекус, на что она охотно соглашается. Нарезав сыр и колбаску (художник человек состоятельный), они мирно болтают на кухне, жуя бутерброды. Ни тени, ни намека на секс.

Внезапный звонок в дверь приводит художника в ужас: «Это жена, — шепчет он, — быстренько раздевайся!». Иначе — скандал!»

Натурщица в темпе скидывает халатик и занимает место на ложе любви.

Входит жена, нагруженная покупками и раздражением. Оглядев мастерскую и увидев обнаженную женщину на красном-синих покрывалах, облегченно вздыхает:

— Наконец-то делом занялся, паразит!.. А я-то думала опять жрет водку с лифтершей под лестницей...

Рис. В. Сысоева

Фото О. Чумаченко

Юрий
Живаго —
В.Золотухин**«ВСЕМ!» В КУБЕ****«Живаго (Доктор)»
Театр на Таганке,
реж. Ю.Любимов**

«Музыкальная притча по мотивам романа «Доктор Живаго» и поэзии разных лет Б.Пастернака, А.Пушкина, А.Блока, О.Мандельштама» есть столь же убедительное, сколь и прискорбное свидетельство возможности отлить в высокоорганизованную сценическую форму целое собрание несуразностей. Вихрь войн и революций — и мелодраматическая история о выборе между двумя близкими женщинами, громоздкие метафоры, обращающие лопаты в рождественскую елку, кулисы в ветер на всем белом свете, простыни в госпиталь, длинную откидную доску в стол и плаху — и раздумчивые психологические монологи; лирические стихи, распеваящиеся на манер какого-то григорианского хорала, — и длинные прозаические периоды, втиснутые в короткие попевки; «мы живем, под собою не чуя страны» голосом Сталина — и «любви все возрасты покорны» без Чайковского, — вся эта монументальная смесь эпопеи с мениппеей превращает спектакль поистине в curiosity supermarket — магазин курьезов. Мыслить исключительно метакатегориями, не произносить иных слов, как только «история», «человечество»,

«христианство», — и бросать с какой-то мелочной досадой в зал, что вся его, преданного зала, ценность в том, что он живет одновременно с персонажем В.Золотухина: может ли быть что-то более удручающее, чем вид этого брехтовского театра, который терпеть не может своего зрителя, послушно ждущего поучений? «Послушайте!» — взывает театр Любимова, как и 16 лет назад. Но, как и автор того «поэтического представления», театр Любимова никогда не мог помыслить в качестве адресата толпу числом меньшую, чем 150 000 000, и сегодняшнее его послание по-прежнему обращено:

«ВСЕМ!

ВСЕМ!

ВСЕМ!»

Однако «все» — это лишь редкий зверь, занесенный в большую Красную книгу тех времен, конец которых «был уже, а не еще предстоит» (Б.Пастернак).

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

**ПОЭЗИЯ,
ДЕМОКРАТИЯ И
КОМСОМОЛ****«Турнир поэтов»
газеты «Московский
комсомолец», Лужники**

Власть в искусстве прочно захватила элита, но изредка перепадает кой-что и простым смертным, вскормленным на лозунге «Искусство принадлежит народу». Ежегодно предоставляет шанс поэтам

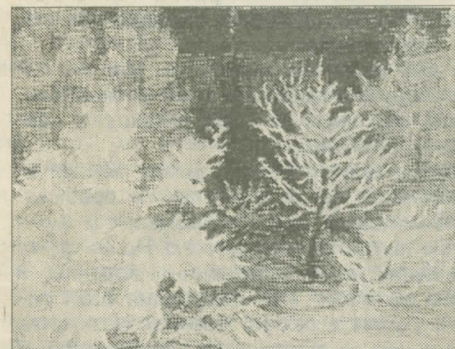
из народа самая демократическая газета «Московский комсомолец», чей комсомольский задор в этом году был усугублен ведущим — поэтом С.Мнацаканяном (в прошлом известен как писательский комсомольский вожак и составитель трогательно всеядных сборников типа «Стихи сегодня»). Демократии, правда, при этом поубавилось: графоманам-любителям пришлось подождать, пока выступят графоманы-профессионалы (для разнообразия, впрочем, были и просто профессионалы, но один из них — Денис Новиков — не смог вспомнить ни одного своего текста). Ну да любители своего не упустили — а было их без малого 90. Радовала всеобщая лиричность (политическая тема ушла совсем, если не считать одной милой баллады о бревне, несомом Ильичем), — и, пожалуй, это все, что радовало: количество в качестве не перешло, общая тенденция — с каждым годом все хуже — сохранилась. Были, конечно, исключения, в целом, однако, зрелище было удивительно мутное — настоящий праздник поэзии «Московского комсомольца».

Итар ТАССОВ

**ВИЗИОНЕРСКИЕ
ОПЫТЫ****Выставка
Н.Барботченко
ЦДХ**

Она живет на 13-м этаже. Из ее окна Москва похожа на сделанную в спешке

инсталляцию из кирпичей. Вертикальные стены, горизонтальные крыши и очень много неба. И рисует она только вертикальными и горизонтальными линиями, сверяя глаз и руку по тому пейзажу, который каждый день наблюдает за окном. Одинаковой длины штрихи положены с аккуратным нажимом. Они идут строго сверху вниз или слева направо — похоже на пелену дождя. Туман съедает мелкие подробности, и контрастные тени дают представление только об общих местах композиции. Собственно, эти рисунки и есть одно «общее» место и время — длинный солнечный летний день, заполненный прогулками, собиранием цветов, разглядыванием себя в зеркале, рисованием, размышлениями о необязательных планах на будущее, праздностью. Возможно, в календаре нет его точной даты, он распылен в десятилетиях по часам и минутам. Но осталось ощущение спокойствия и счастья — его как раз и припоминает, рисуя милые домашние предметы, Наташа Барботченко. Она мистифицирует реальность и ординарный быт. Обволакивающий свет переносит действие в иное измерение, будто мир, изображенный на листе, не списан с природы, а самопроизвольно возник или явлен во мгновение внутреннего прозрения. Визионеры XIX века искали вдохновение в «Песнях Оссиана» и в преданиях о Великом потопе. В отличие от символистов современный художник в построениях мистического мира отталкивается от самых непосредственных впечатлений реальности. Это

Н. Барботченко
Зима. Из серии
«Челюснинская»

визионерство корнями своими уходит в опыт московского концептуализма, находившего необъяснимо странными действия социальных и культурных механизмов. Но мир, окружающий Наташу, загадочен и необъясним не потому, что устроен неправильно, а потому, что он априори непознаваем, и в этом его суть.

...Из окна 13-го этажа дома кажутся перевернутой каменной короной, неправильно надетой на голову неба.

Людмила ЛУНИНА

ВАЛЬС ДЛЯ ШВАРЦЕНЕГГЕРА

«Соло»
Программа
Санкт-Петербургского
ТВ, реж. М.Чудина

Те, кто помнит и любит гениальный — особенной тихой гениальностью — фильм Киры Муратовой «Долгие проводы», помнят и его звуковую эмблему, может быть, даже символ — долгий, тихий и как будто простой фортепьянный наигрыш, накрепко связывающийся с трогательно стареющим лицом героини блистательной З.Шарко... Теперь мы знаем, кто его автор — композитор Олег Каравайчук. Ничего особенного за 45 минут экранного времени в посвященном ему фильме «Соло» не происходит: Каравайчук идет по лесу, никак не может включить телевизор, рассказывает милые байки... Играет на рояле свои пьесы, обрывая на полутакте и спрашивая у камеры: «Ну, как получилось?» Но постепенно незамысловатые мотивы, странный маленький (дунь — улетит) человечек в берете, чуточку преувеличенно взмахивающий руками над клавиатурой, его причудливая тень на заднике — все складывается в некую магию, в некое особое синтетическое искусство, главное произведение которого — он сам. Это, что ни говори, редкость. И отсюда — не только безупречный вкус нехитрых мелодий, но и «творительное» их начало.

Так что, когда Каравайчук говорит о своем вальсе: «Это должен танцевать Шварценеггер. Я уже слишком тонок», — невольно верится, что от этой музыки тает дикое мясо мускулатуры, освобождая тело для души.

И.Т.

ЗАЯВКА НА МЫЛЬНУЮ ОПЕРУ

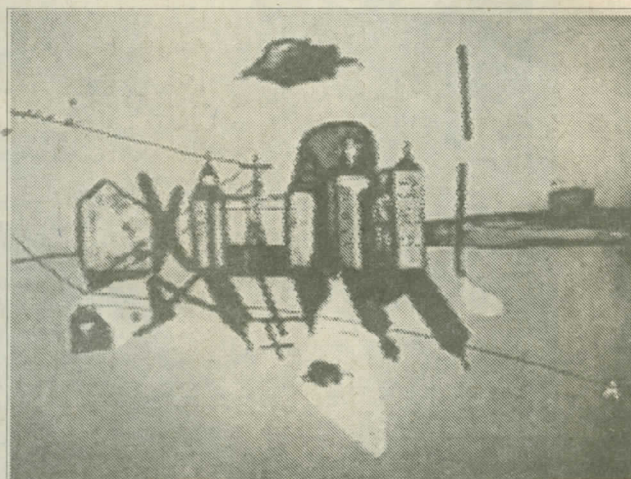
«Очень верная жена»
К/ст. «Ритм»
киноконцерта
«Мосфильм»,
реж.В.Пендраковский

Сценарий этого фильма вполне мог бы стать основой отечественной мыльной оперы (если иметь в виду, что псевдожизненность и явная бредовость сюжета — залог массового успеха). Однако, не будучи разложенной на крупные планы невесты о чем задумавшихся героев и бесконечные диалоги побочных персонажей, поясняющие, о чем же они задумались, эта история много потеряла. А жаль. Представьте: 1-я серия — мезальянс юной героини-горожанки и юного героя-без-роду-без-племени, во 2-й серии она уже ждет ребенка, а в 3-й он пытается заработать денег, дитя рождается в 4-й, и, слава богу, мать не подарила его первой встречной в 5-й, однако в 6-й серии папа младенца оказывается на скамье подсудимых, причем уже к 7-й никто из зрителей не может вспомнить за что, с 10-й по 25-ю серию юная мать и очень верная жена демонстрирует свое чадолюбие и верность, отвергая домогательства модного журналиста-международника, которому перепечатывает на машинке будущий бестселлер, и только к 30-й выясняется, что из-за всех неудач героиня стала прикладываться к бутылке; в 50-й серии журналист наносит героине внезапное и сногшибательное предложение прямо послезавтра вылететь к аборигенам Австралии, но, поведив пару серий пальчиком по контурной карте загадочного континента, очень верная

жена покупает билет в солнечный Магадан и едет на свидание к мужу; на исходе 69-й серии зрителя ждет страшное потрясение — неверный муж, отбывая «химию», завел себе женщину раза в два старше и раз в пять толще... На этом пересказ можно прервать. Титр «конец» в фильме Пендраковского уже близок, но аморфный финал предполагает возможность ставить вслед за ним запятые до изнеможения. К сожалению, серия у «Очень верной жены» всего одна, поэтому 76 минут экранного времени не пролетают незаметно.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

домики и трамваи остались в прошлом. После зарубежных поездок художника возникли иные живописные проблемы. Появилась необходимость не только разбрасывать черновицкие камни, но и собирать из них концептуальные инсталляции. Новые времена, новые впечатления, новые приемы. Жаль, конечно, что больше нет трогательных наивных картинок — в них было больше трепета, больше надежды. Последние работы смелее и изощреннее, но, стоя перед некоторыми из них, ловишь себя на мысли, что они могли бы висеть в любой европейской или американской галерее

Б.Тутельман. Пейзаж с трамваем

АПЕЛЬСИНЫ ИЗ ЧЕРНОВИЦ

Выставка Б.Тутельмана
Галерея «А-3»

Я по-прежнему согласен со своей старой статьей «Провинциальный Ренессанс» о Брониславе Тутельмане, чья выставка недавно прошла в галерее в Староконюшенном переулке. И с цитируемым в ней Ильей Кабаковым тоже согласен: «Апельсины в Черновцах вроде бы расти не должны». И не растут. Один только Тутельман таков — экзотичный, восприимчивый к мировому искусству XX века, трогательно провинциальный и напористый. Но одинокие

средней руки и не быть подписанными именем этого конкретного художника. Может быть, это плата за «всемирную отзывчивость» Бронислава? Вернется ли он на новом этапе к своим первоначальным качествам уникального «черновицкого апельсина»? Как знать. Во всяком случае, он решает эти болезненные для каждого вырвавшегося на мировой простор художника вопросы в рамках искусства, избегая обычной коммерческой суеты.

Вильям МЕЙЛАНД

Петр ТОДОРОВСКИЙ:

«Я В РЕЖИССУРЕ ДИЛЕТАНТ»

Петр Ефимович Тодоровский — страшно сказать! — один из старейших наших режиссеров. Вернее, в таком порядке — фронтовик, кинооператор, режиссер, сценарист, актер, автор песен. Член правления Союза кинематографистов СССР, член партии с 1945 года, лауреат многих кинофестивалей, народный артист РСФСР, заслуженный деятель искусств УССР. На сегодняшний день, пожалуй, актуальными остались только приз в Венеции и профессия «режиссер». Прибавилось — отец

кинорежиссера Валерия Тодоровского. Ни убавить ни прибавить к тому, что как оператор он работал с Марленом Хуциевым («Весна на Заречной улице», «Два Федора»), а как режиссер снял двенадцать фильмов, среди которых «Верность», «Городской романс», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Военно-полевой роман», «Интердевочка». Последняя из наград Тодоровского-старшего — гран-при Открытого российского кинофестиваля (Сочи, 1993 г.) за фильм «Анкор, еще анкор!».

— Можно сразу вопрос «под дых»: зачем вы героя своей «военно-полевой трилогии» под занавес развенчали? Я имею в виду вашего главного героя — юного фронтовика из фильмов «Верность», «Военно-полевой роман» и теперь — «Анкор, еще анкор!».

— Что значит «развенчал»? Да ни в коем случае. Конечно, по сравнению с другими фильмами трилогии, как вы ее называете, «Анкор...» несколько иное кино — жизнь ведь не стоит на месте, человек с годами черствеет, из него что-то юношеское, лирическое уходит, но... Я никого не «развенчивал» — героев своих люблю по-прежнему, это люди из моей жизни.

— Раз так, давайте поговорим о вашей жизни. Предположим, я о вас ничего не знаю, увидел вчера ваш последний фильм, он мне понравился, и я решил встретиться с режиссером. Вы ведь, наверное, во ВГИК поступали на режиссерский или актерский факультет, но что-то не сложилось, поэтому окончили операторский?

— Нет, что вы — поступал именно на операторский. Во-первых, перед войной я довольно настойчиво занимался фотографией. Знал, что есть такой институт кинематографии. Вообще-то я — типичный провинциал из маленького городка тысяч на двенадцать жителей... А потом война грянула. В эвакуации я был в колхозе, в Саратовской области, потом — Саратовское военно-пехотное училище. Ну, это, я думаю, не интересно...

— Как это не интересно? Ведь ваши герои — и Володя Полетаев из «Анкора...», и Юра Никитин из «Верности» — с такой же судьбой: курсант Никитин как раз из Саратовского военно-пехотного ушел в первую атаку.

— Вы и такие подробности помните? Конечно, любой режиссер берет на вооружение свой жизненный опыт, биографию, окружение. Знаете, я настоящего кинооператора впервые увидел в 45-м, на штеттинском плацдарме, у Одера: дней шесть или семь головы из окопа нельзя было поднимать, потом чуть стихло, и, помню, ранним утром — туман, рассвет, март месяц — мы осмотрелись и решили к Одеру сходить, а на обочине — грузовичок, с него военный в плащ-накидке соскочил и камеру на нас наставил. Мы грязные, среди нас раненые, а я подумал: «Ведь он нас на века снимет — какая замечательная профессия!» И загадал: если жив буду, стану оператором. В 48-м демобилизовался, собрал какие-то свои фотографии и поехал поступать в институт — естественно, никаких порядков и условий не знал, провалился. Вер-

нулся к родителям в Херсон и пошел работать в ФЗУ, но фотоаппарат с плеча — или с груди? — не снимал, еще у художников брал уроки: ведь на операторском экзамен был по рисунку, натюрморт надо было нарисовать, сделать наброски с натуры какие-то... Поступил. На курс Бориса Волчека. Превосходный курс оказался: Вадим Юсов, Герман Лавров, Йонас Грицюс, Леван Пааташвили, Радик Василевский, с которым мы потом вместе начинали в Молдавии, а в Одессе «Весну на Заречной улице» снимали...

— А кто на вас повлиял, чтобы вы начали заниматься режиссурой, — Волчек или Хуциев?

— Вы знаете, пока я в операторах ходил, был человеком легким, веселым, компанейским. Такой беззаботный холостяк: гитара, песни... И про меня думали: ничего серьезного он сделать не сможет. Хуциев даже не предполагал, что я смогу стать ре-

жиссером, а вы про «влияние» говорите! Был у меня авторский вечер, с «Военно-полевым романом». Потрясающая компания собралась — Хуциев, Чурикова, Окуджава, — и Марлен сказал фразу, которая это подтверждает: «Сколько лет Петю знаю... Но никогда не поймешь, с кем дело имеешь!» Так что о влиянии говорить нечего.

Но мне очень повезло в том, что в Одессе было у меня замечательное окружение, общение — тогда там вообще было хорошее время! Мы жили в общежитии, друг другу отснятый материал показывали. Но потом, когда уже сделали по первой картине, одному премии посыпались, пресса писать стала, а у другого — неизвестно что... Страсти пошли, разделение, разбежаться стали из Одессы — и «одесский ренессанс» закончился как-то сам собой. Мне предстояло работать с режиссерами, мягко говоря, неинтересными, а я уже

Две семьи героя Валентина Гафта
На съемках фильма «Анкор! Еще анкор!»

Фото И.Гневашева

потихонечку писал. Понимаете, «звенело» что-то во мне: я обязательно должен снять фильм о своем погибшем друге. Чувствовал, если это удастся сделать, моя жизнь оправданней, что ли, станет. И эпизоды из фронтовой жизни я записывал, но надо же из них для кино сценарий выстраивать. А честно сказать, во ВГИК я пришел таким «дубовичком», с интеллектуальным запасом неполной средней школы провинциального городка, и мне очень сильно пришлось сверстников догонять. Когда кончился «одесский ренессанс», я прочел «Будь здоров, школяр!» Окуджавы. Подумал, что его герой близок моему, которого я вымучивал. И мы вместе написали сценарий фильма «Верность». Этим фильмом, считаю, я вполне серьезно заявил о себе как о режиссере: фестивали пошли, премии, Венеция была! После этого меня Гриша Чухрай пригласил в Экспериментальную студию, которую он пытался организовать на самофинансировании, — сегодня все так работают, а тогда начальству эти наши финты очень не нравились. На этой студии я снял «Фокусника» — с Володиным имел счастье работать, с Гердтом, Аллой Ларионовой, Женей Леоновым... Картину, правда, никто практически не видел, но для меня это было школой: с одной стороны, я постигал для себя, что такое мир искусства, а с другой — нарабатывал такт, вкус, умение общаться с группой, с актерами, с людьми. Что может быть интереснее человеческих отношений! Вот в «Анкор...», например, я просто показывал

отношения людей... И никого я там не «развенчивал».

— Я всего лишь имел в виду, что вы к финалу самоубийство героя приберегли — разве можно так с любимым-то героем! Да и у других не оставили никаких надежд на будущее, а значит — у зрителя тоже. А хотелось вам когда-нибудь снять не кино о человеческих отношениях, а нечто философски-обобщенное?

— Да никогда в жизни! Я просто не смогу снять кино, в котором надо быть НАД событиями. Я пытаюсь рассказать только о том, что меня лично волнует. У меня никогда не получится «жесткое» кино...

— А «Интердевочку» вы к таким фильмам не относите?

— Ну, это прокол мой просто капитальный! Я тогда сел писать «Анкор...», ходил кругами по Матвеевскому, «заводился» и вдруг подумал: ну что же это у меня все один и тот же мальчик-фронтвик из фильма в фильм переходит, возьму-ка я совсем неизвестный мне материал, «жесткую» историю, профессионал я, в конце концов, или нет? И сделал зигзаг в своей судьбе — начал работать над «Интердевочкой» по сценарию Кунина. Хотя у меня для такого жизненного материала душевных ресурсов не было: ни в памяти ничего, ни подробностей, чтобы актерам подсказать. Мне это кино физически трудно было снимать. Такой же случай был с экранизацией «Последней жертвы» Островского. Но тогда все-таки было ясно, почему мне необходимо сде-

лать этот фильм: мы перебирались из Одессы в Москву, и картина была условием моего вхождения в штат «Мосфильма».

— А где вам лучше работалось — в Москве или в Одессе?

— Во-первых, Одесса мне дала путевку в жизнь, в режиссуру — я же там после ВГИКа пятнадцать лет прожил. Во-вторых, я люблю этот город. Мне там хорошо... придумывалось. Лет пять-шесть я туда из Москвы при первой возможности сбегал — тогдашний директор студии меня на просмотры материалов новых фильмов приглашал, на «юморини» всякие, на КВНЫ ездил. У меня там, кроме студии, еще и другая жизнь была. Я там... обласкан был! И хотя в Москву перебрался, все равно остаюсь весь из того нашего «одесского ренессанса».

— Можно интимный вопрос? Как вы относитесь к режиссеру Валерию Тодоровскому?

— О! Это не интимный, а сложный вопрос. Я очень доволен сыном, его работоспособностью. Он ведь писал, много писал, очень много писал! Но я никогда не предполагал, что он станет режиссером. Как на духу: я узнал, что ему предложили делать картину как режиссеру, совершенно случайно, стороной. Захотел поехать в Ялту, посмотреть, как он работает, а он мне: «Ни в коем случае, будут говорить, что ты меня консультировать приехал». Ни сценарий не дал прочесть, ни к монтажной не подпускал. Хорошо ли, что он стал режиссером? Ну, ему это нравится, дай-то Бог! А для меня сейчас сын — первый советчик. Это же совсем другое поколение, иное художественное мышление, другая манера воспроизведения жизни на экране. Например, его фильм «Любовь» — он так с материалом работает, как я себе до сих пор позволить не могу: над ним нет груза «школь», «саморедактуры». Хотя... я тоже режиссуре не учился. Я ведь дилетант.

Геннадий СУХИН

ЛЮБОВЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

«После полуночи»

США, реж. Ян Элиасберг

Очень неплохой детектив. Герой, осужденный за убийство беременной жены, которого он не совершал, выходит из тюрьмы. И сразу же встречает работницу социального обеспечения, которая: во-первых, пытается помочь ему адаптироваться в новых условиях, во-вторых, немедленно влюбляется в него и в-третьих, начинает самостоятельное расследование того давнишнего убийства. Как вы уже догадались, победа ждет ее на всех трех направлениях. Фильм, безусловно, украшает блестящий дуэт Рутгера Хауера и Наташи Ричардсон.

Рутгер Хауер

ПЕТЕРБУРЖСКИЕ СТРАДАНИЯ

«Танец смерти»

США, реж. Грейдон Кларк

Менахем Голан — глава американской кинофирмы «XXI век» активно осваивает российский рынок. То сам кино в дешевых московских интерьерах снимет («Убить Голландца»), а то какому-нибудь другому режиссеру доверит. Например, Грейдона Кларка в Петербург отправил, где тот по дешевке нечто среднее между хичкоковским «Психо» и «Десятью негритами» Агаты Кристи сотворил. Только вместо негрита юные балеринки, за которыми весьма успешно охотится

маньяк-балетмейстер. И все бы ничего — очередной детектив средней паршивости получился, если бы не исполнительница главной роли — дебелая девушка средних лет, танцующая классические балетные партии с грациозностью слона в посудной лавке. Честное слово, после ее батманов невольно начинаешь понимать, что искусство требует жертв, и очень сопереживаешь этому самому маньяку.

ТРОЕ В МАШИНЕ, НЕ СЧИТАЯ ПЬЕСЫ

«Имбирный лимонад»

США, реж. Рафал Зелинский

Чувствуется, что у создателей этой ленты было очень мало денег, но очень много желания снять хорошее кино. Поэтому они взяли пьесу с всего тремя действующими лицами, действие которой происходит в одном интерьере — на автостоянке. И так, жена, муж, его любовница. Жена беременна, муж без работы, любовница — молоденькая дурочка. И бесконечные монологи, в которых от любви до ненависти один лишь шаг, но и наоборот тоже. Что поделаешь — такова жизнь. И в этой безыскусственности и простоте таится удивительная притягательность и теплота фильма.

ЛЮДИ И СТРАСТИ

«Южане»

США, реж. Дэвид Биард

Давно не смотрел такой великолепной комедии, густо

населенной забавными персонажами, парадоксальными ситуациями, отточенными диалогами. Маленький городок на юге США. Священник, опаздывающий на бракосочетание по причине нахождения в объятиях проститутки. Невеста, убегающая от жениха в первую брачную ночь по причине слишком бережного отношения к собственному девичеству. Ее папа, на пару с женихом уговаривающий чадо исполнить свои супружеские обязанности. Добропорядочная жена, выясняющая у местной Мессалины, чем же та так приворожила ее мужа. Спившийся актер, объясняющий бармену — поклоннику джаза — прелесть классической музыки. Это просто сюжетные линии, а что за ними и в них — не могу пересказать, это нужно видеть, что я вам настоятельно и рекомендую.

БЕСТСЕЛЛЕР—2

«Там, где лежат спящие псы»

США, реж. Чарльз Финч

Те, кто помнит фильм «Бестселлер», в котором наемный убийца, не

лишенный тщеславия, помогал писателю создавать правдивый роман о самом себе, легко вычислят сюжетные развязки и этого фильма. Писатель, находящийся в творческом кризисе, поселяется в доме, где совсем недавно некий не найденный до сих пор маньяк зверски вырезал целое семейство. А потом в доме появляется застенчивый, милый, услужливый человек, изо всех сил помогающий писателю правильно понять психологию убийцы...

В главных ролях — Дилон МакДермот и Том Сайзмор, а на закуску новая секс-бомба Голливуда Шерон Стоун из «Основного инстинкта». Настоящий психологический триллер, держащий зрителей в напряжении до последнего кадра.

ЗАЛМАН, Я СДАЮСЬ!

«Дикая орхидея. IV ч.

Дневник красной туфельки, II ч.»

США, реж. Залман Кинг и Тибор Такеш

Все. Сдаюсь и признаюсь, что был не прав. После третьей «Дикой орхидеи» был уверен, что тема «она любит одного, а отдается другому, третьему, четвертому и далее везде» исчерпала себя, по крайней мере, в творчестве Залмана Кинга. Ан нет! Он взял себе в сорежиссеры Тибора Такеша и еще раз (на бис, что ли?) затянул свою нескончаемую песнь любви. Я уже не помню, про что фильм. Но уверен, что «дикие орхидеи» бессмертны и будут размножаться со скоростью деления клеток. Бог им судья. Не я.

Фильмы представляет Петр Смирнов

ВИДЕООБМЕН

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ЗАРУБЕЖНЫХ ФИЛЬМОВ-НОВИНОК!
Для граждан — 100 руб. в сутки.
Для организаций по безналичному расчету — 120 руб. в сутки.

Эх, Таганка-балаганка... (предыстория)

Поверженный Карabas-Барабас лежал в луже и горько плакал.

Новый театр сиял, гремел аплодисментами, и каждый день был праздник. Папа Карло выходил кланяться, держась за руки со всеми артистами.

Журналист Минкин написал о нем большую и умную статью.

Освободившийся условно-досрочно кот Базилио стал учить всех с телевизора экономической свободе. Интересно, свой пистолет с ножом и балахоном он уже выбросил или по-прежнему держит в гараже?

Лиса Алиса сменила пиджак кулем на соблазнительную кофточку, подмазала и по-прежнему служит по культуре. Стала любезнее, обходительнее, может с легкой дымкой припомнить былое, но сука все та же. Встречаясь на улице с Пьеро, игриво грозит ему пальчиком — за то, что он свои дурацкие стишки не только сочинил, но и опубликовал миллионными тиражами с указанием подлинных фамилий. Ну да дело прошлое. Город большой, и встречаются они редко.

Все стало замечательно, все занялись своим делом. Грабители стали грабить без участия ограбляемых, что избавило от многих хлопот. Папа Карло — много кататься по большим странам, где человек человеку надежный товарищ и друг. Публика побрела трудиться без отдачи, а куклы — играть спектакли в отсутствие зрителей. После фатальных аншлагов в театре появились распространители.

Буратино стал потихоньку закладывать за воротник, а Мальвина — плакать у подружек.

Тут появился бодрый папа Карло, объяснил всем, как правильно жить, а заодно привез шикарную идею перестройки театра в деревоотделочный комбинат. Новый градоначальник столяр Джузеппе был согласен, подрядчики ждали сигнала.

Буратино поддал и из кустов назвал папу сволочью.

Папа удивился и задумался. Пробовавшего рычать Артемона уволили по статье «нарушение трудовой дисциплины», теперь он ставит неплохие фильмы и ходит франтом.

Арлекин раскинул бубенчиками и перешел к папе — проводить в жизнь его политику. Благо для этого требовалось все так же лупить дубиной несогласных, громко хохоча и поминутно взывая к публике.

Опять получив по хребту, Пьеро вспомнил, что у него уже подрастают внуки, подписан договор в издатель-

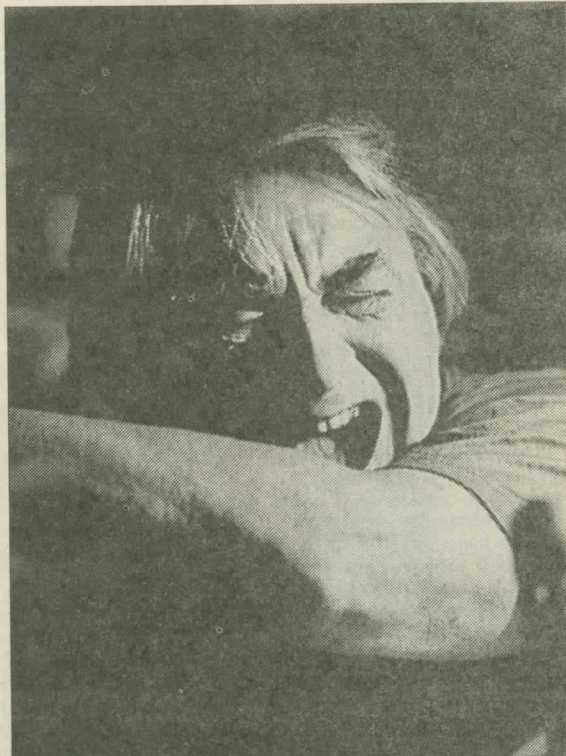

Фото А.Стернина

Раскол в Таганке стал последней стадией краха режиссерского театра 70-х. Симбиоз академизма с гиньолом, площади с библиотекой в 90-х годах оказался абсолютно неуместен: мужик прекратил носить с базара Белинского и Гоголя, разношнуровые тоже ушел из народа и стал все сильнее обособляться, что привело к созданию жесткой сословной морали.

Это больно ударило режиссеров любимоспесивцевской школы, всю жизнь бравших зрителя криком, свечками, тельняшками и прочим полухудожественным электрошоком (последняя попытка поженить оперный театр с борделем была явлена Вячеславом Спесивцевым на конкурсе «Мисс Бюст—93» праздника газеты «Московский комсомолец». Актеров, пытавшихся в перерывах между демонстрацией бюстов читать классические монологи, диким свистом сдули со сцены).

Крушение стиля ранило мэтров особенно сильно еще и потому, что для лидеров театра нахрапа прижизненное обожествление особенно характерно. С возрастом у них начисто пропадает рефлексия и в любой неудаче видятся лишь зависть и интриги, интриги и зависть.

28 июня арбитражный суд г. Москвы документально удостоверил крах, подтвердив решение о разделе театра.

Любимов пригрозил уехать.
Никто не испугался.

Денис ГОРЕЛОВ:

ТАГАНКА- 93:

ХОЛСТИНА С НАРИСОВАННЫМ ОЧАГОМ

стве, — и вежливо отвалил.

Зачинщику Буратино следовало обломать нос, и однажды его не пустили на спектакль с помощью бульдогов-жандармов, которых папа Карло, любимый папа Карло прежде так ненавидел.

Но время не стояло на месте.

Крысу Шушеру назначили главным администратором.

Тихонько умерла Тортилла.

Мальвина за верность своему полуну поплатилась местом и была переведена на зарплату гардеробщицы.

Папа Карло с мэром Джузеппе теперь частенько гоняли чай, обсуждая, какая славная лесопилка получится в фойе.

«Не дождетесь!» — заорал было Буратино мальчишеским голосом, но вдруг почувствовал, что ему уже за сорок и что у него нехорошо с сердцем.

Шел девяносто третий год.

Эх, Таганка-интриганка...

Царей не убивают зря.

Не бывает такого, чтоб без огня, да вдруг дым.

Хоть Николая Романова, хоть Николая Чаушеску, хоть Людовика XVI — не бывает. Семью — сто раз зря, но чтоб на царя столько набожного народу поднять — это очень надо расстараться.

И революции зря не случаются. Просто по закону больших объемов.

Это я к тому, что Юрий Петрович Любимов на Таганке — царь, бог и воинский начальник, и иного и быть не могло, ибо авторский театр всегда жил на диктате.

А на него, помазанника, полтруппы поперло. Почему бы?

Догадайтесь с трех раз.

Догадались? Поехали дальше.

Не бывает расколов в плохих теат-

рах. Оттуда просто уходят хорошие люди, которых не наберется на раскол.

Не бывает расколов в хороших театрах. Оттуда просто удаляют плохих людей, которых тоже не набирается.

Расколы случаются в театрах, бывших хорошими. С репутацией. С волнами былой славы. Со шлейфом людских привязанностей. Касается и газет, и киногорупп, и телередакций.

Сейчас вообще время вчерашних репутаций и былых заслуг. В глазах театральной и читающей общественности конфликт в Таганке выглядит следующим образом: справа — автор антипорнографического указа и исполнитель роли Ленина, краснопереый министр культуры Николай Губенко. Слева — Мастер, Творец, Буревестник революции Юрий Любимов.

Как будто Губенко не ставил «Подрашков», а Любимов не плясал в ансамбле НКВД. А Ельцин вообще был кандидатом в члены Политбюро. Ну и что? Как будто в этой стране есть хоть один человек, который не клялся не верность Коммунистической партии. Забыли, как в пионеры принимают? Прочтите еще раз торжественное обещание.

Между тем в 1989 году Губенко собрал театр по осколкам, помирил сто раз переругавшуюся команду, вернул людей из «Современника». И Любимова в страну вернул тоже он, и поселил в своем, между прочим, доме. Подлый министр культуры, отговаривавший нас ходить на антикоммунистические шествия.

И уж совсем неприлично укорять его теперь, задним числом, за апелляции к светлему уму Леонида Ильича. Человек спасал спектакль, общее дело, никого при этом не резал и не продавал.

А вот Художник-то как раз и бортал труппу не далее как в 1984-м. По-

матросил и бросил.

Тогда это выглядело несколько в ином свете. Гневный голос. Сатрапы. Послушный им народ. Родины лишили.

А результат?

Два зайца на поясе. Там — имяореол-постановки-доллары. Здесь — терновый венец изгнанника. Вернусь — собаку бездомную буду разглядывать, под почтительное щелканье фотокамер.

Ну да. Он возвысил голос — а невыездными-непечатными стали его люди. Работы лишали, закрывая один за другим спектакли, — их. Арестовывали — Смехова. Хоть и на три дня.

За смелый голос командира расплатилась армия. Сегодня многие считают это предательством. «Можно сколько угодно вставать в позу короля Лира, — говорил Леонид Филатов, — только не выходит короля. Лира предали собственные дети, а тут все было наоборот».

Наверно, это было не так. Просто сытый гений не подумал о голодных марионетках. Не захотел подумать. Поступиться граном правды ради какой-то сотни человек с очень маленькой буквы, которые ему абсолютно всем обязаны и почти все ни разу не снимались в кино.

Зачинщик и заступник, способный от Капицы позвонить по вертушке самому генсеку, перешел линию фронта, да и махнул рукой: гори огнем!

И надеяться стало не на кого.

Красная Армия в лице Михаила Горбачева еще только седлала коней.

Лучшие годы нашей жизни

Весь мой десятый прошел под знаком красного квадрата. «Таганка. Вознесенский. Из носа ночью — кровь», — писал тогда в поэтической автобиографии непутевый сын первого зампреда КГБ Сергей Бобков.

Я срывался со всех уроков, мел трюм сцены, помогал костюмерам, таскал ящики с газировкой в буфет, «ты уже убежал, бой!» — не за деньги — за спектакли. Грузил мусорку, раскатывал ковровые дорожки, кормил петуха, ветерана сцены, партнера Высоцкого по «Гамлету». Петух орал. Ему курятинки хотелось.

Кровавые капли текли по белой двери, отгородившей Раскольникову от людей. Прямо в морду светили фонарем вахтеры Дома на набережной. Пять Пушкиных — Филатов, Дыховичный, Золотухин, Джабраилов, кто еще? — облепив почтовый экипаж, стремглав неслись в ссылку, не переставая лорнировать сидевших в партере дам с коленками.

Программки уже выходили шершавые — наспех настриженные без имени главного. Режим всюю наби-

рал штрафные очки в глазах юного комсомольца. Этот театр, этот режиссер делали из меня — меня.

На третий день службы в жутком чеченском полку ко мне подошел черпак-тяжелогоубичник из Киева и спросил: «Ты москвич, который смотрел «Мастера и Маргариту» на Таганке?» Мы дружили всю армию, дружим и сейчас.

Не все так просто.

Нелучшие годы нашей жизни

Не все так просто.

Филатов говорит: «Бергман был изгнан за неуплату налогов в стране, где Бергман был один. И никто не возмущался. Потому что налоги надо платить».

Сегодня в гражданской войне со своим полцарством Любимов пользуется некорректным, зато неотрашимым аргументом: «Я — Любимов!»

Трудно спорить.

«Где были вы, молодые, те журналы, что пишут сейчас о Таганке, когда я, Сахаров, Солженицын двигали эту стену?» — так примерно заявил он в ночном выпуске «Пресс-экспресса».

Ну, во-первых, весь сезон—91, когда холодная война закончилась и в стране настал черед встречного боя, здесь были мы, молодые, тогда как Юрий Петрович прохладился на мальорках, коротая время в ультиматумах советскому правительству — до каких пор он в эту страну не вернется. Не приеду в Россию, пока в Вильнюсе танки, — на тебе, убрали танки. А теперь ноги моей не будет в России, пока у власти коммунисты, — раз — коммунистов нету.

Так барон Мюнхгаузен с Англией воевал: «Предоставили независимость Североамериканским Штатам до четырех часов пополудни? Успели. Их счастье».

Во-вторых, нечего наутро после атаки падать на остывший пулемет. Почему-то Сахаров ни разу не говорил: «Когда мы с Любимовым...» Почему? Потому что Сахарова сослали в Горький, а Любимова в Лондон. Потому что Солженицын, отсидев восемь лет, написал книгу книг, бессмертную прививку от левизны, и был на самом деле вышвырнут из страны — а Любимов, глава антисоветского театра, чем он так теперь козыряет, прожил долгую и счастливую творческую жизнь и даже был на коротке с вождями. Сахаров восстал, потому что в Афганистан ввели войска. Любимов восстал, потому что у него закрыли три спектакля.

Есть разница?

Есть. То ли дырки большие, то ли гвозди маленькие, а не удерживается

Юрий Петрович на кресте, ну никак.

Диссидентского стажа — ноль целых.

Борьба — только разрешенная отделом культуры горкома.

Пять лет решающей драки — мимо.

«И стреляли в меня, и ножи совали не меньше, чем в тебя», — говорил Шарапов.

Эх, Таганка-чистоганка...

Новость, что у раскольников коноводит Филатов, заставила прильнуть ухом к сваре. Леонид Алексеевич — человек отдельный. Едва ли не единственный из коллег своего полета не пляшет на задних лапах за сахар в гостях у хозяев жизни. Распространенное убеждение, что все артисты тупые, его никаким боком не касается. Ироничен и речист. Сам пишет, сам снимает — отсюда нетрадиционная самостоятельность суждений. Он уже играл режиссера, у которого умирает артист, который холодно выжимает слезы любви из пустой актрисы, который режет по живому. Он понимает. Он бы зря не встрял.

Изо всех сукиных детей он, может, и сукино, да не дите.

Ему слово.

«Он думает только о коробке.

За четыре года в двухзальном театре поставлено четыре спектакля, из них три — ремейки сделанных на Западе, подготовленные за три недели «тяп-ляп». Зато театр не менее пяти раз сдавался в аренду гостям. За доллары. Залы постоянно арендуют «Новая опера» Колобова, труппа Аллы Сигаловой, другие. Помещение, отгроханное к началу восьмидесятых, с новейшей сценической механикой, — это ж Клондайк, Эльдorado! — как Желлов говорил... Из долларовых сумм есть возможность платить сносную зарплату артистам, поддерживая видимость существования».

Артисты не хотят. Многие. А с ними половина технических служб. За раздел проголосовало 146 человек — более половины театра.

Вот вкратце и вся смута.

«Дайте мастеру творить!» — негодуют авторы интервью, обильно раздаваемых Любимовым. А вызванный им же отряд муниципальной милиции не пускает на сцену Николая Губенко. А времена, когда в день шли два спектакля, ныне благополучно забыты.

«Дайте ему спокойнo умереть!» — продолжают сторонники. Тем временем умирают другие. Был и такой прискорбный факт. Очень бы не хотелось связывать смерть костюмерши Ростовцевой с утренним матерным разносом у главного...

«Мы просим вас защитить нашего учителя от оскорбительных притя-

заний Губенко Н.Н. на раздел театра на Таганке, что в течение года создает невыносимые условия для творческой атмосферы и жизни театра», — гласят листовки, раздаваемые «любимовцами» в антрактах зрителям. А две раскольницы уже уволены. А охрана пункта обмена валюты, открытого в здании театра, периодически выгоняет оппозиционеров из репетиционных, объясняя, что лишь на таких условиях Любимов сдал им закуток. А играющий народный артист Филатов получает зарплату в пять тысяч рублей (данные на январь). А жена его, заслуженная артистка Нина Шацкая, — три с половиной. При среднетheaterальной 15—16. Нормально?

Ну и чего надо этому «страшному народцу» с двумя добрыми молодцами во главе? Свободы. Отделиться, как взрослым сыновьям от самодура-папаша. Оставить ему имя театра, марку, славу и уйти на сопредельную территорию — пустующую сцену того же театра. И там работать. Делать спектакли с побегайцами уже изъявили желание Сергей Соловьев и Никита Михалков — обоих с недавних пор потянуло на театральную режиссуру.

Они хотят уйти в одиночное плавание: появляться в театре, выходить на сцену уже невмочь — это в доме, которому отданы лучшие годы! Свободное время коротают в кафешке за углом, где их знают и пускают в нерабочее время.

Оставшиеся на берегу отстаивают за Любимовым право сеньора. Увольнять, лишать, володеть и править, как пожелается.

Скажу честно: гиблое это дело — лезть третьим в такие разборки.

Вот никто и не лезет.

Заседание малого Моссовета по самоопределению таганцев откладывалось дважды. Позиция мэра Лужкова однозначна: «Таганку делить не будем».

Эх, Таганка-оборванка...

«Любому театру отпущено двадцать лет», — говорил умный старик. Даже если не начнет сбойть — через двадцать лет это будет совсем другой театр.

Двадцать лет — срок творческой дееспособности. Плюс-минус пять. Дальше дороги нет. К сожалению, главреж престижного театра — титул более пожизненный, нежели трон генерального секретаря. То же самое давно уже происходило в театре кукол, где последней премьере скоро червонец стукнет.

Таганки больше нет.

Есть маленький красный квадратик, знак «рот фронт» с пальцами фи-

гой и красивая, художественно рас-
трепанная легенда. Все было гораздо
паршивей. Как воспоминания о слав-
ных студенческих «словах» у входа в
театр: романтика, ночь, стенка на
стенку, без рук, только надо помнить,
что половина в этих стенках — ву-
зовская фарца, дравшая с товарищей

по четвертному за два билета.

Есть икона, навеки связанная с
именем театра. Вовремя умерший
(20±5!) божий человек, кесарь и сле-
сарь, и мореплаватель, и плотник.
Владимир Высоцкий. Артист театра.

Есть вконец рассорившаяся, чужая
друг другу семья, раз в год собираю-

щаяся на день рождения погибшего
брата — стараясь не встречаться
глазами. Спасает школа, позволяю-
щая на три часа забыть себя, дове-
сти песню до конца и в такт.

Еще есть красное здание у метро.
Все.

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

Историческая Родина

любомилла Петрушевская

Однажды суслик Си-
лантий и тушкан Жора
отправились на истори-
ческую родину, в зоомага-
зин, переименовавшись
для этого в Моисея и, со-
ответственно, в Иосифа.

Там их приняли привет-
ливо, директор поил их ча-
ем, но вечером магазин
закрывался, и суслик с
тушканом пошли по до-
мам.

Угощение им понрави-
лось, и на следующий день
они опять отправились в
гости, уже с женами и
детьми.

Директор зоомагазина
принял их опять приветли-

во, это был баран Вален-
тин, и он снова поил всю
компанию чаем с пече-
нем.

Вечером гости разош-
лись в приподнятом
настроении, чтобы на-
завтра прийти к открытию
уже с тещами и бабуш-
ками.

Опять был праздник,
все танцевали под тра-
ляля, дети объелись ка-
нареечного корма и ле-
жали в витринах, вызывая
всеобщее любопытство и
желание приобрести та-
ких пухлых крошек на во-
спитание, и леопард Эду-
ард даже послал телег-

рамму, что готов всех усы-
новить (удочерить), и
толпа моллюсков во главе
с их лидером Адрианом
приплыла в порт под фла-
гами «Гринписа» и лозун-
гами в защиту прав и про-
тив торговли детьми.

Четыре дня продолжа-
лась эта заваруха, пока
семья Силантия не обиде-
лась на барана Валенти-
на, что он дал семье Жоры
(якобы Иосифа) больше
сухарных крошек, и начал-
ся мордобой.

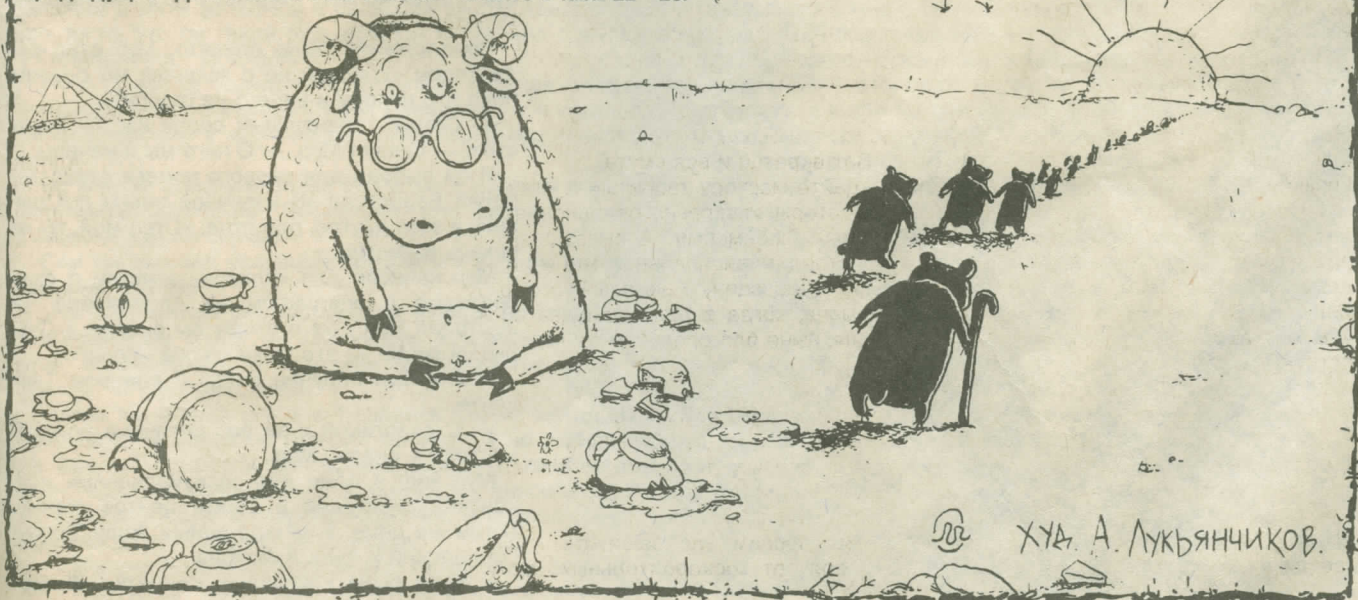
Моллюски вызвали
прямо из воды по рации
милицию, прибыл медведь,
мл. лейтенант Володя при-

ремне и с большой
дубинкой, и все пошли
объясняться в отделение,
но никого не арестовали,
потому что в КПЗ все было
занято, там сидела целиком
свадьба гиен во главе с
гиеной Зоей, которая
откусила жениху хвост (он
порвал на невесте
колготки, танцуя с ней
вальс-бостон).

И Зоя вынуждена была
пришивать хвост обратно
всю ночь в КПЗ, причем
свадьба целую ночь выла
из сочувствия.

И они никого туда не
пускали.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—29.

ХУА

ХУА А. Лукьяничков.

Эдуард БАБАЕВ

УЛИСС

О судьбе сына Марины Цветаевой

Георгий Эфрон. 1943(?)

Нас было трое. Встретились, познакомились и подружились мы во время войны, в эвакуации, в Ташкенте. Самым старшим среди нас был Георгий Эфрон, или Мур, сын Марины Цветаевой, ему тогда едва исполнилось шестнадцать.

Мы читали друг другу свои стихи, обменивались книгами, спорили, когда и где откроемся второй фронт. Мур написал статью о современной французской поэзии, которую Алексей Николаевич Толстой одобрил и обещал напечатать в журнале «Новый мир». Валентин Берестов уже читал свои стихи по радио, и его слушала вся ташкентская эвакуация. А я, начитавшись «Римских древностей», сочинял роман из античной истории.

Мур читал книгу Джойса «Улисс» и говорил, что в «Одиссее» у Гомера главный герой — Телемак, который ищет своего отца, пропавшего во время Троянской войны.

Это было время великой безотцовщины. В Ташкенте тогда можно было встретить людей со всех концов страны, со всех концов света. И Мур предложил нам издавать вместе рукописный журнал под названием «Улисс».

Предложение было принято, Мур стал редактором «Улисса», но о журнале мы решили пока что никому и ничего не говорить.

— Самый талантливый среди нас — Берестов, — сказал Мур. — С него мы и начнем.

И он выбрал для первого номера стихотворение Берестова «В извечной смене поколений» и еще другое, про отца: «Отец мой, ты не шлешь известий...».

Мур написал для «Улисса» заметки о сюрреализме с эпиграфом из Аполлинера: «Я выстроил мой дом в открытом океане...» Открытый океан — это тоже «тропа «Улисса»».

А мне был поручен очерк о военном Ташкенте.

— С экзотикой и не без античных подробностей, — сказал Мур.

Мур жил в доме для эвакуированных московских писателей в самом центре города. В том же доме, в начале войны, жили Сергей Городецкий и Анна Ахматова.

У Мура была крошечная комнатка, фанер-

ная выгородка без окон, с лампочкой под потолком в черном патроне. В этой комнатке едва помещались стол, стул и узкая кровать, застеленная стареньким пледом. Над столом была укреплена книжная полка, на которой стояли сборники Марины Цветаевой: «Версты», «Ремесло», «Царь-Деввица».

Иногда Мур читал на память стихи. И тогда оказывалось, что у стен есть уши: то слева, то справа из-за фанерной перегородки слышались голоса обитателей этого многонаселенного дома, просивших Мура прочесть еще и другие стихи: назывались заглавия, отдельные строки. И Мур читал:

*Москва! Какой огромный
Странноприимный дом.
Всяк на Руси бездомный,
Мы все к тебе придем.*

Он тосковал о Москве. Это была его Итака, о которой он никогда не забывал. И ни на что не жаловался. Рубашки у него всегда были свежие, башмаки начищены до блеска. Он жил вполне самостоятельно. Но и добрые соседи, как можно было видеть, не оставляли его без внимания.

Мур зарабатывал на хлеб тем, что писал плакаты и стихи для Телеграфного агентства (УзТАГ). Это было нечто вроде маяковских «Окон РОСТА». Иногда приходилось рисовать по свежей штукатурке на стене университета.

У Мура была толстая записная книжка с названием «Проба пера», где он собирал свои эпиграммы, похожие на его карикатуры:

*Эрзац, Абзац и Нота Бене
Танцуют вяло трепака.
И Мефистофель в белом шлеме
Им лижет пятки свысока.*

Работа Мура была профессиональна. Это были окна во взрослый мир, который нам тогда был недоступен. И мы с удивлением смотрели на Мура и на его плакаты. С виду он был строгим и тихим юношей, аккуратным и благовоспитанным, но был у него этот «маяковско-цветаевский» стиль «превыше крестов и труб, крещенный в огне и дыме...».

Наша сверстница Майя Левидова познакомилась с Муром еще до войны. Она говорит, что Мур всегда был таким же. Казался старше своих лет и признавался, что ему неловко сидеть за партой в сельской школе, где его дразнят за то, что он такой большой. Он тогда жил с матерью в Голицыне под Москвой.

«Я в то время только что поступила в художественное училище, — рассказывает Майя Левидова, — и очень гордилась тем, что у меня на рисунках все выходит как живое...»

Но Мур не слишком ценил сходство с натурой в изобразительном искусстве. Посмотрев эти рисунки, спросил Майю: «И вам не скучно?»

Сам он рисовал условные портреты и фигуры с карикатурными чертами.

Мур был юноша без жеманства. «Когда его пригласили к обеденному столу, — вспоминает художница, — он не стал отнекиваться и «заранее благодарить», а просто сказал: «С удовольствием».

Таким же я знал его и в Ташкенте. Он не менял своих привычек. Ни слова не говорил об отце. И не любил, чтобы ему высказывали сочувствие. Какая-то литературная дама, недавно появившаяся в эвакуации, бросилась к нему с расспросами о Марине Ивановне и с объятиями, но Мур холодно отстранил ее и сказал:

— Марина Ивановна повесилась! Разве вы не знаете?

Литературная дама чуть не упала в обморок и потом

всюду называла Мура «бесчувственным». И говорила, прижимая руки к груди: «Я понимаю Марину Ивановну!»

— Ничего она не понимает, — ворчал Мур. — И вообще пусть не лезет ко мне со своими нежностями!

Он писал роман о подростке, потерянном в Париже. Как он бредет по улице с «большими магазинами» к станции подземной железной дороги и видит: «Станцию метротошило толпой пассажиров». Однажды он прочитал мне также наброски «семейной хроники», где коснулся роковой темы самоубийства...

Беллетристики он не признавал, говорил, что это пустая трата времени. Я читал «Туннель» Келлермана, а Мур велел мне прочесть «Контрапункт» Олдоса Хаксли. Он отдавал предпочтение истории и философии. Для меня, провинциального мальчика, все это было новым и неожиданным. И я слушал Мура, «как любопытный скиф афинского софиста».

В наших беседах, спорах и хождениях по городу принимал также участие Р.Такташ, сын знаменитого татарского поэта Хади Такташа. Р.Такташ был художник, знаток искусства и поэт. Он писал стихи по-русски, и многие его образы были живописными. Мур говорил, что участие Р.Такташа вносит в наше сообщество евразийский элемент. Именно от Мура я впервые услышал о евразийстве, нечто вроде того, что потом развивал в своих книгах Л.Н.Гумилев. И это тоже было для меня новым и неожиданным и так непохожим на то, что мы тогда проходили на уроках истории.

Однажды мне по какому-то случаю достались талоны на бесплатный обед в академической столовой. Нужно было только захватить ложки из дома. Я позвал с собой Мура, и мы встретились с ним у входа в балетную школу имени Тамары Ханум на Пушкинской, 31, где помещался в эвакуации институт мировой литературы Академии наук.

Столовая располагалась прямо при входе, в просторном вестибюле. По-видимому, это было какое-то временное помещение. Дежурная взяла у нас талоны и ушла на кухню, занимавшую часть гардеробной. Вскоре она принесла нам миски с раскаленным перловым супом и поджаренную рисовую котлетку с зеленью.

— Обожаю вегетарианскую кухню, — сказал Мур. — Она напоминает мне о Льве Толстом...

Он был в прекрасном настроении. Даже что-то такое снобическое проснулось в нем. Стульев в этой импровизированной столовой не было. Столики высокие, какие бывают в кафе на вокзале... Покрыты они были клеенкой, жесткой, как железо. И Мур припомнил по этому поводу «Казино» Мандельштама: «Но я люблю на дюнах казино, широкий вид в туманное окно и тонкий луч на скатерти измятой...»

Ложки, столь славно послужившие нам за обедом, мы вымыли горячей водой под рукомойником и уже собирались уходить, когда к нам подошла дежурная и сказала:

— Мальчики, пойдите и помогите там, в зеркальном зале, с ящиками. «В обстановке секретности» — как говорил наш Михалыч.

Наверное, она приняла Мура за аспиранта Института мировой литературы. Мы тотчас же пошли в указанный ею зеркальный зал и увидели, что он весь разгорожен крепкими сундуками и ящиками, так, что они образуют прямые отрезки пространства: коридоры и жилые помещения. А по стенам от самого плинтуса тянутся сплошной лентой выше человеческого роста зеркала. Это был зал для репетиций балетной школы. В некоторых отсеках, там, где стояли раскладушки, столики и тумбочки, зеркала были

забелены мелом. И по меловой поверхности прочерчены инициалы и детские рисунки.

Кто-то уже передвигал ящики под наблюдением завхоза в галифе и сапогах. И мы тоже по его указанию передвинули несколько ящиков так, что они отгородили еще какое-то пространство у стены. Галифе и сапоги отражались во всех зеркалах. Но когда мы наклонились над очередным ящиком, то вдруг увидели, что там написан инвентарный номер и обратный адрес: Москва, музей Л.Н.Толстого.

— Так вот на что намекала рисовая котлетка! — воскликнул Мур.

Мимо нас проходила дежурная, которая отправила нас сюда. Она везла на тележке красные огнетушители. Мы спросили у нее про ящики. И она сказала, что это библиотека музея Л.Н. Толстого, которую эвакуировали вместе с академическим институтом.

Мы решили поместить заметку про путешествующую библиотеку в журнале «Улисс» и отправились прямо к завхозу в галифе узнавать подробности. Но он вдруг насторожился и заявил, что ни на какие такие вопросы отвечать не будет.

— Кто вы такие? — спрашивал он. — И как сюда попали? В обстановке секретности!

А тут еще колесо тележки с огнетушителями застряло, зацепившись за соседний ящик. Мур наклонился, чтобы помочь дежурной, и у него из кармана выскользнула и покатила по полу столовая ложка. Завхоз несколько секунд смотрел на ложку, на Мура, на меня, а потом сказал:

— Чтоб я вас тут больше не видел! В обстановке секретности...

У Мура были списки не напечатанных у нас стихов Марины Цветаевой. В то время в узком кругу писателей ходили по рукам немногочисленные копии «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца». Вспоминались и перечитывались заново ее прежние, ранние стихи. Когда я познакомился с Анной Ахматовой, она восхищенно, на память читала «Песню» о последней разлуке:

*Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!*

Я не могу передать этого дословно, «прямой речью», но Анна Ахматова говорила, что стихи Марины Цветаевой, как «песни» Ксении Годуновой, сотканы из стихии «смутного времени», что это отголосок великой московской трагедии. Ее поражали отречения и пророчества «Поэмы Горы»: «Да не будет вам счастья дольнего, Муравы, на моей горе!»

Мы хотели бы многое поместить в «Улиссе», но журнал оставался пока редакционной тайной. Если бы наш «Улисс» попал в руки тогдашних «блюстителей печати» и «попечителей школы», нам бы не поздоровилось. И не потому, что в нем было что-то такое, что считалось тогда предосудительным, а потому, что в нем не было ничего такого, что считалось тогда обязательным.

Дом, в котором жил Мур, казался мне Олимпом. Здесь можно было бы собрать материалы для добрых десяти номеров журнала. А Мур посмеивался над моими иллюзиями. И говорил, что Олимп имеет еще другое

наименование и в просторечии называется «Лепрозорием». И рассказывал невероятные истории из жизни «неприкасаемых».

— Вот, например, — говорил Мур, — Анна Ахматова написала стихи о своей «вольности» и «забаве»: «А наутро притащится слава погребушкой над ухом бренчать»... А Сергей Митрофанович Городецкий говорит: «Кто это пишет? Анна Ахматова? Моя недоучка...» А ты говоришь: «Олимп», — смеялся Мур.

Вместе или наряду с «Избранным» Анны Ахматовой в Ташкенте были напечатаны и «Думы» Сергея Городецкого с подзаголовком: «Семнадцатая книга стихов». Я принес этот сборник Анне Андреевне, думая, что ей это будет интересно. Она перелистала сборник, взглянула на титульный лист и сказала:

— Семнадцатая книга стихов... Много я дам тому, кто вспомнит, как называлась шестнадцатая книга!

Никто не помнил и не знал. Когда я рассказал об этом Муру, он хохотал от всей души и привел слова Мандельштама из «Шума времени»: «Литературная злость! Если бы не ты, с чем стал я есть земную соль!»

Но смех его был невеселый. Он был похож на подростка Достоевского, потрясенного неблагообразием какой-то семейной тайны. И в доме писателей, на «Олимпе», или в «Лепрозории», он был одинок. Я видел, как он медленно, как бы нехотя, поднимался по лестнице в свою фанерную комнату.

*В доме, где по ночам не спят,
Каждая лестница водопад —*

как сказано в стихах Марины Цветаевой.

*Над двором узорно,
Вот крест,
Вон гвоздь...*

Я, слушая Мура, учился понимать Марину Цветаеву. Она присутствовала в нем в гораздо большей степени, чем можно было предположить. И вся его судьба предсказана ее стихами.

Мы шли по улице Жуковской по направлению к Пушкинской. И вдруг увидели впереди Алексея Николаевича Толстого. По случаю жаркой погоды он был одет в светлый костюм. И шел, опираясь на трость, попыхивая трубкой. На голове у него была легкая соломенная шляпа.

Мы пустились вдогонку за ним. И уже почти поравнялись, когда со стороны Пушкинской на Жуковскую вышла высокая и неторопливая женщина в длинном полотняном платье. На улице были и другие люди, но мы смотрели только на нее. Мы остановились. И Алексей Толстой остановился. Навстречу ему шла Анна Ахматова.

Мур потащил меня за руку, мы издали смотрели на Алексея Толстого и Анну Ахматову, встретившихся под платаном.

— Анна Андреевна! — говорил Алексей Николаевич, снимая шляпу и целуя ее руку.

— Я вспоминала вас недавно, — сказала Анна Андреевна. — В Академии был литературный вечер. И я почему-то ожидала увидеть вас среди приглашенных. Вы ведь академик...

Алексей Толстой расшаркался и помотал перед собой шляпой, как Меньшиков в «Петре I».

— И еще мне как-то не хватало Щеголева, — сказала Анна Андреевна. — Меня пригласили как пушкиниста, —

добавила она сдержанно.

Алексей Николаевич увидел Мура и кивнул ему. Анна Андреевна пригласила нас жестом приблизиться. Мы сделали несколько шагов и остановились на почтительном расстоянии.

— Мы вполне могли встретиться в Академии, — продолжал Алексей Николаевич. — Должен признаться, что и мне как-то не хватает Щеголева. Он бывал так же, как я, недалековиден и суетен. Но он был из тех людей, кто знает, что в русской тишине есть добродетель...

По улице Жуковской тянулся караван верблюдов по направлению к Алайскому базару. Это был единственный вполне надежный вид транспорта в те годы, как, впрочем, и во все другие времена. Верблюды перекликались резкими птичьими голосами, вытягивая шеи и высоко шагая в клубах пыли.

На Анну Ахматову с ее бурбонским профилем и на Алексея Толстого с его обломовской внешностью никто не обращал особенного внимания среди этого шума и гамы.

— Это как раз то, чего не хватает нашему журналу, — сказал мне Мур. — Вот он, ташкентский очерк с экзотикой и не без античной древности, — продолжал он, указывая на древние, как мир, колокольчики каравана.

— Меня пригласили как пушкиниста, — повторила Анна Ахматова. — Но здесь выходит книжка моих стихотворений, которую составил Корнелий Зелинский.

— Ни слова больше! — воскликнул Алексей Николаевич Толстой. — Корнелий Зелинский не только ваш составитель, но и новый устроитель моей жизни. Представьте, он решил, что я должен стать директором Института мировой литературы, — и он указал палкой на видневшееся впереди здание балетной школы.

— Вы все можете, — сказала Анна Андреевна.

— Да, — растерянно протянул Алексей Николаевич, — но управлять департаментом?

И он отрывисто засмеялся.

— Я даже был уже с визитом в этом академическом департаменте, и даже познакомился с ученым секретарем Мотылевой... Однако я стар уже для такой ассамблеи, — и он сделал какой-то церемониальный жест.

Караван уже прошел, пыль улеглась. Регулировщик открыл движение машин по Пушкинской улице. И Алексей Толстой стал рассказывать о своей поездке в Самару, о Москве, упомянул Рогачевское шоссе. И вдруг они заговорили о Блоке, о скрипаче и лжепророках. Что-то даже ироническое мелькнуло в разговоре, как в «Хождении по мукам».

Когда я читаю стихи Анны Ахматовой «Пора забыть верблюжий этот гам», мне кажется, что они связаны с этой встречей на Жуковской улице.

Когда Анна Андреевна ушла, как она умела уходить, почти не прощаясь, Алексей Николаевич сказал:

— Только теперь, глядя на караван, я понял, что такое оазис: ведь вокруг пустыня как подумаешь...

Лицо его помрачнело. Он раскурил трубку и надвинул шляпу на глаза.

На Рогачевском шоссе было написано стихотворение Блока «Осенняя воля»: «Выхожу я в путь, открытый взорам...» И при упоминании о нем, как мираж, возникла в пустыне тоска по России. «Там все теперь сияет, все в росе, // И небо забирается высоко, // И помнит Рогачевское шоссе // Разбойный посвист молодого Блока», — пишет Ахматова в том же ташкентском стихотворении.

Иногда мне кажется, что все это приснилось: Блок, Анна Ахматова, Алексей Николаевич Толстой. Но если бы я тогда написал тот ташкентский очерк, который требовал от меня редактор журнала «Улисс», я бы назвал его «Мираж».

Шло время. Мы выросли. Мур был широкий в плечах, рослый юноша, многие девушки-одноклассницы заглядывались на него. И среди них была одна «светлокудрая богиня», претендовавшая на роль Калипсо, державшей в своем плену на острове странника Одиссея. Но он должен был покинуть и ее, и ее остров.

Как-то поздним вечером мы все гурьбой вышли из кинотеатра «Искра», где показывали «Леди Гамильтон», и, простившись, разошлись в разные стороны. «Светлокудрая богиня» последовала за Муром. К тому же идти им нужно было по одной и той же улице. Она решила, что Мур проводит ее до самого ее дома.

Но Мур, поравнявшись со своим подъездом, ушел на «Олимп». А бедная Калипсо, не понимая того, что произошло, осталась ждать его у подъезда, до самого рассвета. Благо, ночи летом короткие. Случай этот получил огласку. И не было конца пересудам и разговорам, которые как будто совершенно не задевали Мура, не касались его.

Одна моя школьная приятельница, знавшая «светлокудрую богиню» и не допуская по отношению к себе даже тени невнимания, называла Мура «идолом».

— Идол! — говорила она. — Да как он мог!

Но ведь Мур был Улиссом и никому ничего не обещал. У него была другая судьба, он чувствовал ненадежность всякого крова. Слушая ласковые и суровые укорины, Улисс строил свой плот, прилаживал парус и прислушивался к отдаленному шуму моря.

Вскоре Алексей Николаевич Толстой уехал из Ташкента. Но Мур успел рассказать ему о нашем журнале, и он обещал прочесть рукопись, когда она будет готова. Мур каждую неделю бывал у Толстого. И при последнем посещении Алексей Николаевич подарил ему для журнала хорошую синюю папку с нестершейся надписью: «Хождение по мукам».

Это была папка, в которой хранились последние главы романа, напечатанного в начале войны в Ташкенте («Хмурое утро»). Теперь Мур положил в нее первые страницы «Улисса». Но время шло так быстро, что все слышнее становился гул эшелонов, увозивших все новых и новых солдат на войну. Они останавливались уже, что называется, в десяти шагах от нашего поколения.

Первым получил повестку Мур. Он был очень взволнован. Ему казалось, что начинается, может быть, лучшая часть его жизни. Он хотел быть офицером, надеялся поступить в военное училище.

— По русским традициям, — говорил он, — кровь, пролитая в боях за отечество, снимает бесчестие с имени!

Я провожал его до военкомата, который помещался недалеко от моего дома, на улице Почтовой. Мы пришли в точно указанный день и час, но дверь оказалась закрытой.

Мур встревожился и решил ждать не сходя с места. Мы говорили с ним о чем-то постороннем. И вдруг дверь военкомата отворилась. Вышел вестовой с ружьем и сказал:

— Кто с повесткой, входите!

— Подожди меня, — сказал Мур, взбежал по ступенькам крыльца и махнул мне рукой.

Я не думал тогда, что вижу с ним в последний раз. Впрочем, он скоро вернулся. На нем лица не было. Как-то вдруг резко обозначились и обострились черты лица, бледность лба, сжатые губы.

— Там у них тройка собралась, — сказал он тихо. — Пойдем отсюда, пойдем скорее!

Нет, конечно, ему так прямо не сказали, что он сын «врага народа» и потому не заслуживает чести быть приз-

ванным в действующую армию. Но заявление о приеме в военное училище не приняли. «Мы тут посоветовались, — сказал военком и кивнул на двух своих молчаливых советников слева и справа, — и решили, что для вас же лучше будет, если мы зачислим вас в трудармию».

Зачисленный в трудармию, Мур попал бы на строительство канала в пустыню, в глухие места, откуда редко кто возвращался. Я не знал, что сказать ему, так все это было неожиданно. Но Мур, в отличие от меня, знал, что нужно делать, и не нуждался ни в каком совете.

— Я пойду к зампреду, — сказал он. — Сейчас самое главное — вернуться в Москву. А там видно будет...

Я не решаюсь назвать имя зампреда, о котором говорил Мур. Боюсь ошибиться. Мура «на всякий случай» познакомил с ним Алексей Николаевич Толстой, уезжая из Ташкента. Сейчас наступил именно такой случай, когда медлить было нельзя.

Мы расстались с Муром на углу Почтовой и Широкой улиц. Условились встретиться на другой день. Но дома меня ожидала повестка о мобилизации на сельскохозяйственные работы в Голодную степь. Машины ушли от нашего школьного двора рано утром. А когда я вернулся из Голодной степи, Мура в городе уже не было. Говорили, что ему удалось уехать в Москву. Кажется даже, он вылетел самолетом.

Потом, через несколько лет, когда окончилась война, до Ташкента дошли глухие вести о том, что он призывался в Москве, был отправлен на фронт и там погиб. Потом кто-то подтвердил, сказал, что, да, Мур убит... И я понял, что с этим уже ничего нельзя сделать.

Мне все хотелось написать о нем. Но всякий раз, когда я брался за перо, на руки падала какая-то глухая завеса, отделившая от нас его имя и тайну его гибели. От первых набросков сохранились лишь несколько строчек, навеянных стихами Марины Цветаевой:

Мур

*Скорь губ,
Лба кость,
Век груб,
Как гвоздь.*

*Лжа — быль
Сих мест.
Кровь, пыль
И крест.*

*Бог? — скрой...
Боль? — взвесь...
Век твой
До днес!*

(1948)

Прощай, Улисс!

Не удалось тебе ступить на тропу возвращающегося Одиссея. Видно, недаром Алексей Толстой подарил тебе пустую папку с надписью: «Хождение по мукам».

ПРЕСС
ЭКСПРЕСС

ЕЖЕДНЕВНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ОБЗОР ПРЕССЫ РОССИИ,
БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ.

I-ый канал «ОСТАНКИНО»
2 раза в сутки по 10 минут

**ВАС ЧИТАЮТ МНОГИЕ,
А НАС СМОТРЯТ ВСЕ!**

тел. (095) 283-88-73

Никита Ярыгин — простой художник. В том смысле, что он пока не прославлен, за рубежом не выставлялся. Замечательная предпосылка для исключенности из художественного процесса и осознания себя маргиналом — книжный график, да к тому же молодой.

Если профессионалы-иллюстраторы среднего и старшего поколений успели пожить и поиздаваться вволю при прежнем режиме, щедро выпускавшем всяческую литературу «с картинками», то тем, кто закончил институт аккурат перед перестройкой или в ее разгар, заказов уже не хватило. Мало того, что молодым всегда приходилось отвоевывать место у окопавшихся в издательствах старших товарищей, теперь же стало еще хуже — где те издательства, где книжки с благостными иллюстрациями, где конкурсы среди иллюстраторов... Бог весть.

Вот был, например, с Никитой такой случай. Дали ему в фирме «Лада-Макс» задание: оформить книгу «Три Дюма» — обложка, титул, форзац и так далее. Приносит первый вариант — не нравится, второй — кривятся, третий — переделайте. Он никак не поймет, в чем дело, конкретные претензии худреда не высказывает. Потом объяснили: тут председатель художественного совета — Иван Иванович, он все равно зарубит, потому как у него есть на примете другая кандидатура — художник, готовый за треть гонорара работать, а две трети благодетелю отдать. Нет, он, Никита, конечно, молодой, но не до такой же степени, чтобы за копейки пахать, Ивану Ивановичу светлую старость обеспечивать. Забрал он эскизы и ушел.

Впрочем, получив заказ

Марина ГЕОРГИЕВА

СЛОВО О БЕДНОМ ХУДОЖНИКЕ

Никита Ярыгин

Взятие Трои

и одобрение худреда, не можешь быть уверен, что книга в конечном счете выйдет, а не сгинет где-нибудь в редакции или типографии, не вынеся инфляционного бега. Да и иллюстрировать хочется не «Марианну» («Изабеллу», «Крестину» и других «Девственниц»), а что-то такое, с чем не стыдно людям показаться, что-то любимое, о чем с детства мечталось. Это любимое почему-то больше всего от инфляции страдает. Не иначе как по закону подлости.

Вот был с Никитой еще такой случай. Заказали ему иллюстрации, предложили «замахнуться на самого Вильяма нашего, Шекспира». И не какое-нибудь массовое издание, а книжка-малютка — лучший подарок библиофилу. И работа большая: от и до, начиная с обложки и заканчивая последней виньеткой. Красиво получилось. И дело не просто шло. Даже отбросив такие профессиональные сложности, как микроскопический масштаб и короткий срок на исполнение, Шекспир — это вообще не хвост собачий — большой труд. В общем, сдал, а книги так и нету, не вышла. Как не вышел и философский обзор в издательстве «Просвещение». На эту книжку тоже пока денег не хватило.

Никита — человек аккуратный, все по папочкам раскладывает, ярлычки приклеивает: наброски, готовые оригиналы, черновики, опубликованное. Это самая тонкая и трогательная папка. Начинается она с закладок-иллюстраций к «Повестям Белкина», изданным к пушкинскому юбилею еще в последние предперестроечные годы в Ленинградском отделении издательства «Искусство». Тогда, конечно, свои курьезы были, своя бредятинка. Вот, например, для обложки Ярыгин нарисовал самого покойного Белкина, чем и вызвал нескан-

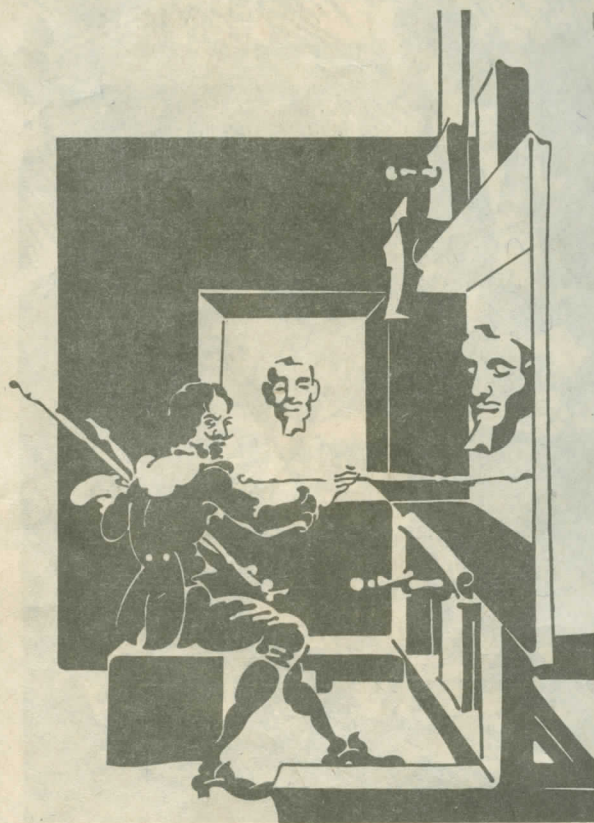
занное волнение в художественной редакции издательства. Белкина этого, как выяснилось, еще никто не рисовал, а потому все засомневались, таков ли был Иван Петрович, можно ли вводить в пушкиноведение этокое новшество, верно ли оно будет понято и хорошо ли принято Где Надо. Склонились в конечном итоге, что не стоит будировать публику, а ну как ей Белкин не придется по вкусу, и обложку заменили. И бедный Иван Петрович Белкин, о внешности которого было известно только то, что он роста среднего, худощав, глаза имел серые, а волосы русые, переехал из папки «изданное» в раздел готовых к печати оригиналов.

Среди изданного более всего газетных и журнальных иллюстраций, рисованных заголовков, а еще несколько комиксов, за которые он получил в свое время первое место на конкурсе, проводившемся Московским детским фондом имени В.И. Ленина.

Впрочем, комиксы его больше похожи на литературную раскадровку. Многие посвящены программным вполне произведениям из русской классической литературы. Гоголь, например. Кстати, чем не «ужасовка»? Именно с этого жанра и началась профессиональная карьера Никиты. Он еще в школе рисовал комиксы, а дядя размножал их на ксероксе, чтобы мальчик мог раздать их друзьям. Как-то один из них принес удивленному Никите десять рублей — бешеные по тем временам деньги — и попросил еще экземпляров, да побольше. На вопрос, откуда червонец, приятель объяснил, что комиксы продал, а это — гонорар художника. Что ни говори, первый гонорар — великая вещь, очень повышает самооценку и дает импульс к работе. Тот предприимчивый юнец стал, наверное, в наши дни

Органист

Голография

коммерсантом, а Никита — профессионалом, в какое понятие, как известно, входит получение специального образования и необходимость жить на доходы от своего труда. Впрочем, с заработками не все так быстро получилось. Теперь он нашел место, где платят за труд по специальности, и платят, что приятно, по труду, — стал главным художником малого предприятия, занимающегося книгоизданием по заказам организаций и частных лиц. Конечно, профессионал и в Африке профессионал, но, честно говоря, лепить буклеты коммерческих фирм или оформлять книгу человека, описывающего свои встречи с неземной цивилизацией, — маленькое удовольствие. Судя по всему, самое интересное в такой работе — вопрос, откуда автор берет деньги. Уверяет — что из космоса.

К сожалению, зарплата из космоса не всем поступает, а жить и семью кормить надо, поэтому Никита своей работой в малом предприятии, можно сказать, доволен. И считает, что у книжных графиков, даже молодых, не все так безнадежно. Предприятие, кстати, иногда и хорошие книги выпускает, а может, Никита со временем там что-нибудь издаст по своему вкусу. Вообще, полиграфистам легче — у них ремесло в руках, а вот живописцам куда хуже, Никита их жалеет...

МАГАЗИНЫ И ПРЕДПРИЯТИЯ СЕРВИСА, ПРИНИМАЮЩИЕ КАРТОЧКИ STB CARD

МАГАЗИНЫ И ПРЕДПРИЯТИЯ СЕРВИСА, ОБСЛУЖИВАЮЩИЕ ЗА ВАЛютУ

1. ГУМ (Красная площадь, 3)
Секции: ESCADA, GALERIES
LAFAYETTE
2. ГАЛАНТ (Варшавское ш., 2)
3. БАЛШЕК (Русаковская ул., 22)
4. ЭДЖАДЖИБАШИ (ул. Маросейка, 3)
5. ТД МОСКВА (Кутузовский пр-т, 31)
6. РОСИНКА (ул. Серафимовича, 2/20)
7. КАПИТА (пр-т Мира, 99)
8. МЕГА ИНТЕР (Б. Дорогомилосевская ул., 8)
9. ИНТЕРНЕШНЛ ИНК (пр-т Вернадского, 105)
10. МЕДИКАЛ МЕН (ул. Чернышевского, 4)
11. ФРАНС САНТЭ № 1 (Земляной вал, 42/20)
12. БЕРЕЗКА (Краснохолмская наб., 5/9)
13. ФИЛИАЛ «Березки» № 1 (гостиница «РОССИЯ», ул. Варварка, 6)
14. ФИЛИАЛ «Березки» № 2 (гостиница «УКРАИНА», Кутузовский пр-т, 2/1)
15. М 1 (Ленинский пр-т, 34/1)
16. GARDEN RING (Б. Садовая, 1)
17. GERMAN TRADING CENTRE (Ленинградский пр-т, 54)
18. РУБИКОН № 1 (ул. Летчика Бабушкина, 26, кинозал «ОРИОН»)
19. РУБИКОН № 2 (ул. Шереметьевская, 2, кинотеатр «ГАВАНА»)
20. РУБИКОН № 3 (Новый Арбат, 25, 2-й этаж м-на «ПОДАРКИ»)
21. NBM-сервис (Чистопрудный б-р, 2/2)
22. ТВЕРСКОЙ M&S (Тверская ул., 6)
23. РИНАТА (ул. Чернышевского, 40) — агентство по туризму и информации
24. JULIUS MEINL (Варшавское ш., 46)
25. JULIUS MEINL (Ленинский пр-т, 146)

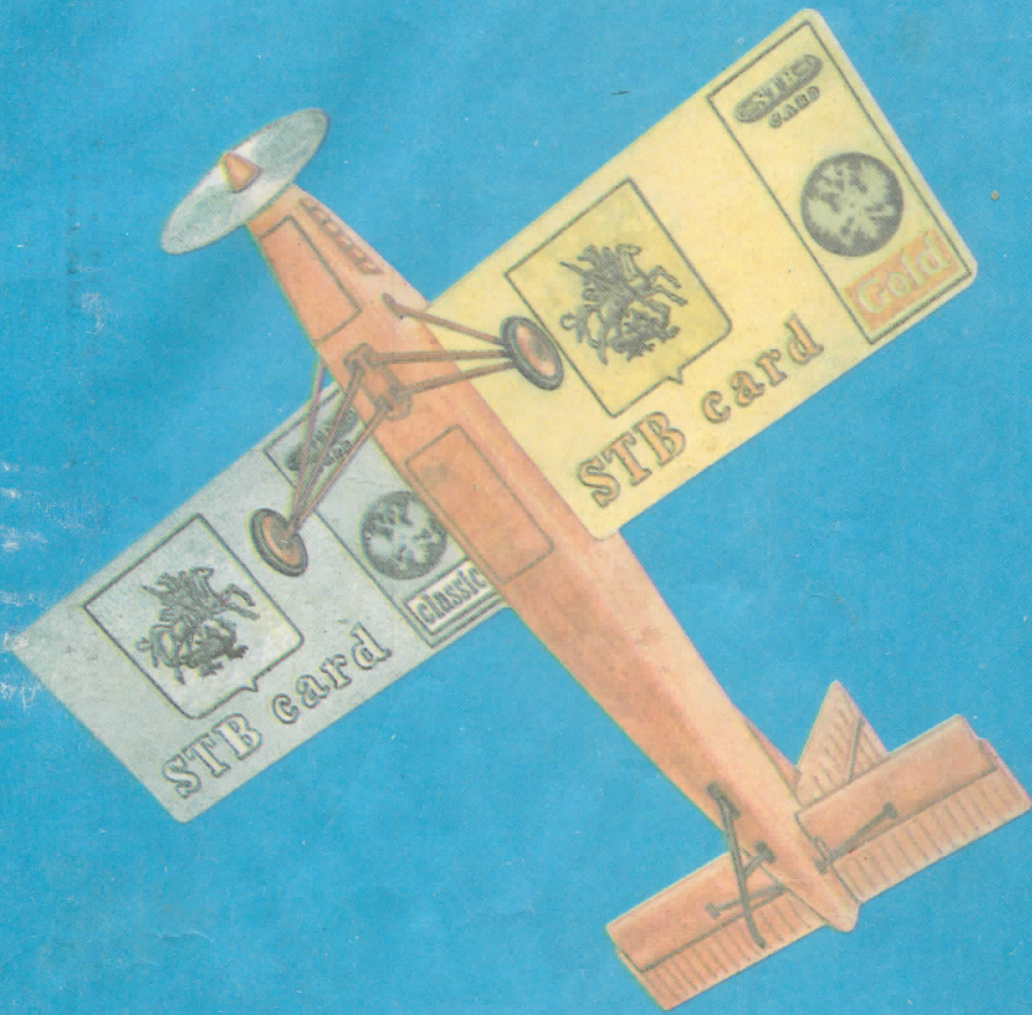
МАГАЗИНЫ И ПРЕДПРИЯТИЯ СЕРВИСА, ОБСЛУЖИВАЮЩИЕ ЗА РУБЛИ

1. ГУМ (Красная площадь, 3). Секции: МЕХА, ЗОЛОТО
2. ВЕЛТА (9-я ул. Соколиной горы, 21)
3. МОДА (ул. Красная Пресня, 236)
4. АДИДАС (Добрынинская пл., 1; 1-й этаж универмага «Добрынинский»)
5. ЭЛЕКОМ (Симферопольский б-р, 17а)
6. ИНТЕРСТИЛЬ (ул. Никольская, 6)
7. ИНТЕР (Рязанский пр-т, 97)
8. ДВЕ ДЕВЯТКИ (пр-д Сапунова, 5)
9. НАЦИОНАЛЬ (Смоленская пл., 7)
10. ОТОН № 1 (Еропкинский пер., 4)
11. ОТОН № 2 (Ленинский пр-т, 156)
12. ОТОН № 3 (Авангардная ул., 5)
13. ВЕШНЯКИ (ул. Вешняковская, 18)
14. УДАРНИК (ул. Серафимовича, 2/20)
15. КАЛАН И К (ул. Новый Арбат, 15)
16. АЛМАЗ (Столешников пер., 14)
17. МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА (Новый Арбат, 6)
18. ЯНТАРЬ (Грузинский вал, 14)
19. ТИК-ТАК (ул. Никольская, 10)
20. КАБУЛ (ул. Садово-Кудринская, 7)
21. НА НИКОЛЬСКОЙ (ул. Никольская, 4)
22. МИНСК (Славянский б-р, 13/1)
23. МОСКВОРЕЧЬЕ (ул. Пятницкая, 36)
24. FOOD STORE (1-я Тверская-Ямская, 4)
25. 555 (Фрунзенская наб., 38/1)
26. СТИЛЬ (Профсоюзная ул., 22/10)
27. ТЮЛЬПАН (Б. Тульская ул., 2)
28. Книжная лавка журналиста (пр-т Мира, 57)
29. СОЛМУС-СЕРВИС (Смоленская ул., 6, ком. 204) — установка противоугонных систем на автомобили
30. РУВАС (Фрунзенская наб., 36/2)
31. ИНФОРМАТИЗАЦИЯ РОССИИ (Б. Татарский пер., 3)
32. ПОЛАРИС (Сиреневый б-р, 1-5)
33. РОСДЕНТ МЕДИЦИНСКАЯ КОМПАНИЯ (2-я Владимирская ул., 31а; поликлиника № 69) — лечение, протезирование зубов.
34. ТОТУС (ул. Тухачевского, 20)
35. АПИКО (2-й Стрелецкий пер., 10)
36. МОДНАЯ ОДЕЖДА (Кутузовский пр-т, 26)
37. НЕКТОН (ВВЦ, бывш. ВДНХ, павильон «Металлургия»)

The logo for STB CARD features the letters 'STB' in a bold, stylized font, with a circular emblem on either side containing a stylized 'S' and 'B'. Below 'STB' is the word 'CARD' in a simpler, bold font.

OMNIA MEA MECUM PORTO....

БАНКОВСКАЯ
КАРТОЧКА

... ВСЁ МОЁ НОШУ С СОБОЙ